

176

ГРАНИ

GRANI

Г
Р
А
Н
И

176

1995

Verlagsort: Frankfurt/M., April-Juni

1995

"ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; почти полвека журнал способствовал публикации произведений, которые не могли быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Ахматовой, Д. Андреева Л. Бородина,
М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова,
В. Войновича, А. Галича, З. Гиппиус,
В. Гроссмана, Ю. Домбровского,
Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина,
Н. Коржавина, В. Корнилова, А. Куприна,
С. Левицкого, Н. Лосского, В.
Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова,
Виктора Некрасова, Б. Окуджавы,
Б. Пастернака, К. Паустовского,
А. Платонова, Г. Подъяпольского,
Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова,
А. Солженицына, В. Солоухина, В. Тарсиса,
М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина

и многих других отечественных и эмигрантских авторов.

И в новых условиях уже в самой России журнал будет следовать прежним принципам, в первую очередь способствуя публикации произведений, помогающих освобождению от остатков тоталитаризма в душах людей и восстановлению прерванных им традиций российской культуры.

**Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов**

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов

1947 – 1952 Е. Р. Романов

1952 – 1955 Л. Д. Ржевский

1955 – 1961 Е. Р. Романов

1962 – 1982 Н. Б. Тарасова

1982 – 1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч

1984 – 1986 Г. Н. Владимов

**Главный редактор
Е. А. Самсонова-Брейтбарт**

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год L

№ 176

1995

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ Разные времена (Стихи)	5
Михаил КИЛУНДИН Арка (Рассказ)	15
Надежда БОЛТЯНСКАЯ В обыденности время постигая... (Стихи)	35
Светлана МАКСИМОВА Верочка (Рассказ)	42
Виталий ПУХАНОВ "Голос Бога отовсюду..." (Стихи)	72

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Рашит ЯНГИРОВ Михаил Булгаков глазами русской эмиграции	79
--	----

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Марина КАЦЕВА Последняя земная дорога Марины Цветаевой	110
---	-----

ИСТОРИЯ

Роман РЕДЛИХ Из истории недавнего безумия	133
Владимир СВИРСКИЙ Обыкновенный коммунизм	157

ЭКОНОМИКА

Юрий ЕГОРОВ

**Национальная и христианская идеи
в экономике России**

176

ПУТЬ К БУДУЩЕЙ РОССИИ

Борис ПУШКАРЕВ

**Земельная собственность, налоги и
планировка города**

199

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

Прот. Михаил АРДОВ

Пророки и лжепророки

253

Прот. Владислав ЦЫПИН

**Правовой статус Православной Церкви и
иноверных общин в России**

281

Юрий ЛИННИК

Социальная синергетика

297

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ

Виктор ОБУХОВ

**Первозданный хаос
(Обзор изданий за 1994 год)**

307

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

315

Обложка работы художника Н. Мещеткина

© 1995 Possev-Verlag, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-65936 Frankfurt/M.
West Germany.
Филиал "Посева" в Москве. ISBN 5-85824-003-X

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

РАЗНЫЕ ВРЕМЕНА*

СОН О ДОРОГЕ

И еще такой я видел сон.
Люди,
их несметное количество,
все, кто жил на свете до меня,
двести поколений человечества,
в отблесках закатного огня
по дороге
шли
мимо меня.
Люди эти, малы и велики,
выходя из тьмы своих веков,
на себе несли своих богов
темные таинственные лики,
свои стяги
и свои вериги,
груз венков своих,
своих оков,
книги своих пастырей
и книги
вольнодумцев и еретиков,
древние орудия познания,
множество орудий для дознания

* Стихи из одноименного цикла.

и для целей всяческих других,
чаши для куренья фимиама –
словом, всё,
с чем шла когда-то драма
их страстей
и верований их.
Как ее разрозненные звенья,
времена смешав и поколенья,
шли передо мною Брут и Цезарь
и Марат с Шарлоттою Корде,
армии афинян т роянцев,
якобинцев
и преторианцев,
Азия бок о бок и Европа,
впережку Рим и Карфаген,
И почтенный киник из Синопа,
седовласый старец Диоген,
выступив на миг из полумрака,
поднял свой фонарик над собою
и сказал мне строго:
– Для чего! –
И подобно греческому хору,
тысячи людей одновременно
выдохнули разом:
– Для чего! –
Кто-то рявкнул басом:
– Ты ответишь! –
И шепнули рядом:
– Ты всё скажешь!
Ты нам головой своей ответишь,
если ты не скажешь! –
для чего!.. –
Я хотел ответить,
я пытался,
я кричал,
но звук терялся где-то –
как всегда во сне бывает это,

вымолвить не смог я ничего.

А меж тем

поток уже кончался,
край его вдали обозначался,
и, венчая шествие, качался
одинокий факел позади.

И тогда

над темною дорогой,
где шаги уже едва звучали,
преисполнен гнева и печали,
трубный глас раздался:

– Проходи!! –

И тогда пошел я вслед за ними,
как в конце военного парада
с площади уходят музыканты,
завершая шествие его.

А потом дорога опустела,
лишь трава тревожно шелестела,
и звезда полночная блестела,
грустно вопрошая:

– Для чего?

НОВЫЙ ГОД У ДУНАЯ

Камень старинный, башни, мосты, ограды.
Гостеприимны древние эти грады.

Благословенны тихие эти веси.
Колокола воскресные в поднебесье.

Под куполами, золотом, синевою
я с непокрытой шествую головою.

Колокол, солнце, ёлка стоит, сверкая.
День новогодний – Боже, теплынь какая!

День новогодний, теплый, весенний, синий.
А в эту пору снег идет над Россией.

Ветер гудит по нашим великим рекам.
Снег над Россией. Что там, за этим снегом?

Что там за снегом – что он, кого-то прячет?
Кто там за ним вздыхает, смеется, плачет?

Кто там сейчас в лесу над костром колдует,
дует в огонь, в озябшие руки дует?

Господи, дай им солнца, тепла, капли!
Дай, чтоб скорее птицы в лесу запели!

Синью наполни очи лесных проталин..
К старости, что ли – стал я сентиментален.

Даже не думал, что напишу такое..
Хрустнула ветка где-то в лесном покое.

Скрипнули сани и затерялись в поле.
И никуда не деться от этой боли.

Ветер гудит по северным нашим рекам.
Снег над Россией. Что там, за этим снегом?

ЯЛТИНСКИЙ ДОМИК

Вежливый доктор в старинном пенсне
и с бородкой,
вежливый доктор с улыбкой, застенчиво-кроткой,
как мне ни странно и как ни печально, увы –
старый мой доктор, я старше сегодня, чем вы.

Годы проходят и, как говорится, – сик транзит
глория мунди, – и всё-таки это нас дразнит.

Годы куда-то уносятся, чайки летят.
Ружья на стенах висят, да стрелять не хотят.

Грустная желтая лампа в окне мезонина.
Чай на веранде, вечерних теней мешанина.
Белые бабочки вьются над желтым огнем.
Дом заколочен, и все позабыли о нем.

Дом заколочен, и нас в этом доме забыли.
Мы еще будем когда-то, но мы уже были.
Письма на полке пылятся – забыли прочесть.
Мы уже были когда-то, но мы еще есть.

Пахнет грозью, в погоде видна перемена.
 Это ружье еще выстрелит –
 о, непременно!

Съедутся гости, покинутый дом оживет.
Маятник медный качнется, струна запоет...

Дышит в саду запустелом ночная прохлада.
Мы старомодны, как запах вишневого сада.
Нет ни гостей, ни хозяев, покинутый дом.
Мы уже были, но мы еще будем потом...

Старые ружья на выцветших старых обоях.
Двое идут по аллее – мне жаль их обоих.
Тихий, спросонья, гудок парохода в порту.
Зелень крыжовника, вкус кисловатый во рту.

* * *

Скрипка висит у меня на стене,
не играет –
пыль собирает,
а рядом смычок
и тихо.

молчок.

Скрипка висит у меня на стене
грустная
и расстроенная,
потому что жизнь у нее неустроенная,
да едва ли уже устроится –
как уж тут не расстроиться.

Скрипка висит у меня на стене,
в стену вращая –
нет, не знатного она роду,
скрипочка моя простая
(барышня из крестьянок,
артисточка крепостная
из хора) –
нет, не знатного она роду,
скрипочка моя простая –
Не Страдивари
и не Гварнери –
так,
скорее, деталь в интерьере
в этой квартире
(как, впрочем, и я).
А ведь если бы взять ее в руки,
в добрые руки,
в нежные руки –
уж какие бы тут полились
волшебные звуки –
здрасьте, маэстро Моцарт,
маэстро Гайдн,
маэстро Бах! –
ах! –
вы посмотрите,
скрипочка ожила –
о-ла-ла! –
ми,
вторая октава,

по квинтам,
вниз —

браво, скрипочка,
браво-брависсимо,
бис!..

Но скрипка висит у меня на стене,
не играет,
но лишь временами
в ночной тишине
чудятся ей эти руки,
добрые руки,
нежные руки.

(Так же, как, впрочем, и мне.)

* * *

Белые, как снег, стихи.
С каждым годом всё белее.
В белой утренней аллее
чьи-то легкие следы.

Сорок градусов мороз.
Скоро будет и поболе.
В белом поле, в чистом поле
чьи-то беглые следы.

Кто здесь шел и кто пришел,
что за чудо-сороходы?
— Это дни твои и годы,
это жизнь твоя прошла.

— То есть как же это так?
Только шаг ступил с порога,
а уже, гляди, дорога
завершается почти.

– Ну какой же это шаг,
не гневи напрасно Бога –
вон какая, брат, дорога
за плечами у тебя!

И шагать тебе по ней
в путь обратный не придется –
так иди, пока идется,
будь доволен, что идешь!

– Я доволен, что иду,
я на жизнь не обижаюсь –
просто жаль, что приближаюсь
к той невидимой черте.

Да к тому же, как на грех,
под конец моей дороги
плоховаты стали ноги –
слишком медленно иду.

– А куда ж тебе спешить?
Ты и так свою дорожку
завершить успеешь к сроку,
хоть спеши, хоть не спеши...

Сорок градусов мороз.
Скоро будет и поболее.
В белом поле, в чистом поле
одинокое одному.

Где теперь, мои друзья?
Те побиты в лютой сече,
тех уж нет, а те далече,
вот и топаю один.

Я ступаю не спеша
осторожными шагами,

будто мины под ногами
и одна из них моя.

На зыбучий этот снег
осторожно ставлю ногу,
и помалу, понемногу
след теряется вдали.

В белый морок, в никуда
простираю молча руки –
до свиданья, мои други,
до свиданья,
до свида...

* * *

Если бы я мог начать сначала
бренное свое существованье,
я бы прожил жизнь свою не так –
прожил бы я жизнь свою иначе.
Я не стал бы делать то и то.
Я сумел бы сделать то и это.
Не туда пошел бы, а туда.
С теми бы поехал, а не с теми.
Зная точно, что и почему,
я бы всё иною меркой мерил.
Ни за что не верил бы тому,
а тому и этому бы верил.
Я бы то и это совершил.
Те и те вопросы разрешил,
тех и тех вопросов не касался.
Словом,

получив свое вдвойне,
радуясь такой своей удаче,
эту,
вновь дарованную мне,

прожил бы я жизнь свою иначе.
И в преддверье стужи ледяной,
у конца второй моей дороги,
тихий, убеленный сединой,
я подвел бы грустные итоги.
И в конце повторного пути,
у того последнего причала
я сказал бы – Господи, прости,
дай начать мне, Господи, сначала!
Ибо жизнь, она мне и сама
сколько раз давала убедиться –
поздний опыт зрелого ума
возрасту другому не годится.
Да и сколько жизней ни живи –
как бы эту лодку ни ломало,
сколько в этом море ни плыви –
всё равно покажется, что мало.
Грозный царь на бронзовом коне.
Саркофаги Греции и Рима.
Жизнь моя, люблю тебя вдвойне
и за то, что ты неповторима.
Благодарен ветру и звезде.
Звукам водопада и свирели.
...Струйка дыма. Капля на листе.
Грозное облако сирени.
Ветер и звезду благодарю.
Песенку прошу, чтоб не молчала.
Господи, всевышний! –

говорю. –

Если бы мне всё это

сначала...

АРКА

Рассказ

Эта арка не совсем обычная: строители искривили ее, выгнули причудливой длинной дугой так, что вместо выхода видна облупившаяся от времени стена тоннеля.

В ней любили собираться молодые люди, но давно, в те приснопамятные времена, когда бородатый дворник Никитыч запирали ворота арки на ночь, выгоняя метлой собак и молодежь. Теперь никто не собирается, хотя никаких ворот не запирают, потому что от них осталась одна, стареющая по своему времени, чугунная табличка: "свободен от постоя".

Когда-то, миновав арку и небольшой проезд, можно было выбраться на зеленую улочку и в десять минут оказаться у ворот Китай-города. Теплыми сентябрьскими вечерами здесь пахло яблочным вареньем, а ночью над уgomонившимися собаками плыл сонный перезвон курантов.

Перемены принесли парадные многоэтажки: потеснив глухим бетонным забором беззащитную зеленень дворца, похоронили под собой и небольшой проезд, и запах яблочного варенья, а петляющая улочка, спрямленная бульдозерами и залитая асфальтом, торжественно переименовалась в проспект. Но попасть на проспект из арки уже было нельзя, а только в соседний двор, гулкий и холодный, потому что все дома были высокие и со-

всем не было деревьев. Здесь тоже была арка, но не настоящая: она выходила на улицу, которая никуда не вела и называлась тупик. Но зато там сохранился магазинчик, в котором всегда продавали халву и леденцы.

Жильцов обрадовали выселением в новые квартиры, семьи скоро переехали, но оказалось, жил-метров выделено явно мало, старух же, да еще одиноких, слишком много и, вообще, зачем старухе отдельная квартира? она и так привыкла. Поэтому мудрый исполком выделил старухам жилплощадь в современных благоустроенных коммуналках.

Но старухи неожиданно заупрямились. Они никогда не жили в собственных квартирах и очень хотели избавиться от посторонних глаз, хотя бы на последние годы. Начались споры, перешедшие в многолетнюю склоку. В конце концов исполкомовское начальство отмахнулось от них, тем более, оказалось, что сносить дома никто не собирается, ремонт жилфонда старухи не требуют, а с проспекта развалюхи не видать. С годами старухи куда-то девались, новых людей не прописывали и жизнь в зеленом дворике замерла.

Николай Иванович не хотел перемен. Точнее, он их боялся, хотя понимал и даже свыкся с необходимостью переезда. Дом не связывал его воспоминаниями, и Николай Иванович не жалел об этом зеленом дворике, об этой комнате, из которой недавно, летом, ушла мама. Он не жалел о бывшей коммунальной, а теперь опустевшей квартире на третьем, последнем, этаже с окном во двор: одному ему в ней не выжить. Он обходил маленькими шажками опустевшие углы, примащиваясь на табурете, часами рассматривал в окно двор, ополовиненный серой, без единой щелки, стеной бетонного забора, когда-то зеленый и шумный, и пустой, усталый побуревшими листьями, сего-

дня. Сметать листья в кучи, сжигать – уже некому, незачем. Во всем дворе остались две-три старухи, тянувшие до последнего, обманываясь умереть раньше того дня и часа, назначенного быть последним для их дома.

В старости, когда память слабеет, слова теряют смысл и язык отказывается их произносить, начинают говорить вещи. Расштанная, облупившаяся табуретка у выцветшей шторы, стеклянная пепельница на подоконнике, его новый костюм в гардеробе, приобретенный по случаю, загодя, но до которого он так и не дорос и который не продали потом только из-за маминой нерешительности. А он, когда много лет назад они вышли от врача, и врач сказал, что это, возможно, результат сильного ушиба, что в детстве, особенно раннем, бывает всякое, что надеяться надо, и врач, конечно, знал, что говорит, хотя знал, что говорит не всё, что нельзя говорить всё, – он тогда выпрыгнул из этого самого окна.

Он не думал убится. Он хотел жить, но не так. Он думал, может, там, в голове или еще где что-нибудь сдвинется, сместится, и всё пойдет, как должно идти, даже если он сломает ногу, шею, всё равно что – врач обещал шанс.

Всё-таки здорово он сиганул тогда. Обошлось без переломов, но желанных ушибов хватало: синяки сходили долго и больно. Мама плакала. Он обещал не повторять, клялся, что всё понял, что это безумие, что жить всё равно надо, но только он не будет взрослеть – при росте сто двенадцать сантиметров взрослым быть нельзя. С этим мама, поплавав еще, согласилась, но костюм не продала.

После прыжка Николай Иванович со двора никуда не ходил, сидел в песочнице с малышкой. Взрослые, повздыхав, привыкли. Сверстники, повзрослев, во дворе не задерживались, и Николая Иванович выпал из своего времени. Скоро подросла

и малышня, привыкнув к Николаю Ивановичу, как привыкают к навсегда потухшему фонарю или медленно растущему дереву и, в свою очередь покидая двор, здоровались с ним мимоходом. Николай Иванович всё так же сидел посреди новой поросли, порожденной уже его сверстниками, но и ее становилось всё меньше: дом старел.

Когда выросли все, Николай Иванович начал читать газеты. Он привычно садился на край песочницы спиной к посереvшему, размытому песку и просматривал все, сколько было. Потом аккуратно складывал их стопочкой и шел к скамейке, где начинали собираться старухи.

Старухи Николая Ивановича уважали. Во-первых, их дети выросли под его присмотром, по крайней мере им так казалось. Николай Иванович не возражал. Во-вторых, они считали его рассудительным. Возможно, так оно и было. Николай Иванович не знал взрослого мира и разбирал газетные и местные события так же, как разбирал нехитрые споры малышей в песочнице. Законы песочницы старухам нравились, и они прислушивались к мнению Николая Ивановича.

Однако, как и всякие законы, они не всегда оставались одинаковыми. Вместе с пылью, сквозь арку, во двор, сквозняки приносили из потусторонней взрослой жизни новые слова, и стриженные девчонки, как их белокурые предшественницы уваристые борщи из крапивы и лопухов, усердно готовили "хряпу" или "могилу", для чего собирали нераспустившиеся одуванчики и окурки. Старухам на лавочке особенно подходило словечко "кивалы". Впрочем, в своей сути законы менялись мало. У Николая Ивановича, как и раньше от щей из молодой крапивы и ромашек, от "могилы" "болеет" живот, а малышня дружно, как один, собирала зеленые листики подорожника для лечения. Николай Иванович смотрел на рассыпавшиеся по тогда

еще густым зарослям кустов детские головки и не возражал.

Иногда появлялись "отказники". Они не хотели лечить Николая Ивановича, не искали вместе со всеми "лекарство", а, сопя порозовевшими носиками, одиноко возились в своем уголке песочницы. Николай Иванович справедливо считал таких эгоистами и объявлял вне закона. Никто не имел права разговаривать с таким и даже смотреть в его сторону. Малыш как бы переставал существовать. Его как бы никогда и не было. Это тоже была как бы игра, но скучная, и малыш скоро начинал всем мешать, за что его дружно изгоняли за пределы песочницы. Этого не выдерживал никто. Обычно "отказник" сначала стоял насупившись, потом незаметно начинал хлюпать носиком всё громче и громче, пока не переходил на неудержимый плач в надежде, что вмешаются старухи. Николай Иванович не возражал.

Старухи на лавочке у подъезда беседовали о своем и не обращали внимания на ревающего вовсю малыша: им было удобнее доверять Николаю Ивановичу. "Отказник", наконец, поняв, что никто не придет ему на помощь, что он действительно преступник, что прощение можно только заслужить, еще всхлипывая, бочком, шажок за шажком, начинал продвигаться в сторону Николая Ивановича.

Заметив в глазах малыша замешанную на раскаянии преданность, Николай Иванович подзывал его, доставал из кармана коробку леденцов, не спеша доставал ее, так что малыш успевал замолчать, отваливал целых три штуки и сажал малыша в самое лучшее место песочницы. Прощение преступника шло дальше, чем требовало преступление, малышня чувствовала это, но не задумывалась, что отказник получил, скорее, награду, чем

наказание, она только засекала в памяти само действие и его результаты. Старухи видели, что немалая доля леденцов перепадает их ненаглядным, и не жалели для Николая Ивановича конфет.

Так протекала неделя, а по воскресеньям, днем, они вдвоем с мамой тогда ходили в зоопарк, или в кино, или еще куда-то, где побольше детей. Возвращаясь, они заходили в магазинчик, покупали печенья или халвы к чаю, сворачивали в арку, пропахшую бензином продуктовых грузовичков и хлебом, и где мама всегда напоминала ему: "Осторожно, машина. Никогда не ходи сюда один".

Но и это время ушло вместе с малышней. Мама незаметно смешалась со старухами, дальше магазина никуда не ходила, и Николай Иванович последние годы совсем не покидал двора. Он спускался к скамейке у подъезда, взбирался на нее, при этом голубая курточка с олимпийским мишкой на рукаве смешно сзади задиралась, но Николай Иванович не замечал этого, потому что никто не смеялся. Взобравшись, он не спеша одергивал курточку, пристраивал удобнее короткие ножки в кедах, надетых на шерстяные носки толстой домашней вязки и складывал руки на аккуратном животике.

В такой жизни Николай Иванович привык считать время сезонами года: сегодня – весна, завтра – лето, потом – осень, зима. Но и этот отсчет оказался слишком коротким для его тесного мирка, настолько коротким, что, когда мама однажды ушла и не вернулась, ничего не изменилось: за несколько месяцев он не успел об этом подумать.

Завтраки из магазина теперь приносила соседка, Мария Сергеевна. Николай Иванович принимал это как должное, это вполне согласовывалось с законами песочницы, когда он, притворяясь раненым, невозмутимо поглядывал на суету малышей, дружно занятой приготовлением для него

всякой пирожной вкусноты из песка и осколков бутылок.

В дверь постучали. Николай Иванович отвернулся от окна, топнул ножкой:

– Да, да... Мария Сергеевна...

Дверь отворилась, вошла соседка, одна из оставшихся старух, прошла к столу:

– Вот, Коленька, – положила на стол пакет. – Здесь молоко, булочки и... и еще... увозят меня сегодня. Дочка к себе берет. Там, в холодильнике, масло есть. Картошка, ты знаешь где. Пенсию твою за этот месяц не пользовала еще, все целые. Дмитриевне, внизу которая, отдала всё, да плоха Дмитриевна, к нам сколько не поднимается. Ты, Коленька, сам к ней, ладно? Из магазина она чего принесет, а уж здесь сам как-нибудь.

– Да, Мария Сергеевна, да...

Соседка ушла собираться, Николай Иванович отвернулся к окну. Солнце уже садилось за крышу, когда во двор въехал автомобиль, за дверью слышались голоса, затопали какие-то люди. Николай Иванович слез с табуретки, хотел спуститься во двор, но передумал, подошел к столу, приподнявшись на цыпочки, заглянул в пакет, запустил в него руку, нашарил булочку и тут же, не отходя от стола, принялся жевать. Таким, негромко причмокивающим, его и увидела Мария Сергеевна, вернувшись в комнату. Она наклонилась к нему, обняла рукой пухлые плечики:

– До свидания, Коленька, свидимся ли?

Он молча продолжал жевать. Она потерела его по жестким волосам, прижала его еще раз крепко к себе и ушла. Скоро голоса слышались во дворе, автомобиль заворчал мотором и скрылся в арке. Николай Иванович пожевал булочку, подумал, достал еще одну и снова влез на табуретку к окну.

Во дворе всё было по-прежнему. Может, немного

больше палых листьев. На карниз села ворона, скосила на Николая Ивановича нахальный серый глаз. Николай Иванович влез на подоконник, перевернул сверкнувшую стеклом пепельницу, встал на нее, кончиками пальцев дотянулся до защелки и приоткрыл форточку. В комнату вместе с горьковатым прохладным воздухом просочились приглушенные звуки большого города. Где-то жгли листья.

Николай Иванович отломил половину булочки и просунул в форточку. Кусок ударился о железо карниза, упал вниз. Ворона неодобрительно посмотрела на Николая Ивановича и спорхнула следом. Николай Иванович поднял глаза. Если смотреть вот так, с подоконника, из-за крыши соседнего дома видны другие крыши и, только дальше, другие дома, такие же высокие, из таких же серых плит, из каких построили дом рядом. Из-за этого дома их двор стал наполовину меньше. Николай Иванович присел на корточки. Теперь ничего не видно, только небо. "Так лучше", — решил он и слез с подоконника на табуретку.

Ворона не вернулась. Наверное, булочка не понравилась. Николай Иванович отвернулся от окна, поболтал ногами, спрыгнул на пол. За диваном, в углу, лежала стопка газет. Такая же лежала на тумбочке, под зеркалом. Он нашарил одну за диваном, развернул — "Советская Россия". В этой любимое место — последняя колонка на третьей странице.

Николай Иванович взобрался на диван, поджал ноги под себя. Над краем сложенной вдвое газеты, высоко, стена сливалась с темнотой. Из-под прикрытых дверей потянуло сквозняком, — старый дом начал оживать. На первой странице Николай Иванович прочитал статью, посвященную знаменитому металлургу, фамилию которого он не запомнил. Он заставлял себя читать по статье с каждой

страницы, иначе слишком быстро прочитывалась последняя колонка "Всякая всячина" на страничке третьей, и Николай Иванович не знал, что читать дальше.

На второй странице все статьи были большие, он одну начал, про пользу укрупненных свиноферм, но темнота выползла из углов, буквы поплыли и слились с серой бумагой. Окно превратилось в большое светлое пятно. Николай Иванович вспомнил уехавшую соседку. У нее был телевизор, и всегда, как окно превращалось в светлое пятно, он шел к ней, садился за крытый розовой клеенкой круглый стол посередине комнаты, пил чай с баранками и смотрел все передачи подряд. Иногда Мария Сергеевна, если что-нибудь шила, включала над столом лампочку под желтым шелковым абажуром, а иногда снизу поднималась Дмитриевна, у которой тоже был телевизор, но сломанный, и который нельзя было починить, потому что деталей к нему на замену уже не продавали. Дмитриевна приносила с собой баночку варенья, и это Николаю Ивановичу тоже нравилось: чай всегда лучше пить с баранками и вареньем.

Читать стало бесполезно. Николай Иванович с сожалением поглядел на лакомую колонку третьей страницы, погладил ее рукой, отложил газету, повернулся на бок, закрыл глаза и захотел увидеть во сне маму.

Но приснился ему незнакомый двор-новостройка. Один из домов выглядел очень высоким, Николай Иванович всё считал этажи, ему очень хотелось и очень нужно было сосчитать их, эти этажи, сосчитать непременно правильно. Но когда несосчитанных этажей оставалось совсем немного, голова его запрокидывалась, вязаная шапочка сваливалась на землю, он ловил ее руками и сбивался со счета. Почти вплотную к этой башне лепился деревянный трехэтажный домик, очень похожий на

их дом, но Николай Иванович никак не мог угадать свое окошко. Были похожие на окна Дмитриевны, Марии Сергеевны, но его не было. Николай Иванович загадал: если сосчитает все этажи большого дома, обязательно узнает свое окошко. Но шапочка всё падала, ветер кидался пылью, этажи сливались, рябили в глазах, перебегали с места на место. Николай Иванович, не просыпаясь, потянул на себя одеяло, укрылся с головой. "Держи шапочку в руках", – шепнул ему теплом в ухо мамин голос. Согревающая волна прокатилась от уха по всему телу. Николай Иванович смял шапочку в кулачке, и этажи сразу перестали кружиться, застыли на своих местах. "Семнадцать, восемнадцать", – уверенно считал Николай Иванович. Шапочка больше не мешала, он вообще забыл про нее. "Девятнадцать, двадцать..." Глазами он уже видел последние этажи, но должен был произнести их номера нетвердым шепотом, пожевывая губами. Рядом кто-то ворохнул хрустящую листву, мяукнула кошка, резко, как чайка: "Двадцать один, двадцать два", – всё! Николай Иванович расправил на груди свою шапочку с красным помпончиком, надел на голову, натянув до ушей. Всего двадцать два этажа. Взглянул на старый дом, кошка мяукнула ближе, дом оказался без окон, точнее, нигде не было стекол, и вместе их веселого блеска чернели зияющие провалы, крыша покосилась, вдруг, на глазах Николая Ивановича, накренилась, завалилась на одну сторону и, клюнув, съехала вниз, подняв тучу пыли. "Ну и ладно, – подумал Николай Иванович. – Мне-то что". В новом доме двадцать два этажа и много-много окон. Верно, его там. Он запрокинул голову, выглядывая знакомые занавески. Крупный серый кот ткнулся ему в ногу и ласково заурчал. По линии от носа до кончика хвоста у него по спине тянулась черная полоса, лапы и грудь – с вылизанной белизной. Кот потерялся о Николая Ива-

новича и, приглашающе махнув кончиком хвоста, неспешно затрусил к подъезду. Николай Иванович снова взглянул на ровные строчки окон, какое же мое?, но услышал призывное мяуканье и побрел следом.

Вот кот ему и покажет, где его новая комната. Путь перерезала расковыренная траншея тепло-трассы. Перепрыгнуть или обойти ее нечего было и думать. Кот уверенно свернул влево, пересек кучу вывороченной земли и скрылся из виду. Николай Иванович тоже поспешил через кучу: кот сидел на перекинутой через ров доске. Убедившись, что Николай Иванович пыхтит следом, он одним прыжком махнул на другую сторону и, не оборачиваясь, прыснул к подъезду. Николай Иванович испугался, что кот убежит и не покажет ему его комнату. Не глядя под ноги, он съехал с кучи и затопал по доске. Но доска прогнулась, ноги налились внезапной тяжестью, спина задеревенела, воздух в груди липко загустел, и Николай Иванович никак не мог его выдохнуть. Он качнулся, теряя равновесие, услышал треск ломающейся доски, еще успел взмахнуть руками, и в глаза ему ударил блестящий бок огромно выросшей трубы. Николай Иванович дернулся и проснулся.

За темным окном шелестел дождь. "Противный какой кот, — подумал Николай Иванович. — От такого подальше".

Мама всё не шла. Но, может быть, теперь, когда уехала Мария Сергеевна и он остался без горячего чая с баранками, без телевизора, без розового стола под лампой с желтым абажуром, она, наконец, вернется? Где-то потрескивали пересохшие обои и скреблись мыши. Николай Иванович перевернулся на другой бок и уснул.

Утром он проснулся как обычно, но чувствовал себя неважно. От нечего делать пробовал еще поваляться, но тело устало лежать и заныло. Он

встал, прошелся по комнатке, выглянул в окно. Ничего не изменилось за ночь. Он ничего и не ждал, просто настало утро. Мария Сергеевна не пришла и больше не придет: булочки теперь ему будет приносить Дмитриевна. Поднял голову к приоткрытой форточке. "Закреть?" – подумал в последний раз, тут же забыл, натянул на себя курточку, ботинки, спустился во двор. Окна Дмитриевны были глухо зашторены.

Погоуляв с полчаса и не обнаружив ничего интересного, он проголодался и постучался к Дмитриевне. Наскоро одетая, она сказала, что больная:

– Совсем ведь не могу, голубчик. Со вчерашнего без хлеба. Уж погоди, может, придет кто.

Ждать пришлось до вечера. Дмитриевна вылезла из своей квартирки, прошаркала листьями к арке и скрылась в ней. Его тянуло догнать, пойти следом, но что-то давнее, решительно запавшее в памяти, не пускало его. Лениво накрапывал дождик. Он привычным движением натянул на голову капюшон, запустил руки глубже в карманы куртки и, нахохлившись, сидел на скамейке и, не отрываясь, глядел в темное пространство арки. По ее стенам шевелились, переползая, непонятные тени. Быстро темнело. Он почувствовал, что ветер усилился, капли бьют по щекам сильнее, деревья вздрогнули, качнувшись, и замерли, хлопнул жестяной лист кровли, от арки отделилась темная фигура и двинулась в его сторону.

Он отвернулся и начал разглядывать мыски своих ботинок. Всплыла картина: как они с мамой вдвоем ходили за ними в магазин, как перемеряли несколько пар, пока выбрали эти с яркими синими шнурками. Теперь шнурки поблекли, стали серые. Но кто там, в арке, может, мама? Он услышал методичное шуршание листвы под тяжелыми ногами. Мама! Вскинулся, спрыгнул со скамейки, бросился к арке. Навстречу шла Дмитриевна.

- Ты чего под дождем сидишь? А ну, марш в дом!

Открыла ключом квартиру,пустила Николая Ивановича:

- Вот, кабы не ты, так и не встала сегодня. А прошлась и полегче. Спасибо тебе.

Он не возражал. Он хотел есть, сунулся в сумку, нашарил между пакетом молока и парой пачек творога большой белый батон, отломил половину и, почти не пережевывая, глотал куски, запихивая их в рот руками.

- Ешь, голубчик, ешь. Кто еще подаст. Сколько перенес, да теперь уж недолго. Да что я?

Он перестал жевать, с любопытством поднял глаза на старуху. О чем она? Булка ничего, белая, мягкая, несладкая только.

- Чего булка несладкая? - Визгливо выкрикнул он.

- Ишь чего, несладкая, разбирал бы, - Дмитриевна улыбнулась. - Сладкая денег стоит.

Он вспомнил про деньги и возражать не стал.

- А чай? Сла-адкий!

- Чай? Пойдем, голубчик, пойдем чай пить.

У Дмитриевны не было розовой клеенки и желтого шелкового абажура, зато она сразу поставила на стол яблочное варенье. Он почувствовал во рту его вкус и захлопал в ладоши.

- Ишь, как обрадовался, - повеселела и хлопотавшая у холодильника Дмитриевна. - Ну ешь, ешь.

Он подтянул к себе розетку, макнул хлеб, слизал с него тягучую сладость. Терпкое тепло разлилось по животу, и он прикрыл глаза.

- Спать хочешь, и то, время. Может, здесь и ляжешь, вдвоем веселее.

На этажерке, возле дивана, он увидел стопку "Огонька" разных лет, достал ее и разворачивал номер за номером, разглядывая картинки, пока не

затих, чему-то безмятежно улыбаясь. Тогда Дмитриевна потушила свет и еще долго ворочалась, постанывая, в своем углу на кровати.

Они уже обесточили дом, перерыли брошенный хлам, не нашли ничего интересного и собирались уходить, когда он выбежал из своей комнаты. Сначала они приняли его за мальчишку. Но шапочка с красным помпоном свалилась у него с головы, этот помпон и сбивал с толку, и в глаза бросилась свалывшаяся клочьями седина, мешки под глазами, тяжелая походка пожилого человека. Он наклонился, поднял шапочку, расправил складки и с самым серьезным видом натянул ее на голову. Просительно поглядел на них.

– Хм, – смутился первый, не зная, как к нему обратиться.

– Голубчик, – резко выкрикнул он. – Дмитриевна так звала: "голубчик".

– Ну да, да, – прокашлялся первый. – И давно вы здесь?

– Где "здесь"? – удивился он.

– Ну, в этом доме.

– В "доме"? – опять не понял он.

Пришельцы переглянулись, второй, помоложе, невозмутимо перекинул сумку с инструментом с плеча на плечо:

– Бомжуешь, что ли?

– Живу, – кивнул он и обрадовался, что ответил и его поняли.

Первый прошел к окну, оглядел помещение, когда-то бывшее кухней, взял с подоконника треснувшую чашку с замерзшей водой, поковырял пальцем лед:

– Здесь? – потер остывшие пальцы.

– Нет, вон там, – засмеялся и затопал вон по коридору, взмахами детских ручек приглашая за собой.

Пришельцы переглянулись, прошли за ним: круглый стол посередине, диван с матрасом поверх одеяла, сдвинутые, почти не пропускающие свет шторы. Второй, придерживая болтающуюся на плече сумку, раздернул их, но за замороженными окнами ничего не было видно. В приоткрытую форточку влетали одинокие снежинки, внизу, на подоконнике, валялась перевернутая стеклянная пепельница.

- Не закрывается. Намерзло. - Пожаловался он тихо и, вдруг вспомнив, крикнул. - Булку дай!

- Ну, дядя, - второй развел руками, - мы с собой колбасу не носим.

- Раньше как жил? - посуровел первый.

- Дмитриевна была, - отступил он на шаг.

- А потом?

- А потом ушла. А мне нельзя, в арку нельзя. Мама не велела.

- А где мама?

- Тоже ушла.

- И давно?

- Не знаю, - пожал он плечами и виновато опустил голову.

- Ну-ну, придет. Скоро придет. С утра ушла?

- Не-а, - растерянно помотал он головой, подумал, вспоминая. - Тогда зимы не было.

- И ты за арку ни ногой?

- Нельзя, мама ругать будет, - посмотрел на них, - как можно не понимать простых вещей?

Они снова переглянулись, он насторожился. А вдруг так и уйдут? Точно уйдут, встревожился, память обжег запах горячей сдобы. Блеснув белками глаз, он кинулся к первому:

- Булочку дай!

- Ну-ну, дядя, не в церки, - первый стряхнул его с себя, кивнул товарищу. - Пошли отсюда.

Он бежал за ними до песочницы, но в арку не

пошел, всхлипнул еще раз: – Булочку да-ай, – и затих. Снег уже подтаял, обнажив почерневшую, облупившуюся доску. Ему было тепло сидеть на ней и он не жалел, что ушел из комнаты, но запах свежей булки не давал покоя. Он сидел долго, пока не подумал, что запах идет из арки, а не мерещится ему, и снова удивился.

Он, Николай Иванович, смотрит на арку и не испытывает страх или отчаяние. Он знает твердо, туда ходить нельзя, он не знает того, из-за чего нельзя туда ходить, но если он не знает, это еще не значит, что ходить можно, даже если очень нужно, если это вопрос жизни. Если бы мама разрешила ему! Мама... Николай Иванович смотрит в пустое нутро арки и ждет. Там, за ней, другая жизнь, он хорошо помнит ее хлебный запах. Но законы песочницы запрещают ослушиваться маму, и Николай Иванович не возражает. Ему совсем не хочется ходить в отказниках.

Когда солнце село за крыши, Николай Иванович поднялся в свою комнату на третьем этаже. Он почему-то сегодня подумал, что она именно на третьем этаже, не раздеваясь залез под матрац и начал ждать ночь. Опять подумал о еде, но желудок никак не отозвался на воспоминание.

Быстро стемнело. Николай Иванович уже надышал под матрацем, согрелся и холодились еще только ноги. Он плотнее поджал их под себя и продолжал ждать. Что он ждет и зачем, Николай Иванович не знал и не думал, просто теперь это было его единственное занятие. Уже согрелись и ноги, когда Николай Иванович почувствовал чьи-то шаги, шелест сквозняка, скрип половицы; ворохнулась накиданная у дивана куча газет, кто-то подсел к нему, почти не продавив дивана, заботливо подоткнул матрац и положил руку на его голову в шапочке.

- Голубчик, - услышал Николай Иванович ласковый голос Дмитриевны, - опять ничего не поел.

Николаю Ивановичу стало жалко себя. Он толкнулся ответить, но Дмитриевна властно напрягла руку на его голове:

- Молчи, тебе нельзя говорить. Лежи и слушай. Меня бы не отпустили, но ты не вышел за арку и не выйдешь, а я не могу разрешить тебе. Твоя мама... - Она вздохнула. - Мама твоя еще далеко. Ты спи сейчас, а потом, утром, в моей комнате найдешь сухари. Может, и дождешься маму. Спи, голубчик, поминай Дмитриевну.

Она поднялась, прошаркала к дверям. Николай Иванович открыл глаза. В комнате темно и тихо. Николай Иванович встал, прошел к полуоткрытым дверям, распахнул с силой и выглянул в коридор. На крыше хлопнул железный лист, невидимым проспектом прожужжал запоздавший троллейбус и стих. Николай Иванович потянулся к выключателю и щелкнул им. Свет не включился. Он пощелкал еще, постоял, не зная, что делать дальше, вернулся к дивану и забился под матрац.

Утром в ее комнате он сразу увидел мешочек сухарей. Как раньше они не попались ему? Заходил же и не раз, когда вышаривал дом, пробуя на зуб всё подряд. Николай Иванович сел на пол, по-детски раскидав ноги, и, положив между ними мешочек, взял в каждую руку по сухарю и начал поочередно обгрызать их.

На ржавый карниз села ворона. Сонным сытым глазом без зависти посмотрела на Николая Ивановича, чиркнула клювом по стеклу. Он поднял глаза к окну, увидел черную воронью голову и повернулся к ней спиной, прикрыв мешочек от вороньего взгляда. Ворона чиркнула еще, прилипшая к клюву и мешавшая ей крошка отвалилась. Удовлетворенно каркнув, ворона спорхнула с окна.

Скоро, не разбудив желудка, Николай Иванович устал жевать. Он отпихнул мешок от себя, поднялся на ноги, прошелся и выглянул на улицу. Ворона сидела на краю песочницы и чистила перья. Никем не потревоженный снег лежал между песочницей и аркой. Николай Иванович не думал о времени, но этот день не был похож на те, ледяные, когда свет, едва занявшись, снова мешался с темнотой. Этот день, с очистившимся голубым небом и напрягшимися в ожидании деревьями, с сытой вороной, заволовновал Николая Ивановича.

Забрав с собой сухари, он вышел во двор, сел на песочницу рядом с вороной и, прикрыв веки, подставил лицо солнцу. Глаза сразу налились забытым ощущением тепла, твердые, словно прикрытые чешуей, щеки обмякли. Рядом блаженно храпнула ворона.

Николай Иванович открыл глаза, посмотрел на пещерно-темное нутро арки и с ужасом подумал о заиндеветавшей комнате с матрацем на диване. Выпавший из рук мешок отвлек его. Он поднял его, похрупуывая сухарем, снова подставил лицо теплу и просидел так, пока солнце не закатилось. Тогда он вернулся в свою комнату на третьем этаже и заставил себя забраться под матрац.

Забытые ощущения тревожили Николая Ивановича, он вдруг почувствовал, какой он грязный. От подушки, от матраца, от всего дивана несло кислым так, что его затошнило. Он вылез из своего убежища, подошел к зеркалу. Уже совсем стемнело и ничего не было видно. Только немного глаза. Разве это его глаза? Разве они такие? Николай Иванович протянул руку к стеклу, ее обожгло холодом, но ему показалось, что это не стекло. Это обжигались глаза, мамины глаза. Мама!

Она посмотрела строго и поднесла палец к губам:

- Т-с-с... - долгим, бесконечно долгим взглядом посмотрела на него, внезапно глаза ее округлились, она придвинулась к его лицу, узнавая его... - Это ты, Коленька! - протянула руки.

- Нет! - тут же отвернулась она. И снова долгий взгляд, взгляд тревоги и разочарования. - Это ты... я виновата, я одна, ты... ты должен был решать сам... всегда сам.

- Мне холодно, мама, - пожаловался Николай Иванович.

- ...ты сам должен решать, - едва расслышал он.

- Мама, мне холодно! - прижался Николай Иванович лбом к зеркалу и ощутил его гладкую мертвую поверхность. Всего лишь стекло. Он хлопнул по нему ладонь и по-детски, навзрыд, заплакал.

Когда припадок прошел, Николай Иванович нашел себя лежащим грудью на тумбочке, на ворохе газет под зеркалом. В ладони зажат коробок спичек. Он чиркнул одной, осветил лицо.

- Мама, - он знал теперь только это слово, поднял глаза к зеркалу, вновь увидел себя и с криком выскочил на улицу.

Пожарные приехали быстро: беснующимся факелом сгорела только половина дома. Николай Иванович, прибившись к бетонному забору, слышал, как возле еще шипевших обломков один большой, серьезный человек ругал другого, помельче, но тоже серьезного:

- Это поджог, настоящий поджог, поняли? Повторится, выговором не отделаешься. Мне эти развалюхи скоро понадобятся. И не дай... хоть одна из них...

- Иван Николаевич, Иван Николаевич, мальчишка тут, мальчишка околачивается. Разве мог я думать? Меры примем.

Хлопнули дверцы, красивая машина красиво

скрылась в арке. Всё стихло. Николай Иванович восхищенно смотрел ей вслед, никем не замеченный за почерневшей от копоти кучей снега. Таких машин он никогда еще не видел. Потом примял немного снег руками, свернулся клубочком и пролежал до солнца.

Поднявшись, он увидел знакомую ворону. Она покружилась над остатками дома, каркнула на почерневшую, но по-прежнему глухую стену, уцелевшую и скрывавшую улицу, каркнула на Николая Ивановича и улетела.

Он тоже посмотрел на остатки дома, тоже глухо хрипнул заостренвшимся горлом и пошел по следам красивой машины к арке. Ноздри сразу защекотал запах булки и еще чего-то напрочь выпавшего из памяти. Ускоряя шаги, он почти подбежал к арке, запнулся, сился что-то вспомнить, нависая над незримой чертой, и снова почувствовал запах. Разрывая пространство, кинулся к арке, пробежал ее: на выходе плотно, налезая друг на друга, толпились контейнеры с отходами. Николай Иванович бросился к крайнему и, безошибочно запустив в него руки, одной вытащил объединенную мышами булку, другой – густо позеленевшую колбасу в яркой заграничной обертке, секунду подумал, заглянул в контейнер, довольно хрюкнул, вернулся во двор и сел на край песочницы.

Подставленное солнцу лицо с набитым едой ртом светилось счастливой улыбкой. Жевал он неторопливо, но небрежно и, когда откусывал, крошки щедро сыпались к его ногам. Пообвыкшиеся воробьи, благодарно чирикая, их тут же склевывали. Николай Иванович не возражал.

"В ОБЫДЕННОСТИ ВРЕМЯ ПОСТИГАЯ..."

* * *

Между осенью и осенью грань,
Соразмерность золотой середины,
Замирающая, зябкая рань –
Мои именины.

Время жидко. Как вода – день за днем.
День последний сентября – бледный почерк.
Имя – символ, Я забуду о нем.
И праздник закончу.

* * *

Моя болезнь – моя цепная тень.
Свой тесный мир разгородив на клетки,
Ощупываю пальцами предметы,
Ослепнув от беззвездной темноты.
Молчание. Ни голоса, ни шума.
Я – безъязыка. Я – гомункул в колбе.
Лишь телефон, настырный, как прожектор,
В пустой квартире яростно звонит.

* * *

Время по капле стекать устало,
Пресные слезы на стекле,
Небо, как мокрое одеяло,
Душит и гнет меня к земле.

Желтый фонарь еле-еле светит,
Мечется ночь косым дождем.
Рыщет голодный, бездомный ветер,
Хочет войти в мой теплый дом.

* * *

В обыденности время постигая,
Мы забываем истины простые,
Но разобьется вдребезги минута,
И упадут слова летящим звуком,
Как тихий выстрел: ревность, смерть, любовь.

* * *

...И тысячи женщин прождали напрасно
Своих ненаглядных, единственных, нежных,
Сгоревших, пропавших и просто ушедших.
А я дождалась, и простит меня Бог,
Не в силах поверить, что ты существуешь,
Отчаянно слушаю ласковый вздор,
Который серьезней последней молитвы.

* * *

Счастья нет на этом свете,
Есть звериная тоска.

Солнце тускло, слабо светит,
Зарываясь в облака.

Воет дикая собака,
Чёрт хохочет, ведьма ржет.
Береженого, однако,
Бог, как видно, бережет.

Я оденусь потеплее,
Засвечу поярче свет,
А судьба ко мне добрее
То ли будет, то ли нет.

* * *

Распахнутая безнадежность
Раскрыла лающую пасть.
Не позабыть бы осторожность
И на колени не упасть,

И не бежать с бедой – к беспечным,
И не кричать "Спаси!" – глухим.
Неодолима бесконечность.
Спасусь лишь именем Твоим.

* * *

Горсти гранатовых зерен
В светло-сиреневом блюде
Больше похожи на стаю
Красных, больных насекомых,
Чем на застывшие капли
Рано пролившейся крови.
А кожурою граната
Выложен странный узор,
Мертвый, сухой и забытый.

* * *

В осколках погибающих зеркал
Дробится отражение Вселенной:
Иконописных ликов вереница
На острие космической иглы –
Как бусинок, нанизанных на нитку,
Рубиново горящих изнутри.
Игла дрожит, и множится мираж,
Где каждый лик – подобие трубы
Ревущего вселенского органа.

* * *

Ты можешь впасть в отчаянье и мрачность,
Держать в копилке перечень обид,
Но, усыпив мелодией горячность,
Однажды Бог с тобой заговорит.

И ты узнаешь подлинное Слово,
И ты услышишь музыку небес.
А разум обретет свою основу
Без невозможного и без чудес.

* * *

Полны предчувствий эфемерных,
Мы ждали чуда терпеливо,
Поток неясных мыслей нервных
Прогнать пытаюсь торопливо.

Но праздник кончился, и снова
Не верить истинам известным,
Искать единственное слово,
Земное в мире бестелесном.

И в новом беге быстрых буден
Узнать внезапно смысл иного.
Но он для пониманья труден,
И нет единственного слова.

* * *

Мало ли спето
И пролито слез?
Солнце – на лето,
Зима – на мороз.

Хватит ли света
Для синего дня?
Боль рикошетом
Ударит меня,

Выплеснет небо
Из стиснутых рук...
Вьюжная небыль –
Мой замкнутый круг.

* * *

Маняще-тревожные звуки чисты,
И тембр здесь иной невозможен.
Рождается музыка из пустоты,
Но смысл в ней вселенский заложен.

Распятие Бога и мира исход,
Крик боли, мгновения страха –
Имеющим душу услышать дает
Орган, нам играющий Баха.

* * *

Когда растеряются строчки,
Услышав насмешливый свист,
Останутся лишь многоточья
И белый нетронутый лист.

Но символов неоднозначность
Наполнит бумагу теплом,
А странных созвучий прозрачность
Останется мне на потом.

* * *

Беззащитны и несмелы,
Тянут ели-корабелы
В небо длинные стволы
В ожидании пилы.

И, скользя лиловой тенью,
По ветвям, как по ступеням
Задевая нимбом мох,
Вниз неслышно сходит Бог.

* * *

Слезы – как звездный водопад,
Пасмурно день начинается.
Ты уж давно и сам не рад,
Что жизнь твоя не меняется.

Были мечты – остался прах,
Белые крылья оципаны.
Только убогий, серый страх.
Дни твои кем-то подсчитаны.

* * *

Я из породы длиннокрылых,
Боюсь зимы и белых вьюг.
А значит, время наступило
Лететь на юг.

Ориентируюсь по звездам
В дремучей свежести ночной,
И возвращаться к стуже поздно
Не мне одной.

Чем путь южнее, тем больше света,
И я, теряя звездный клад,
Спою невзрачные сюжеты
На новый лад.

* * *

Коленей статуи античной
Едва касаются лучи.
Как свеж и резок щебет птичий!..
Всё впереди еще. Молчи.

Светлана МАКСИМОВА

ВЕРОЧКА

Рассказ

Женщина, сидящая спиной к нему, медленно оглянулась, медленно улыбнулась, необычайно тепло и просто сказала: "Как вы вовремя..." И тихо засмеялась. Спокойные серые глаза ее заключали в себе необыкновенный свет. Этот свет был так велик, что вытеснял куда-то саму Верочку, и там, куда она вытеснялась, было, вероятно, очень темно и страшно. На мгновение она словно вырывалась оттуда, прорывалась сквозь сияние своих глаз к людям – и тогда во взгляде ее сквозило недоумение...

– В какой жизни мы встречались?...

Это спрашивает он... И слышит ее смех в ответ... Она сидит всё еще в полоборота, правая рука всё еще листает книгу, потом замирает на полужесте. Страница выпрямляется из-под пальцев, как внутренние крылья насекомого – какого-нибудь священного жука-скарабея. Книга, конечно, по астрологии... И Верочка его, конечно, уже вычислила всего. Почему же тогда не гонит?... Потому что женщина... Хоть и ясновидящая... Просто женщина... И достаточно найти нужное слово, именно то слово...

– А вы всё та же. Всё тот же свет... И опять не пробиться к вам сквозь этот свет. Ах, давайте на ты! Иначе я... Нет, не могу! Этот свет!

И он картинно закрывает глаза ладонью, наблюдая за Верочкой сквозь неплотно сжатые паль-

цы. А она опять смеется и теряется всё больше в затянувшейся паузе, проваливаясь, как в полынью, в это неловкое молчание, пытаюсь ухватиться покрасневшими пальцами за ледяные края собственного отражения в старинном мглистом зеркале с наполовину сошедшей амальгамой. И там, где амальгама сохранилась, видно, как неловко Верочке в этом новом кремовом платье, надетом в честь гостя, и в новой причёске, которую она почти разрушила, поминутно поправляя шпильки в тяжёлом соломенном узле волос, сползающем на шею. Она что-то говорит и цепляется за собственные слова, предлагающие ему чай, кофе, называет его Сережей, и он вздрагивает, вспоминая, что представлялся Андреем при знакомстве. Но если она всё знает, почему так смущается и теряется перед ним?..

И пока он ищет ее, совсем потерянную, в этом теплом узком просвете между указательным и средним пальцем, между Юпитером и Сатурном, и пока ее всё больше притягивает к себе Сатурн, планета разочарований и грустных воспоминаний – забытые видения детства просачиваются к нему сквозь дрогнувшие пальцы. Они мелькают прозрачными тенями и тают, и вдруг подступают к зрачкам – горячо и выпукло, как тайный нарыв. Ему вспоминается безумный старик, обнимающийся с собакой. С какой яростью он отталкивал ее от себя вначале, гнал и проклинал, когда Найда – так звали собаку – находила его где-нибудь на окраине поселка. Но обязательно была минута узнавания, мгновенное прояснение сознания – бурные объятия, слезы... а потом опять проклятия в адрес верной псины.

И у старика была дочь... И – Боже мой! – ее тоже звали Верой!.. Кто не испытывал в детстве чувство внезапного мистического ужаса, не страха, а имен-

но ужаса, доходящего до счастья. И он до сих пор не может понять, почему память об этом чувстве связана у него с образом этой женщины. Он не может вспомнить... он был слишком мал, когда понимал это... Но перед глазами его часто возникает недоуменная женская фигурка с прилизанными светлыми волосами и застывшими плечами, словно отлитыми в тиглях. Он не может вспомнить, чтобы эта женщина повела плечами, всплеснула руками, неподвижно сложенными поверх выцветшего передника. Казалось, что вся она растет из собственной утробы, начиная с длинных узловатых пальцев, которые переплетаясь, бережно покоились у нее на животе, словно корни причудливо изогнутой северной сосны.

И пока он вспоминает себя пятилетним, он видит дочь старика только в образе мифической женщины-дерева и не может себе представить ее иначе. Но вот ему одиннадцать – и Вера всё более вочеловечивается и выходит из дерева, словно Дафна в обратном порыве, в обратном времени. И теперь он может вспомнить ее походку – длинные стройные ноги, бесшумно ступающие в проселочной пыли, хотя еще год назад у нее не могло быть походки, она не ходила, она только росла, росла каждым шагом и росла, начиная с рук, покоящихся на животе. Она росла так же, как поселковский инвалид Минька летал на своей коляске, паря на откинутых напряженных локтях, когда он рывком передвигал колеса руками. И от брезентовых рукавиц его летели клочья, дымящиеся и вспыхивающие на ветру.

– Эх-ма! – кричал он. – Эх-ма! Ну и ноги у тебя, Верка, – с версту коломенскую! Эх, Верка, твоих ног на нас обоих хватит! Ну не жадничай! Поделись!

Минька подъезжал к дочери старика незаметно откуда-нибудь из-под кустов и, уже оказавшись у

нее под юбкой, орал оттуда благим матом на потеху всего поселка, мертвой хваткой вцепившись в Веркины ноги...

И даже сейчас, спустя почти тридцать лет, он не может сдерживать улыбки при этом воспоминании, отчего нынешняя Верочка смущается еще больше, поправляя волосы руками каждый раз. А он, поздний гость, разоблаченный Сергей, еще крепче прижимает ладонь к глазам, подсматривая за хозяйкой в просвет между пальцев... хотя на самом деле он припал к щели в заборе и наблюдает, как Минька борется с Верой. И он ребенок, он совсем ребенок, пораженный наличием ослепительно белых ног у этого застывшего дерева с женской головой. И какой это был танец, когда из-под темной взметнувшейся юбки мелькали крылообразные Минькины локти, поросшие жесткими курчавыми перьями, а дерево превращалось в женщину, трепыхаясь и кружа, под хохот мужиков и плевок старух. И всё это продолжалось, пока не появлялся старик, которого тащила за истерзанный рукав фуфайки избитая и скулящая Найда. Старик приближался к хохочущей толпе с блаженным отсутствующим взглядом, его несло, как щепку, в потоке собственного взгляда, его несло к людям... Его несло именно к нему, загорелому одиннадцатилетнему, вышедшему на улицу и хохочущему вместе со всеми.

С тех пор всегда в любом блаженном потоке света он с внутренним содроганием отмечал пульсирующие точки прерванного сознания. Именно этого и боялся он больше всего. Вот идет этот старик, взгляд его – спокойный чистый поток света, ни камешка подводного, ни коряжки увязшей, ничто не вздрогнет, не вспенится, круги не разойдутся. Направит ли он на тебя этот взгляд – и тебя тоже несет тем же потоком в кущи райские, бла-

женные, и безумное бормотание старика в этом потоке прекрасно и осмысленно, как тихое шуршание волны. И вдруг внезапно – взгляд! Краткий, пристальный, разумный – и нет ничего страшнее его! Откуда этот взгляд? Да и чей он? Уж точно ли этого старика? Уж не иной ли кто глянул сквозь него так жутко и подмигнул? И больше он не верит этому потоку, а всё ждет, ждет, когда опять проступит взгляд...

И он смотрит на Верочку сквозь неплотно сжатые дрожащие пальцы и ждет этот взгляд... И наконец-то убирает ладонь с глаз и говорит ей "ты", и ведет себя раскованно и даже развязно. В сумке у него лежит бутылка вина – главное успеть до этого взгляда... Он как-то спешит, суетится... И она всё это видит. Она видит, что всё это похоже на что-то такое, что постоянно происходит с кем-то. Но с нею-то этого случиться не может, и значит, это не что-то такое, а именно то, чего она так долго ждала, странствуя рассеянным заблудшим сознанием по своим лабиринтам, но сейчас она почти вернулась, почти... Вино немного мешает ей, она не может сосредоточиться, она никак не может взглянуть на него так, чтобы он понял, что она уже совсем вернулась, что это она – Верочка! Ей кажется, что от этого взгляда зависит очень многое... от этого взгляда, которого он так боится, от которого бежать хочется и с места не сдвинуться...

...И кто-то подходит к нему со спины, кладет холодные руки на плечи и кратким смешком выдыхает: "Не бойсь". Рывок, оглядка с передергивающимися плечами – сбросить скорее! Что это? А это дочь вышла встречать старика – маленькая, тихонькая, но уже с нарастающим потоком в глазах. И странно, что она руками пошевелила, и мальчишке кажется, что это из него уже растут эти руки-корни. И он всё передергивает, передергивает

плечами – сбросить, сбросить эти руки. И женщина уже ушла, старика увела, а руки всё лежат на его плечах, всё растут из него...

...Она смеется и не убирает рук, а он всё передергивает плечами в такт музыке, доносящейся из-за стены.

– Веселые у тебя соседи. И знаешь, как называется этот танец?

– Не-е-ет! – она смеется и не снимает рук.

– Это танец гадкого утенка. Утенок я гадкий, но крылышки у меня сзади – лебединые.

И он накрывает ее руки своими... Он запрокидывает голову и чувствует щекой ее дыхание и касание щеки... Не оборачиваясь, он заводит руки назад, нащупывает пушистую ложбинку у нее на шее и узел тяжелых прохладных волос, и еще более прохладные скользкие шпильки. Он вылавливает их, как льдинки в талой воде – они тают в его ладонях, и освобожденные волосы низвергаются вниз, обдавая его зябкой щекоткой паутины бабьего лета и запахом опавших осенних листьев. Он качает головой, не оборачиваясь.

– М-м-м... Что это за шампунь?.. Или духи?.. Голова кружится...

Она смеется и пытается развернуть его лицом к себе.

– Ну, посмотри же на меня, посмотри...

– Не-е-ет, – и он раскачивается шутливо, – не-е-ет... ни за что! У меня кружится голова...

– Посмотри мне в глаза.

– Не-е-ет, – он изо всех сил старается говорить шутливо, – ни за что! Там свет! Там такой свет! И вообще, зачем нам столько света?!

Ему легко дотянуться до торшера, горящего справа, и нажать на кнопку, что он и делает – и наступает спасительная темнота, словно занавес опустили. Тогда он оборачивается к ней и скользит

лицом вдоль ее щеки прямо в распущенные прохладные волосы.

— Я должен тебе признаться. Я не гадкий утенок, я летучая мышь, поэтому я боюсь света. А вот так хорошо...

Он гладит ее по волосам и он ничего не хочет, потому что занавес опустили и игра сразу кончилась, и он не знает, что делать дальше, потому что он ничего и не хотел. Но он гладит ее по волосам...

— А вот так хорошо... Верочка... Верочка...

Он не может решиться даже поцеловать ее. Он не может назвать это чувство... Зачем ему это, зачем?.. Зачем он ввязался в этот спор?.. Он не может... Он не Карамазов, оказывается, хоть и утверждал обратное... А она такая милая...

Он гладит ее по волосам... В конце концов ему не семнадцать... и чувствует в горле какой-то ком, который не проглотить. В конце концов, ему не семнадцать... В конце концов, всё это уже было...

И ему было как раз семнадцать. Он провалился на первом же экзамене при поступлении в институт и на зло всем пошел работать на завод. Его взяли учеником токаря, и в течение шести месяцев он шлялся по ремонтному цеху, изнывая от безделья. В наставницы ему попала маленькая подслеповатая старушка, которой давно пора было на пенсию. Звали ее тетя Маша. Тетя Маша жалела его и ничему не учила, переживая только за свой план. Впрочем, он ей сам признался, что на заводе оставаться не собирается и пришел сюда только, чтобы скоротать год и заработать стаж.

От скуки он часто подходил побеседовать с кем-нибудь из парней-станочников. Он зависал над плечом в промасленной спецовке, а обладатель ее с прилипшей сигаретой на губе рассказывал о своих дон-жуанских похождениях, вставляя при этом де-

таль в патрон, настраивая резец, нажимая кнопку... всё делая автоматически безукоризненно и пребывавая всей душой в своей истории. За полгода он выслушал столько и такого, от чего уши вянут, что уши его окончательно закалились и утратили всякую способность к увяданию, как цветы-бессмертники. Одного свойства они только не потеряли – менять цвет в особо интимных местах рассказа, что очень забавляло каждого очередного рассказчика и делало его еще более ценным слушателем, ибо в любой момент можно было прервать вранье, значительно посмотреть на его уши и промолвить:

– Ты чё это, Серый? Ты чё!.. Красная девица!.. – и раскохотаться.

Но чаще всего Сережка подходил поболтать к строгальнице Вере, потому что она молчала и можно было рассказать что-нибудь самому о своих подвигах. Вера слушала очень серьезно и всему верила. А можно было просто помолчать и посмотреть, как резец снимает стружку, как заворачивается она в спираль, распространяя запах горячего металла, привнося свой оттенок в общий букет металлических запахов. Поглом, подняв глаза, можно было долго изучать Верин профиль и в конце концов сказать:

– Знаешь, ты мне напоминаешь одну женщину, – и замолчать многозначительно, продолжая изучать ее всю.

Вера не смущалась, а только иногда косилась на него с улыбкой. Она была старше его лет на восемь, но обладала такой незащищенностью и отстраненностью, что он чувствовал себя старше и сильнее – и это очень нравилось ему, он ценил это.

В цеху Верочку считали дурочкой, и трудно было понять, почему. Сейчас бы он, наверное, понял, почему – и скорее всего согласился бы со всеми. Но тогда ему, семнадцатилетнему, самому еще не так

далеко ушедшему от детства, ее непосредственность и наивность не казались такими уж противоестественными. Но что-то всё-таки было в ней, во взгляде, в улыбке, в манере говорить протяжно, слегка вытягивая губы вперед – какие-то особые черточки, какой-то особый привкус и акцент, отличающие людей, к которым начинают относиться, как к юродивым. Особенно в мимике это было заметно... Она этим и напомнила ему дочь старика.

И вскоре он пришел к выводу, что они действительно похожи. Та же невысокая неподвижная стать, то же круглое мягкое лицо со спокойными серыми глазами, те же светлые волосы, собранные на затылке в тяжелый узел. В общем, можно сказать, что таких лиц немало. И всё-таки Верочка как-то особенно была похожа на дочь старика – кроме внешнего сходства, она роднилась с ней какой-то общностью природы, хоть и представленной другим временем года. Верочка несла в себе какое-то отдохновение и успокоение, и даже самообман. На этом ее сходстве с дочерью старика можно было отдохнуть от старого детского страха, можно было сказать себе: "Вот ведь то же самое, а не страшно. Вот ведь то же самое, а как хорошо". Можно было даже обмануть себя: "Показалось... А вот рассмотрел – и нет ничего..." Но если бы только это... Если бы только это, пожалуй, он не стал бы торчать целыми днями у станка молодой строгальщицы...

Но в том-то всё и дело, что дочь старика вызвала в нем чувство, даже не страха, а какого-то сладкого ужаса, именно сладкого... Это была эйфория страха перед каким-то тайным знанием и пониманием того, что там, куда его так влечет, и есть главное счастье, единственное счастье, а если не счастье, то всё равно – главное и единственное, и это было почему-то так страшно и так сладко... И ему

трудно было объяснить всё это самому себе, но ведь не зря говорят, что нет ничего притягательнее детских страхов. И ребенок никогда не откажется сам от объекта своего страха – страх притягивает, словно магнит. И если говорят, что нет ничего страшнее страха, то про себя в детстве Сергей скорее сказал бы: "Нет ничего слаще страха!" Он наркоманил этим чувством, он поджидал эту женщину везде, где она могла появиться. И вскоре безногий Минька на своей коляске стал коситься на него...

Двенадцать лет было Сережке, когда он признался себе, что это не просто страх, но он не знал еще, как назвать это... Да, ему было двенадцать лет, когда он впервые увидел, как Вера под мышки вытаскивает Миньку из коляски и кладет на землю среди черных созревших подсолнухов и ложится сама рядом, а мальчишка, затаившийся в зарослях, старается не дышать, потому что даже дыхание мешает смотреть, и ему кажется, что подсолнухи качаются от его дыхания. Но подсолнухи качаются совсем по другой причине – они слишком тесно растут... и как бы близко ни легли Минька с Верой, им всё равно мало пространства, и потому черные перезрелые подсолнухи качаются и осыпают их черным шелестящим дождем семечек. А потом Вера приподнимает голову, замечает его и смеется тихонько.

– Что там? – спрашивает Минька.

– Ничего, – говорит Вера и прикрывает Миньке глаза ладонью, пока их наблюдатель дает деру, ломая на своем пути подсолнухи и обдираясь об их сухие стебли.

Потом Сережка всячески избегает Веру, но каким-то удивительным образом всё равно сталкивается с ней повсюду. Он делает при встречах презрительный вид и старается цикнуть слюной

сквозь зубы, но вместо этого только оплевывается весь. И Вера опять смеется... Она всё смеется...

Ему было только тринадцать лет, когда они переезжали из поселка на новую квартиру. Старенький грузовик был уже загружен их небогатым скарбом, мама бегала во дворе с какими-то оставшимися тряпками, а отец стоял наверху в грузовике и кричал возбужденно: "Ну, скоро там?" Тогда, в день отъезда, Сергей решил пройтись попрощаться с поселком, но вместо этого прошел лишь до конца своей улицы и вышел в поле подсолнухов – опять была осень, и подсолнухи опять были черным-черны. Был полдень, солнце припекало не по-осеннему. Сережка снял рубашку, завязал ее рукавами на поясе и пошел пыльной проселочной дорогой, освещающей своей выгоревшей белизной черное жирное поле подсолнухов. Он ловил загорелой спиной последние лучи солнца, пылил босыми растрескавшимися пятками и, раскинув руки, раскачивался, как самолет – то вправо, то влево. То правой, то левой рукой задевая подсолнухи, которые в ответ осыпали его черным шелестящим дождем. Второй год не собирали урожай на этом поле.

Так дошел он до развилки, белым крестом рассекавшей поле. И увидел Веру, приближавшуюся справа из-за стены подсолнухов. Давний привычный холодок шевельнулся в нем – словно змея, мирно спящая где-то в низу живота в свернутых кольцах, вдруг пробудилась и поползла вверх по позвоночнику. Он быстро свернул голову ближайшему подсолнуху и стал деловито поплевывать семечками, повернувшись спиной к приближающейся Вере, и вскоре почувствовал, как она подошла и задышала ему в затылок, но он не обернулся. Тогда она подула ему в вихрастую макушку и засмеялась, но он опять не шевельнулся.

- Уезжаешь, - спросила она утвердительно и положила руки ему на плечи, как тогда, в детстве - он уже называл это детством, хотя был еще ребенком.

- Уезжаешь? - повторила она и еще более протянула, - Се-е-р-е-жа...

Он передернул плечами - раз, другой. Она опять засмеялась. Убрала руки. Потом коснулась пальцами его взвихренных волос на макушке и, приглаживая, провела ладонью вниз до теплого углубления на шее. Там рука замерла, а потом медленно поползла вниз вдоль позвоночника, останавливаясь на каждом позвонке, переплавляя давнюю холодную змею в распрямившуюся пружину огня. Мальчишка весь выгнулся гибкой загорелой спиной, то ли пытаясь отстраниться, то ли, наоборот, прижаться плотнее к ползущей руке. Он не знал, что делать... Никто не смеялся за спиной, никто не дышал, но рука ползла по его позвоночнику, и он чувствовал ее каждым позвонком. Потом почудилось, что она опять положила руки ему на плечи, но что-то всё ползло по спине... Сколько же у нее рук? - подумалось ему. Он стоял неподвижно и ему казалось, что эти руки касаются его везде. И когда он наконец-то обернулся, почти с ненавистью, - женщина была уже очень далеко, ее почти не было видно, она исчезала вдали, а руки ее всё еще лежали у него на плечах, ползли по спине...

Больше Сергей ее никогда не видел... Но эта маленькая женская фигурка, тающая вдали, превратилась в черный восклицательный знак на пыльном горизонте, так и не растаяла до конца, а осталась первой щемящей нотой какой-то мистической неудовлетворенности всей этой обыденностью, окружающей его. Он тосковал по этому чувству ужаса, предчувствия... он хотел его, этого чувства... - это было его детство... Он чувствовал эти

руки на плечах, эти пальцы, скользящие вниз по спине и пробуждающие каждый позвонок, и он боялся оглянуться и обнаружить пустоту за спиной и собственные сорок лет, ибо пока он ощущал на себе эти руки и в душе эту высокую темную ноту, он по-прежнему чувствовал себя тринадцатилетним со всей остротой предчувствия чего-то...

И семнадцатилетним, стоящим рядом со строгальщицей Верой, изучающим незрелым мужским взглядом ее маленькие круглые руки, обожженные раскаленной стружкой, вставляющие деталь в патрон... и чувствовал у себя на плечах те руки и в груди огромную пыльную даль детства с пульсирующей нервной точкой уходящей женщины... И эта даль разрывала его... Эта женщина... Вот она стоит здесь, рядом, и она всё еще уходит от него в нем самом. И ему нужно было, чтобы женщины эти обернулись наконец-то друг к другу и пошли навстречу друг другу, и соединились в одну единственную, которая вернет ему это утраченное чувство, он уже не помнит, какое... даже в семнадцать лет не помнит, но ему жизненно необходимо, чтобы ему было возвращено это...

- Да, ты мне напоминаешь эту женщину, - многозначительно повторяет он. И горячим шепотом начинает рассказывать наспех придуманную историю о своей первой любви и первой женщине... И полубезумная дочь старика превращается в какую-то колдунью-красавицу, совратившую его, тринадцатилетнего, но одарившую каким-то тайным знанием и пробудившую в нем невиданные мистические способности, которые он тут же продемонстрирует Вере, делая магические пассы руками.

- Чувствуешь, - так же шепотом спрашивает он.

- Угу, - испуганно отвечает она, разглядывая его со скрытым восхищением.

Они и сами не заметили, как между ними установилось это простодушное доверие детской дружбы. И постепенно Вера со всей своей юродивой непосредственностью рассказала ему о своих девичьих тайнах и переживаниях. И много услышал он от нее такого, чего никогда не узнал бы от другой женщины. У Веры словно отсутствовал барьер между внутренним и внешним. Это было явление какой-то непостижимой юродивой цельности, то пугающей, то вызывающей смех. Один поток сознания, который несет всё на своем пути – и свет миров, и человеческую ветошь. Свет пугал, а ветошь отвращала... Но только не его, который был подхвачен этим потоком еще в раннем детстве и теперь тосковал по явному проявлению его. Он еще не знал, кто он сам в этом потоке – свет звезды или мусор, несомый течением, но он уже прочувствовал, что сродность природы ему искать только в этом потоке. Ведь все мы рождаемся только для того, чтобы всю жизнь искать эту сродность природы и найти ее в конце концов и вернуться назад, в ее лоно. Это такая игра – тебя выпускают с завязанными глазами и предоставляют пространства, сколько хочешь, жизнью – сколько хочешь, воплощений – сколько угодно, и ты всё ищешь, ищешь свою природу, откуда тебя выпустили... Ты успеваешь побывать и растением, и белкой, и камнем у дороги, и оказываешься наконец-то семнадцатилетним мальчиком, выслушивающим признания двадцатипятилетней дурочки, и периодически усмевающимся себе в правое плечо – и поэтому усмешку скрыть легко, а удержаться от нее ну никак невозможно, потому что, начав рассказывать, Вера рассказывает уже всё до конца. Поэтому и незащищенность такая. А защититься она может только молчанием, поэтому и молчит, в основном. Но уж так намолчалась за все годы, что спешит

отвести душу на этом мальчишке, который если и усмехается, то тайно.

– Сережа, вот смотри, что я тебе принесла. Очень красиво.

Она вытаскивает из кармана засаленного, пахнущего мазутом халата измятую газетную вырезку, влажную почему-то. Это стихи. Она вырезает их из газет и журналов и носит в карманах, а потом предлагает почитать всем. Но никто не прикасается к ним, и тогда она читает их вслух.

– Правда, красиво? – переспрашивает она и просит взять на память. Но никто даже не прикасается к этим листочкам, словно они зачумленные. Эти клочки бумаги и вправду какие-то измятые и как-будто влажные – это, наверное, оттого, что она носит их в карманах рядом со своими носовыми платочками, которых у нее бесчисленное множество. Она постоянно подносит к губам смятый комочек батиста, а потом быстро прячет обратно в карман.

– У тебя что, хронический насморк? – удивляется Сергей.

– Да, нет... Так просто... – уклончиво отвечает Вера и протягивает ему газетную вырезку. – Возьми же...

Он осторожно берет клочок газеты кончиками пальцев и, не глядя, прячет его в карман.

– Прочти же.

– Я уже читал эту газету сегодня утром, – врет он.

– Правда, красиво?

– Правда, – охотно соглашается Сергей.

Стихи Верочке всегда попадают плохие, приторно неестественные. Но она не замечает этого. Она вырезает из газет и журналов все стихи, которые попадают ей на глаза. Ей даже в голову не приходит, что могут быть плохие стихи и хорошие. Ей

этого никогда не понять. Малейший намек на родственный ритм погружает ее в собственные грезы, и она читает там что-то свое, глядя в эти газетные вырезки.

И постепенно карманы Сергея наполняются тоже этими газетными стихами, потому что он забывает их выбрасывать сразу. А в конце недели мать стирает спецовку и вытряхивает из карманов все Верины подарки. Она читает первые строки: "Бред какой-то! Неужели тебе это нравится?!" Он улыбается, но молчит...

Так прошло полгода. Срок ученичества истек и наступила весна. Однажды Сергей проходил по темному коридору подсобных помещений и услышал чей-то горький молодой плач и поверх него старческий утешающий голос:

- Ну, подумаешь, не стали... не стали - и не стали... Нашла из-за чего убиваться. Смотри, я же ем... У-у-у, как вкусно!

Дверь женской раздевалки была раскрыта настежь, и он увидел длинный деревянный стол, накрытый старыми газетами, а на нем - аккуратно разложенные конфеты и торт, нарезанный тонкими ломтиками. Одного ломтика не хватало, и казалось, что торт беззубо злорадно скалится на всех. Его наставница, пухленькая седенькая старушка похлопывала по плечу горько плачущую Веру. Верочка стояла спиной к тете Маше, и Сергей видел только подрагивающие мягкие плечи девушки, возвышающиеся над низенькой круглой старушкой. Даже привычного узла волос не было видно - так низко склонила Верочка голову, пряча свои слезы в ладони. Тетя Маша еще раз прихлопнула ее по плечу: "Ну-ну, успокойся..." и выскочила обратно в цех к работающему станку, который оставила на минутку. Его, стоящего за дверью, она даже не заметила. И Сергей наконец-то вспомнил,

что у Веры сегодня день рождения. Она и его приглашала, а он совсем забыл. По традиции Верочка принесла в цех торт и конфеты, но никто не прикоснулся к угощению.

И вот он делает шаг из темного коридора в освещенную раздевалку... Да он делает шаг из темного коридора памяти в освещенную каморку воспоминания о ней, о Верочке... И он гладит ее вздрагивающие плечи и утешает неловко... Но почему же никто не прикоснулся к сладостям?

- Почему?! Почему, Верочка?! - потрясенно спрашивает он.

- Побрезговали, - рыдая, отвечает Верочка, - и ты... ты тоже!

- Да, нет же! Я просто забыл. Это нехорошо, конечно, Но это же не то что... Ну, не плачь... не плачь... я прошу тебя, - и он обнимает ее мягкие плечи... и он испытывает самое сильное чувство, какое ему приходилось испытывать когда-либо. Жалость... Он еще не знает, что это такое... Он даже не подозревает, какая это сила, какая власть... И он всю жизнь будет вспоминать это... - так раб вспоминает своего хозяина... Минуты счастья и смертельной опасности возвращаются сходным эхом, их трудно отличить друг от друга в запретных снах, где отсутствует хозяин, а раб не может жить без него... И есть одно чувство, которое оправдывает всё и делает тебя вечным должником, и наполняет твою жизнь смыслом, перерастая из чувства жалости в чувство вины... Но пока это еще столь похоже на любовь... И пока ты еще не можешь осознать, что это... Жалость... И никакая страсть не сравнится с ней по остроте и желанию прижать к себе, вобрать в себя, огородить собой... И в горле нарастает ком, который не сглотнуть... Это цепная реакция... Все дети и блаженные плачут и смеются вместе, под-держивая друг друга...

...И он прижимает к себе ее теплые плывущие плечи, словно входит по горло в трясину... под ногами жутко и зыбко, но стоячая вода прогрета солнцем, и ряска колышется на уровне лица... Ее волосы пахнут тиной и кричат дикой уткой, ударившей крылом по лицу при взлете... Ее волосы скользят по лицу, освобождаясь от неловкой прически, старушечьего узла, а шпильки падают ему прямо за пазуху в растегнутый ворот рубашки. Они скользкие и холодные, как головастики в болте, как мальки и пиявки... Он еще верит, что перейдет вброд... Он еще помнит про какой-то клад, утонувший в этом болоте... Он еще целует ее распутившиеся волосы и гладит успокоившиеся плечи и что-то говорит, говорит, навек забывая свои руки на ее плечах... и он опять вспоминает себя, стоящим на пыльной проселочной дороге, зажатым черными ратями перезрелых подсолнухов, и чувствует чьи-то руки на плечах... ее руки – и на мгновение теряется, какое событие реальное, а какое – зеркальное отражение его, где ее руки меняются с его руками... На этом зеркале сменили амальгаму – и он не может вспомнить, что было дальше... Только ком в горле... и режущая сухость в глазах двадцать лет спустя, когда ему под сорок, а в горле тот же ком, но в глазах – пусто и сухо... Но разве он, семнадцатилетний, может предвидеть, предчувствовать тот ком в горле, который он не сможет проглотить в сорок лет, обнимая совсем другую женщину, хотя и с тем же именем... И если вся его жизнь только зеркальное отражение его детских страхов и желаний, и если вся его жизнь – кривое зеркало, направленное на самое раннее детство, то что же происходит с ним и с его жизнью, когда в зеркале меняют амальгаму, когда жемчужный полусумрак старинных зеркал сменяется бесстыдным электричеством современной зеркаль-

ности? И если это отреставрированное зеркало направить на этот вечер в рабочем общежитии, куда он проводил Веру после ресторана, где они отпраздновали ее день рождения, – то всё в этом зеркале будет совсем не так, как в том, висящем напротив ее кровати, уже без оправы, но с какой-то замечательной драгоценной мглистостью окиси серебра и ртути, с внезапными просветами сошедшей амальгамы, когда сквозь твое отражение вдруг проступает третий глаз, а потом и четвертый, и пятый – и ты распадаешься на отдельные импульсы себя, между которыми просвечивает сквозное бесконечное пространство – открытый космос. И ты в смятении делаешь шаг в сторону, где сохранилось больше амальгамы, – и собираешься воедино, хотя голова всё еще шумит от выпитого вина, но ты делаешь попытку собраться и даже задаешь нейтральный вопрос, указывая на зеркало:

– А это у тебя с какой свалки?

– Что ты! Это бабушкино зеркало... очень старинное...

– Старинные зеркала должны быть в старинных оправках...

– Раму украли... Она была очень красивая... А зеркало вот осталось...

– Выбрось его. Я тебе куплю новое.

– Что ты... это же старинное – в нем все отражались – и бабушка, и дедушка, и все их родные... К тому же, дарить зеркало – к разлуке...

И только чуть позже он оценит, как хорошо отражаться именно в этом зеркале. Он оценит его мглистость и зыбкость отражения, и возможность спрятаться от себя в сквозных просветах облезшей амальгамы. Эти сумерки растворят чувство стыда и неловкости, когда всё в первый раз, и он боится, что она поймет, что в первый... А она и не может понять – ей не с чем сравнивать. У нее тоже всё в первый...

И что эти восемь лет разницы... Какая разница... И, наверное, из-за этой, местами сошедшей амальгамы он и не может вспомнить, как это было... как это случилось, именно в тот момент, когда пришли соседи и включили свет во второй половине комнаты за тонкой холщевой занавеской, которая показалась ему прозрачной. И ему показалось, что они с Верой отражаются везде – и в стенах, и в потолке, и в этой занавеске, и в глазах соседей за этой занавеской, но только не в этом зеркале... Вот где можно было спрятаться и отбросить стыд, потому что это не от тебя зависит, если вдоль позвоночника сползает амальгама, и тебя пронзает столп света, который превращается в огненную воронку, куда тебя втягивает всего – в себя самого, в просвет на месте сошедшей амальгамы. И всё... и ясно наконец-то, что соседям нет никакого дела до того, что происходит на другой половине комнаты, тем более, что у них те же проблемы, и свет вскоре гаснет... И слышится только их тяжелое двойное дыхание за тонкой тканью занавески, которое возбуждает даже больше, чем женское тепло под темным верблужьим одеялом. Он приподнимается над ней... И вдруг этот взгляд...

– Не смотри так...

– Как?

– Так!..

И больше ничего... За шторой соседи дышат так тяжело, так шумно, что можно спокойно шептаться, прячась за этим дыханием.

– А почему они всё-таки не стали?..

– Побрезговали...

– Но почему?

– Болезнь у меня такая... Я не могу собственную слюну сглатывать.

– Как это?

– Какой-то ком собирается в горле и никак не-

возможно его проглотить. Но ты не бойся, это не заразное. Врачи говорят – это нервное, но помочь никак не могут. У меня поэтому никого и не было... Я даже целоваться ни с кем не могла...

– А со мной?..

– Только с тобой...

– И теперь тебе ничего не мешает?

– Ты даже представить себе не можешь, какое это счастье, когда ничего комом в горле не собирается.

– Ком в горле... это когда плакать хочется...

– Нет, это совсем другое...

... это когда завод и станок, и три смены, и комната в рабочем общежитии, разделенная на две семьи холщовой занавеской, за которой днем – ругань, а ночью – шумное дыхание и стоны... И так изо дня в день, изо дня в день... И она делает протестующий жест дверью и выходит в раннее утро, а навстречу пыльный ветер несет человеческий мусор, ноздри и глотка забиваются смогом, копотью, случайными фразами, матом в трамвае, заводским гудком на смену... И невозможно проглотить всё это!.. И она подносит носовой платочек к губам – так старомодно, так по-старушечьи. И главное, чтоб не заметили...

А может, и не было такого разговора, а узнал он про это из разговоров в цеху, из насмешек и издевок над ним самим, женихом юродивой...

Если бы она была старухой, к ней ходили бы узнавать судьбу и брать приворотное зелье. Но это еще будет... А пока...

И он как-то очень скоро понял, что глупо быть мишенью для насмешек, когда достаточно сделать шаг в сторону... где нет совсем амальгамы, а только свет сквозь старинное стекло, граненное по краям, только свет сквозь влажный хрусталик глаза. Откуда он идет, этот свет? И как можно выдержать

его и не отвести глаза? Да и как он мог смотреть ей в глаза? Он перестал подходить к ее станку, перестал здороваться при случайных встречах, делая вид, что не замечает ее. Но этот взгляд преследовал его повсюду, даже когда она не поднимала глаз, даже когда поворачивалась спиной, но ведь всё равно там не было амальгамы и свет проходил насквозь. Да и чего он опасался, собственно? Она и сама не узнавала его при встречах. И это неузнавание не было наигранным, она и не могла никого узнать, потому что сознание ее блуждало уже совсем в других пределах, а его место занял этот свет — радостный, всепрощающий, приглашающий радоваться и прощать вместе с ним, увлекающий всё и всех в своем потоке, такой всеильный и такой беспощадный. Она уже не помнила, что ее зовут Верочкой, а его Сергеем, она не помнила ничего о себе и о нем, а тем более о том вечере. Она носила в себе этот свет так тихо и кротко, что вначале никто ничего не заметил. И только он, Сергей, заметил сразу... Когда он перестал к ней подходить, она ходила несколько дней с опущенными глазами и почти не отрывала платочек от губ. А потом что-то случилось — она подняла ресницы, и пошел этот свет, но Верочка уже никого не узнавала. Сергей с нетерпением ждал, когда пройдет месяц после подачи заявления об уходе по собственному желанию, и он сможет исчезнуть, но всё случилось гораздо раньше. Однажды Верочка пришла на смену особенно радостная и счастливая, этот свет не мог больше скрываться в ней, он разбушевался и рвался наружу несвязными речами, произвольными жестами и, наконец, судорогой и рвотой. Верочку увезла скорая, и больше ее Сергей никогда не видел. Поговаривали, что она навсегда сгинула в веселом доме...

...Поговаривали, что она стала ясновидящей и

даже называли адрес, куда можно прийти и узнать свою судьбу. И он даже записал этот адрес и справился: "А сколько ей лет?" Как по-прежнему, двадцать пять, а ему уже сорок... Нет, это, конечно же, не она... Та должна быть старше его. Да-да... когда-то он знал одну Верочку... Да-да, ее тоже звали Верочкой... и сходство удивительное, если верить фотографии в последнем номере этой газетки... как то бишь ее... "Аномалии"... Что там еще пишут о ней?... – Ах, оставьте... давайте лучше выпьем!..

Это была веселая компания его близких друзей, и там присутствовала одна женщина, которой он хотел понравиться. Он выпил больше обычного и воображал себя эдаким Карамазовым. И после какой-то очередной рюмки заявил, что у него, вообще, большой опыт по совращению юродивых, а его первой женщиной была известная ясновидящая, но совершенно сумасшедшая... Он что-то говорил еще и с кем-то о чем-то спорил, и заключал пари, кажется, на бутылку шампанского. Потом его куда-то везли... куда-то очень далеко, за город. Дорога была длинной, в открытое окно машины врвался острый хвойный ветер, от которого он быстро трезвел и с отвращением вспоминал свое пари, но какое-то ложное мужское самолюбие мешало повернуть обратно и обратить всё в шутку. Так он попал в этот дом, в эту комнату... И стал бывать здесь часто. Наука истинного обольщения требовала времени, в этом он был старомоден. Но сегодня был решающий день и именно сегодня он был не в форме и поэтому много пил и, в общем-то, ничего не хотел. Именно сегодня он почувствовал, как просыпается в нем давний детский страх, порождающий какие-то невероятные желания...

Всё пересеклось в этот день, все векторы сошлись

в одну точку, и путник в старой детской задачке дошел из пункта "А" в пункт "Я" и с беспощадной ясностью увидел это "Я" в отреставрированном зеркале, где уже сменили амальгаму. А одна надежда была на этот жемчужный полусумрак, на эти просветы облезшей окиси.

– Какое странное зеркало, – это было первое, что он сказал, войдя впервые в эту комнату с темно-зелеными шторами и темно-коричневой старинной мебелью, представленной, впрочем, одним овальным столиком и невысокой тумбой, обвитой резными гроздьями винограда из темного дерева. Многие виноградины были оббиты и на сломе желтели старой древесной плотью. Койка была непонятная, скорее всего самодельная – так потом и оказалось. Однажды он нагнулся за упавшей вилкой и за свесившимся до пола пледом увидел невысокие сосновые пни, служившие ножками кровати. Был еще торшер, такой нелепо оранжевый в этой темно-зелено-коричневой комнате. Впрочем, комнату Вера снимала у знакомых на даче за городом – и вряд ли это были ее вещи. И вряд ли это было ее зеркало, как раз напротив самодельной койки.

– Это очень старинное зеркало, – ответила она на его замечание.

– Но какое-то оно странное, – он никак не мог понять, что смущает его в этом зеркале.

– Его отреставрировали недавно и, в общем-то, неудачно, – печально ответила Вера.

– Что, сменили всю амальгаму? – почему-то испугался Сергей.

– Да, нет, в том-то и дело, что не всю, только частично. Хозяйка не послушалась меня, а я советовала ей не делать этого. Мне кажется, старинные зеркала вообще нельзя трогать.

– Но как же так? Ведь всё-таки так лучше, чем с прорехами.

- Но вы знаете, эта новая амальгама, она не держится на этом стекле. Посмотрите, опять просветы.

Вера направила лампочку торшера прямо на зеркало, и Сергей понял, что смущало его в этом зеркале - всё его отражение было сложено из мозаики, из осколков печальной мглистости старой амальгамы и электрических бликов новой, и просветов оголившегося стекла. И Боже правый! Там отражался совсем другой человек. С этого всё и началось - и все воспоминания, и все терзания, и просыпающийся страх. Друзья подшучивали над ним и говорили, что проценты растут, что он им должен уже ящик шампанского. Вчера его особенно разозлили и раззадорили. И вот сегодня они уже на "ты", и свет выключен, и зеркало погрузилось во мрак, и он наконец-то может признаться себе и ей, что он просто летучая мышь. Да, он так долго прятался от этого света, что превратился в летучую мышь. А ведь он был призван совсем для другого, не зря же всю жизнь его преследует этот свет. И может быть, он действительно был призван совсем для другого, нежели эта стезя среднего инженера и среднего Дон Жуана. И вот он всего лишь летучая мышь. И он гладит ее по волосам и говорит, что всё хорошо, и больше сказать ничего не может, и больше вообще ничего не может. И боится, так жутко боится. И только чувствует в себе этот страх и боится этого страха, и боится, что исчезнет этот страх, последнее, что соединяет его с ее светом. Он гладит ее плечи, и одежда расступается перед его руками, но он так боится, что там, под одеждой - ничего, что там, под одеждой - только свет, что руки его пройдут насквозь. Он так боится этого и еще больше боится, что это будет не так. И руки его уже не могут остановиться - они хотят испытать этот страх. Руки его живут уже отдельно от его со-

знания, тем более, что где оно, его сознание – не вечно же сопротивляться свету. Плотина прорвалась, и щепки разнесло в иные миры, в иные измерения... И тем более странно слышать ее голос, ее восклицания и ласковые слова... Хотя что же здесь странного... Ведь она женщина, просто женщина... просто Верочка... И наверное, ей осточертело всё это – ученики, пациенты... вся эта школа космического сознания... и этот свет, идущий таким напором... Плотину прорвало... и всё в щепки...

...И волнами вибрирует его сознание, и всё его существо идет волнами... Волну тумана сменяет волна внезапной ясности... И в один из таких промежутков он боковым зрением, самым краем глаза вступает в свое отражение в старинном зеркале и распадается на части в нем... Он распадается на части в минуты ясности и вновь собирается воедино в минуты затмения... И бешенство нарастает в нем – его бесит собственное бессилие и это ясное осознание собственного бессилия, и вновь наплывающее желание в минуты затмения... и это дурацкое зеркало, постоянно вплывающее в его боковое зрение при вспышках света... особенно это зеркало... Он, как утопающий за соломинку, хватается за тонкую ткань одежды, еще разделяющую их, за последний лоскуток дистанции, а другой рукой размахивается, как для гребка – чтобы выплыть – и кулаком въезжает прямо в зеркало... И выплывает... хотя плотину прорвало и осколки брызнули в разные стороны... Но он выплывает и собирается воедино, уничтожив врага в резной старинной раме... И сжимает виски ладонями...

– Прости... прости...

А она хлопчет рядом полураздетая и приговаривает что-то, и перевязывает ему руку. За окнами шумят сосны, наплывают волны страха и желания из космоса, из разбитого зеркала, из каждого тем-

ного угла... наплывают волны... но они на берегу, вернее, на маленьком островке, который затапливает уже...

Она плачет...

- Плохая примета, - приговаривает она, - плохая примета...

- Прости... прости..., - он целует ей руки.

Она плачет... и берет его голову в ладони, и целует его сухие глаза... Она боится, что он уйдет... прямо сейчас... вот так... и ничего не случится... ничего никогда, кроме того, что он будет идти по шоссе один ночью и ненавидеть ее... Как он будет идти по этому шоссе, если ничего не случится?... Она плачет... Ей кажется, что во всем виновата она... Она не смогла так взглянуть, чтобы всё стало ясно... И ничего не будет... Но это должно быть... Ей кажется, что она поймет что-то самое главное, если это случится, если они узнают друг друга. Но, чтобы быть узнанной, нужно присутствовать, нужно быть рядом, здесь, теперь... А ей так трудно изображать присутствие и так горько понимать, что этого не выразишь, это единственное, чего не сыграешь - присутствие тебя здесь, когда ты там... там, далеко, откуда только и можно всё рассмотреть, всё понять и разобраться в его душе, и соединить осколки воедино, собрать это разбитое зеркало. Она не может справиться с этой дистанцией, когда, чтобы узнать, нужно быть там, а чтобы быть узнанной, необходимо присутствовать здесь. Она не может свести концы с концами. Ей кажется, что она ищет сама себя в темноте слепыми руками, и даже руки ее не могут встретиться одна с другой. Какая-то давящая пустота растет в темени и спрессовывает остатки сознания где-то в затылке, где сминаются и слипаются образы этого мира, как фигурки из пластилина. А давящая пустота, идущая сверху, исходит сиянием и заполняет горло, и острым кли-

ном спускается ниже, не затрагивая сердца. И сердце оказывается не главным. Острие клина горит и давит, не трогаясь больше с места где-то почти между грудей, почти на уровне сердца, но всё-таки не доходя до его черты. В этой точке сходится всё в немыслимой полноте и плотности – и это полное присутствие, и полное понимание, и такая жалость... такая немыслимая жалость – самое острие этой светящейся пустоты, рассекающей клином всё ее существо. И она разводит двумя руками эти створки раковины – ее существо, эту скорлупу – ее существо – и выходит к нему этой жалостью и говорит, что игра кончилась или началась, или... но кто-то забыл реплику, а зритель в первом ряду заплакал... Но мы не будем плакать... Нет, мы не будем плакать... Мы попытаемся проглотить этот ком в горле... Иди сюда... Мы не будем плакать... Она берет его голову в ладони и целует его сухие глаза, такие сухие, словно засыпанные песком. И она чувствует песок на губах и в горле, и песок этот дерет горло, и опять хочется плакать... Так роют колодцы в пустыне... И влага наполняет глаза и ноздри, а слова становятся плывущими и зыбкими, словно отражения в воде, колеблемой ветром.

– Не плачь, – говорит она ему сквозь слезы и целует его сухие глаза. – Не бойся, – и целует его...

Если бы он знал, какую жалость вызывает, он бы застрелился... Если бы только он знал, какую жалость... он бы уже ничего не боялся... Если бы он знал... Но ведь он знал... он когда-то знал, и всё это начиналось не с желания, а с жалости... и называлось первой любовью.

А теперь только страх, парализующий, сводящий мышцы в камень, в кремь, которым при неловком движении высекается искра и где-то долго тлеет, так долго и тайно, что он вначале и не

чувствует ее, и не подозревает... Но огонь разгорается... И ему странно вспоминать всё, что было с ним, и ему ясно, что всё это было не с ним – все эти воспоминания, вся его жизнь... всё это было не с ним... Его подставляли... Но зеркало разбито и – и враг уничтожен! И никакой жалости – только желание и страсть...

...Лунный свет оплавляет углы... Они внутри шара... Повязка на его руке выделяется неестественной белизной даже на ее белой тонкой коже, а вторая ладонь чернее и парит, как птица...

...Рука так черна, что кажется женщины нет под ней, и пальцы скользят по воздуху, по этой голубоватой полной луне, которая, как мыльный пузырь, отражает их обоих в себе радужными переливами... И это всё, что от них осталось... Они внутри шара, внутри мыльного шара, который скользит, ни к чему не прикасаясь... Они там, пока он скользит, ни к чему не прикасаясь...

.....

Он возвращается домой пешком по темному ночному шоссе, зажатому двумя стенами сосен. Последний автобус ушел, да и последняя электричка, наверное, тоже. Он никак не может сглотнуть этот ком в горле. Глаза у него болят, как будто он очень долго смотрел на солнце, не мигая... Глаза у него болят и слезятся... О-о-о, этот свет – это страшнее всемирного потопа... Этот сплошной свет... Как она посмотрела в конце! И что это проступило сквозь ее взгляд? Как она посмотрела... Звезда упала... Можно загадать желание... Хотя какие еще могут быть желания... Но странная всё-таки эта звезда, она не падает, она приближается – и свет нарастает, и что-то проступает сквозь него...

Он идет прямо по шоссе и широко раскрытыми

глазами смотрит на приближающийся сгусток белой светящейся плазмы, и слышит сзади скрежет колес, и видит свет вплотную, как чьи-то ладони, предостерегающие его – жест Оранты, руки Оранты... И видит себя со стороны, несомого этим светом, этими руками, и видит, как что-то проступает сквозь этот свет и он знает что... Это всё не то, что он думал, чего боялся, что пытался назвать окольными путями, сакральными фразами с двойным и тройным смыслом – это всё не то. Это так просто и в этом нет никаких двойных и тройных смыслов, в этом нет вообще смысла – жалкой потуги человеческого разума... Это так просто... Это всё так просто...

Верочка... Верочка.....

.....

Через несколько дней в свежем номере небезызвестной газеты "Аномалия" появилась коротенькая заметка об очередном НЛО, спровоцировавшем автокатастрофу на шоссе, ведущем в Сосново. Шофер МАЗа, оставшийся в живых, рассказывал, что он столкнулся с белым светящимся шаром, расставшим непостижимо перед самым лобовым стеклом, так что кабина оказалась слегка вмятой вовнутрь. Шофер утверждал, что между МАЗом и НЛО оказался случайный прохожий, труп которого найден не был. Предполагается, что прохожий был галлюцинацией, вызванной у шофера сильным потрясением.

"ГОЛОС БОГА ОТОВСЮДУ..."

* * *

Чем больше в полях высыхало колодцев,
Тем меньше боялся я жажды и зноя.
Тем больше любил я безумных уродцев,
Прозвавших поэзию – влагой земною.

Чем больше страну оставляли пророки,
Тем меньше я думал о будущем света,
Тем больше я верил в прозрачные строки
Забытых, не узанных нами поэтов.

Чем меньше я плакал, боялся, молился,
Тем больше терял дар обыденной речи.
Я видел поэтов продрогшие лица,
Прекрасные лица, но не человечьи.

Они открывались случайно, однажды,
Мне стало неважно, что будет со мною.
Чем больше они умирали от жажды –
Тем меньше боялся я жажды и зноя.

* Стихи из сборника, готовящегося к печати.

* * *

Лес отшумел, как поколение,
И поминать его не станут.
Но по реке плывут деревья
И за собою корни тянут.

Они уже срослись в деревни:
Кто стал колодцем, кто избою, –
Но всё плывут, плывут деревья
И корни тянут за собою.

* * *

Когда чернел над полем крест орлиный
И зарастала житница бурьяном,
По слову собирая на былину,
По нищим деревенькам шли баяны.

Все ожидали, укрывая глиной
Отцов и братьев, данников недавних,
Когда баяны пропоют былиной
Богатыря, не знающего равных.

И тысячи за ним пойдут по зову,
И он шагнет бесстрашными полками
На поле избавляться от позора
Мечом, копьем и голыми руками.

* * *

Когда-нибудь я расскажу тебе
Историю, в которой мы не жили.
Тоска дорожная на пыточном столбе
Наматывает версты сухожилий.

Нас всех укроет мутная река,
Где строгий гусь сухим пером качает.
За Рыцаря, Чуму и Рыбака,
За Всадника – он Пушкина прощает.

А спросишь чуть: где родина твоя?
Он улетает в теплые края.

И почему заветные монголы
Своих мечей кривые горбыли,
Своих повозок теплые вагоны
Для нынешних времен не сберегли?

* * *

Холодный стиль чужой калмыцкой прозы,
Где, Боже мой, какие там стихи
Произрастут, не то что от сохи,
На редких кочках конского навоза.

Досталась мне зияющая степь
И русский хлеб, раздавленный в лепешку.
И все, кому придется это спеть,
В последний раз присели на дорожку.

И Пушкина опять понятен слог:
Мы пьем его нечаянную воду,
Которую он пролил между строк
За свой покой и тайную свободу.

РЕЧЬ

Где плавают двустворчатые ямбы,
Жемчужины верстая взаперти,
Я пил твои божественные яды,
И дважды в эту воду не войти

Вот всё, чему я в жизни научился:
Не рая ног, бродить по острiu,
Сухие перья отбирать у птицы
И не мешать молчанью твоему.

* * *

Давай немного поживем.
Вот так – не много – поживем.
И пожую, что пожую,
И выпьем, что нальем.

Погасим свет, затопим печь,
И, если книги нужно жечь, –
Не думая, зажжем.

Пока Овидий и Гомер,
Аполлинер или Бодлер
В одном огне горят
И, согревая нас с тобой,
Наперебой между собой
О смерти говорят –

Не думай, где мы и зачем,
Не бойся снова стать ничем:
Ведь не в последний раз.

Смотри, один росток поник,
Другой в излучину проник –
Смерть миновала нас.

* * *

Я так люблю весь этот хлам,
И женский лепет по утрам,
И битую посуду,
Рассованную по углам,
И голос Бога отовсюду.

Мне эта жизнь не по годам,
Я больше никогда не буду,
И позабуду – не отдам
Весь этот гомон, этот гам
И голос Бога отовсюду.

* * *

В последний день июля, в воскресенье,
Роняет клен сухую тень листа.
От дуновенья, от прикосновенья
Тень падает прозрачна и чиста.

Когда б меня не гнали отовсюду,
Когда б остался дворником теней,
Ловя ее, как воздух, как причуду,
А я умру от состраданья к ней.

* * *

Понял я только сейчас, что такое разбитое сердце.
Много об этом читал и смеялся.
Поэтов надменно журил за подобные речи,
Будто бы это они от избытка чего-то,
Или так просто они, или дурачат меня.
Вижу я только теперь разбитую чашу,
Тихо иным бытием на дне оплывает она.
Знаю, какой-нибудь, вдруг, археолог, поэт,
аспирант,
Кто-то из новых, других, закончивших Оксфорд,
Чашу отыщет и склеит. И рад несказанно
Правильным, точным ее совпадениям отдельных
частей.

Чашу отыщет и склеит, понять не сумеет:
Масло лелеяли в ней или ноги промозглые грели.
Все мы, и греки и нет, – в будущем станем велики
И любопытны потомкам.

* * *

Не ищи земного рая,
Душу успокой.
И тебя земля сырая
Примет на постой.

Добрый ангел тих и светел,
Кроток и смирен.
Как просить за этот пепел
Что-нибудь взамен?

Дух сомненья, дух печали,
Оправданья дух
Согревал тебя ночами,
Отгорел, потух.

Что тебе теперь ответить –
Поднимись с колен,
Добрый ангел тих и светел,
Кроток и смирен.

* * *

Если, Боже, нет нам места
Во святых Твоих церквях, –
Для чего душе известно
О блаженных островах?

Если видят нас, убогих,
В небе ангелы Твои, –
Отчего во днях немногих
Нет ни страха, ни любви?

Лунный свет едва коснулся –
Обманулся человек.
Он уснул и не проснулся,
С боку на бок повернулся,
В тишине растаял век.

* * *

Пошли мне, Боже, истину со мною.
А Он ответит: истины жестоки, –
И скроет за округлостью земною
И паруса, и белые флагштоки.

И минет срок. И море, негодую,
Отвергнет плоть земную. И нигде
Одна стихия не поймет другую,
Но отразятся ангелы в воде.

* * *

Когда на наши полигоны,
Где мы учились умирать,
Придут седые эпигоны
В окопах гильзы подбирать,

И приведут друзей и близких,
И возведут парадный строй,
И нам поставят обелиски
За нами пролитую кровь,

Так скажут: здесь сквозь все оковы
Пробилась светлая строка.
Здесь было поле Куликово
На ниве русского стиха.

Рашит ЯНГИРОВ

**МИХАИЛ БУЛГАКОВ
ГЛАЗАМИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ***

Находки и публикации последних лет радикально обновили представления о личности Михаила Афанасьевича Булгакова и его творчества. Но полагать, что они стерли последние белые пятна его литературной биографии, было бы преждевременным. По-прежнему малоизученной остается судьба прижизненных зарубежных публикаций писателя и их восприятие эмиграцией. Эта тема особенно примечательна тем, что она развивалась параллельно драматическому творческому осуществлению Булгакова на родине. Важную смысловую коллизию в нее внесло одно важное обстоятельство: у лишенного свободной связи с внешним миром самого писателя сложилось далеко не полное и объективное мнение о том, что писала о нем и его сочинениях зарубежная Россия. Между тем, цензурный вакуум, с конца 20-х годов полностью накрывший литературную работу Булгакова в СССР и не пропускавший никаких откликов на нее из-

* Редакция оставила авторское название статьи, хотя правильнее было бы сказать: "глазами *первой* русской эмиграции". Последующие "волны" эмиграции дали немало глубоких исследований творчества М. Булгакова, среди которых и работы постоянного автора "Граней" – М. А. Шнеерсон.

вне, чрезвычайно тяготил его, заставляя искать выхода в завесе заговора молчания.

Нагляднейший пример этому – письма к Николаю Булгакову, с 1929 года осевшему в Париже и ставшему добровольным литературным агентом старшего брата. Такое весьма ненадежное и целиком подконтрольное советским властям средство связи, как почтовая переписка, стало практически единственным доверительным каналом общения писателя с границей. В письмах в Париж он не раз возвращался к мучившей его теме: "<...> Я знаю, что <о> "Мертвых душах" (моей пьесе по Гоголю) были в Париже заметки. Я очень прошу тебя, если тебе попадаются какие-либо со<обще>ния в прессе – французской, русской или какой-нибудь, – сделать вырезки и сохранить"¹. Сообщая в другом письме о своем назначении режиссером в Московский Художественный театр, как известно, отчасти разрешившим его глубочайший духовный и творческий кризис на рубеже 20–30-х годов, Булгаков с горечью констатировал: "<...> комментарии к этому, появившиеся в прессе за пределами СССР мне не известны. В них, вероятно, много путаного, вымышленного. <...> Вот уже несколько лет как в Москве и границей вокруг моей фамилии сплетают вымыслы. Большей частью злостные. Но ты, конечно, сам понимаешь, что черпать сведения обо мне можно только из моих писем – скудных хотя бы"².

Последние, как бы вскользь оброненные слова приоткрывают тайный смысловой пласт булгаковских посланий брату. Регулярное описание деталей своей бытовой и литературной жизни вполне следует нормам семейного общения, но его неизменно драматичная и вместе с тем крайне осторожная в формулировках тональность оставляет ощущение, что перед нами нечто большее, чем обычная пись-

менная речь разлученных родственников. Эти тексты кажутся своеобразными "пресс-релизами", содержащими ту информацию, которую Булгаков считал необходимым и безопасным для себя, учитывая интерес перлюстраторов, довести через адресата до публичного сведения. Затравленный властью, лишенный возможности эффективно защищать свои авторские права от посягательств предприимчивых литературных пиратов, он, памятуя печальный опыт "дела" Замятина и Пильняка, разгоревшегося в 1929 году вокруг публикации их сочинений за границей, по-видимому, пытался таким образом подстраховаться от возможной политической дискредитации со стороны печатных органов эмиграции, чреватой для него непредсказуемыми репрессиями. Сумел ли Николай Булгаков оценить этот прием старшего брата и дать этим сообщениям задуманный ход? Судить об этом теперь, увы, невозможно, однако материалы эмигрантской прессы не дают оснований полагать, что именно от него она получала новости творческой биографии писателя.

В какой же мере оправдались опасения Булгакова в отношении русских зарубежных изданий? Каким образом в них формировались художественные оценки его творчества? Признала ли писателя "своим" зарубежная Россия?

Ответы на эти вопросы не столь очевидны и однозначны, как это может показаться на первый взгляд. Само существование широчайшего эстетического спектра русской культуры за рубежом предотвращало однозначность оценок любого художественного явления, попадавшего в поле ее внимания. К тому же все они были детерминированы еще и политически: по свидетельству историка и писателя Н. Ульянова, в эмигрантской мысли раз и навсегда установилось "то же самое утилитарное

отношение к литературе, что и у большевиков"³. Историк русской зарубежной литературы И. Тхоржевский детализировал это наблюдение, пояснив, что "образовалась своя партийная белая библиотека - у эмигрантов; и такая же, красная, библиотека - в советской России. Два враждебных отдела беллетристической пропаганды. В белой библиотеке прославлялись героические эпизоды белой борьбы, главным же образом шло лютое обличение "окаянных дней революции». В советской, красной библиотеке было меньше памфлетов и меньше ненависти. Молодую советскую литературу тянуло не к обличениям, а к самовозвеличиванию"⁴. Таким образом, позиция Булгакова-художника, сознательно вставшего "между двумя флагами" - была изначально спорной и провоцирующей вокруг себя столкновение непримиримых позиций. Положение аутсайдера в современном ему советском литературном процессе, несмотря на обилие возведенных против него политических обвинений и наветов, не давало писателю никакой форы для общественного признания за ее пределами, проецируя его творчество лишь на мутные зеркала идеологии. Определяющим для эмиграции было то обстоятельство, что писатель физически находился во враждебном лагере, а его стремление встать "поверх барьеров" многим казалось совершенно неприемлемым. Приятие правоты такого взгляда на революцию означало бы признание собственного исторического поражения. "Наша историческая участь случилась так, что беспристрастное для нас слишком трудно доступно", - признался однажды Георгий Адамович, - "слишком много воспоминаний, счетов, обид - короче, слишком много боли!". Явление художника, предлагающего непривычную меру исторической правды, соединяющей рассеченное надвое национальное сознание, представлялось

эмиграции неестественным и вредным, ибо каждая из сторон должна была хранить свою выстраданную часть. Это невысказанное, но очевидное убеждение ясно прочитывается практически во всех, даже самых благожелательных эмигрантских откликах на творчество Булгакова.

I

Зарубежная русская печать, внимательно следившая за литературой метрополии, на протяжении 20-х годов охотно и часто перепечатывала прозу ведущих советских авторов того времени. Имена Зощенко, Шишкова, Леонова, Пант. Романова и др. практически не сходили со страниц эмигрантских газет. Михаил Булгаков был в их числе. Это зафиксировала, например, литературная анкета парижской газеты "Дни", проведенная в октябре 1927 года. Ее респонденты – М. Осоргин, Н. Оцуп, В. Ходасевич, М. Цетлин (Амари) и др. – называли его имя в числе самых талантливых писателей современной России⁵.

Столь редкое единодушное признание обнаружило редчайший случай совпадения предпочтений профессиональных литераторов со вкусом массового читателя. По итогам одного из опросов, проведенного в 1929 году среди посетителей Тургеневской библиотеки в Париже, Булгаков попал в число двадцати самых читаемых писателей вслед за Пушкиным, Толстым, Чеховым и Буниным. Судя по издательским анонсам, он вошел в триумvirат популярнейших в среде эмиграции советских сатириков⁶.

Оказывается, зарубежный русский читатель узнал и оценил Булгакова прежде всего как автора сатирической прозы. Учет всех его русско-язычных публикаций этого жанра – задача весьма трудоем-

кая и беспрецедентная по масштабам, учитывая гигантский массив эмигрантской периодики, в точности не известный даже современникам. Сегодня возможно указать лишь некоторые из них: иллюстрированный еженедельник "Наш мир" перепечатал сатирический рассказ "Три вида свинства"⁷. Булгаковская "поэма" "Похождения Чичикова", впервые опубликованная берлинской газетой "Накануне" (1922), была дважды перепечатана под откровенным названием "Похождения Чичикова в СССР": в утренних выпусках рижской газеты "Сегодня" и в нью-йоркском "Новом Русском Слове"⁸. Повесть "Роковые яйца" была перепечатана той же "Сегодня"⁹, а "Дьяволиада" – в парижских "Днях"¹⁰.

Особого внимания требует "неузнанный Булгаков". Дело в том, что и "гудковские фельетоны" писателя весьма часто перепечатывались эмигрантскими газетами в качестве остроумных иллюстраций советского быта, но всегда – под измененными названиями и без указания авторства. Как известно, эти сочинения сам автор зачастую подписывал псевдонимами, а потому узнать их вдвойне непросто. Тем не менее, только в газете "Последние новости" за 1925 год обнаружилось 10 текстов Булгакова, перепечатанных из советских изданий¹¹. Не раз булгаковские фельетоны появлялись и в других русскоязычных изданиях разных стран¹².

Зарубежный русский читатель не только читал Булгакова, но и оперативно узнавал о событиях его писательской биографии¹³. Так в январе 1925 газета "Дни" опубликовала письмо анонимного корреспондента из Москвы с литературными новостями красной столицы, в котором, среди прочего, рассказывалось о том, что

"...всё еще продолжает культивироваться авантюрный роман. <...> Молодой писатель Булгаков читал недавно

авантюрную повесть "Роковые яйца". Хотя она литературно и незначительна, но стоит познакомиться с ее сюжетом, чтобы составить представление об этой стороне литературного творчества".

В пересказе фабула повести содержала детали первой, не дошедшей до печати редакции, отличающейся от ныне известной макабрическим финалом:

"Действие происходит в будущем. Профессор изобретает способ необычайно быстрого размножения яиц с помощью красных солнечных лучей. С целью проделать опыт он выписывает из-за границы яйца голоногих гадов, которых он специально изучал. Происходит это как раз в то время, когда в России от какой-то эпидемии внезапно вымирают все куры. Советский работник Семен Борисович Рок крадет у профессора его секрет и выписывает из-за границы ящики куриных яиц. И вот случилось так, что на границе перепутали ящики гадов и кур, и Рок получил яйца голоногих гадов. Он развел их у себя в Смоленской губернии (там и происходит всё действие), и необозримые полчища гадов двинулись на Москву, осадили ее и сожрали. Заключительная картина – мертвая Москва и огромный змей, обвившийся вокруг колокольни Ивана Великого".

"Тема веселенькая!.." – заключал свой рассказ осведомленный аноним и прибавлял:

"Конец Булгаков решил переработать в более оптимистическом духе. Наступил мороз и гады вымерли. <...> Булгакова считают талантливым, хотя и обличают в отсутствии чувства меры (действительно!). Такие вещи читаются охотно, хотя и без уважения к автору и – литературе"¹⁴.

Этот скептицизм, однако, не передался всем читателям сатирической прозы Булгакова, сумевшим по достоинству оценить мастерство его литературных фантазмагорий. Комментируя выход в Москве сборника "Дьяволиада, неизвестный рецензент отмечал:

"<...> Отдельные вещи написаны талантливо и остроумно. Лучше других рассказов «Китайская стена», в котором китаец, разочаровавшийся в курении опиума, становится специалистом пулеметного дела и дурачки умирает, требуя выдачи премии за свою стрельбу. Советские критики очень недовольны книгой Булгакова"¹⁵.

Под впечатлением прочитанного критик Петр Пильский категорично объявил повесть "Роковые яйца" превосходным сочинением.

"В ней много смелости, она не страшится собственного риска, ее выдумка смела, легок темп и вся она развертывается и увлекательно, и убедительно. Уже только потом, после ее прочтения, оглядываясь назад, понимаешь и оцениваешь ее фантастичность, невероятность, неправдоподобие, ее чудесный пленяющий обман. Как всегда у талантливых искусников – всё держится на пустячке <...> и вот фантазии открыты самые несбыточные возможности, самые заманчивые пути, происходят «страшнейшие и необъяснимые» события, удивительные «сюрпризы», всё становится вдруг «поистине изумительно» <...> всё фантастично, необыкновенно и в то же время так просто и так притягательно, что не хочется ни контролировать, ни сомневаться, потому что нет сил и нет охоты оторваться от этих страниц, от этого рассказа, ведущегося в самом серьезном тоне. <...> Между тем, всё повествование втайне иронично. Всё время мелькают авторские улыбки. Свершается ласковый, добродушный и самый радостный обман – обман занимательности, обман вымысла <...>"¹⁶.

Мнение рижского критика было поддержано и парижанином Георгием Адамовичем:

"<...> Я советовал бы тем, кто еще не читал Булгакова и хотел бы с ним познакомиться, начать с его ранней повести «Роковые яйца» <...> от нее действительно «трудно оторваться». Воображение автора действительно чрезвычайно богато. Торопливо переворачивая страницу за страницей, следя за развитием волшебной и нелепой булгаковской истории, читатель, как ребенок, слушающий сказку, всё время в волнении ждет:

– Что же случится дальше?

И ни разу ему не удастся угадать, что придумает автор..."¹⁷.

Повесть "Дъволиада", давшая название сборнику, получила столь же высокую оценку Пильского, откликнувшегося на нее в превосходных степенях:

"Опять – мелочь, опять – пустяк, снова – случайность, но всё – вымысел, выдумка, занимательность, упоительный и ласковый обман – упоительный потому, что всё повествова-

ние ведется в quasi-серьезном тоне, с соблюдением полной внешней естественности и достоверности, в согласии со всеми деталями советского быта. Всё фантастично и в то же время всё допустимо, всё художественно оправданно и примирено. В этом и состоит тайна мастерства”.

Критику была чрезвычайно близка характерная черта булгаковского таланта:

”Иронично отношение автора к этой жизни, к ее укладам, к ее распорядку, кутерьме, растерянности, путанице, безрассудной суете, общему замешательству..., но самая острая и глубокая ирония заключается именно в фантастике всей этой жизни, в ее иллюзорности, ее выдуманности, ее родстве с кошмаром. Михаил Булгаков – это *ироническая фантастика* <...> У Михаила Булгакова большой *литературно-мимический талант*. Он умеет улыбаться слегка и в то же время выразительно. Его насмешка улавливается, но не дерзит. Он ироничен, но не смешлив, умеет ласково насмехаться и неприметно издеваться, в нем сильная лукавая осторожность – в искусстве это называется почетным и похвальным: чувством меры”¹⁸.

В марте 1926 всё тот же безвестный корреспондент ”Дней” сообщил о новом сочинении писателя, изрядно подогревшим температуру московских салонов: ”В литературных кружках жизнь продолжается довольно серенько. Читал Булгаков новую вещь свою «Собачье сердце»; читает он прекрасно”¹⁹. Это, вероятно, единственное печатное упоминание о произведении, запрещенном в СССР еще до предполагавшейся публикации и увидевшем свет в этой стране лишь шестьдесят лет спустя.

Можно думать, что успех булгаковской сатиры у современников предопределил ее переиздание для нового поколения читателей зарубежной России, столь же высоко оценивших творчество забытого к тому времени писателя. ”Мы должны быть признательны издательству им. Чехова, выпустившему, ставшие библиографической редкостью, новеллы талантливого и гонимого советской цензурой М. Булгакова”²⁰.

Не постоянное ли присутствие подозрительного имени на страницах эмигрантской прессы (а за ней московские власти следили внимательнейшим образом) стало причиной чекистского сыска, а затем квартирного обыска с конфискацией рукописей и допроса писателя в ОГПУ летом 1926? Зощенко, например, припомнили неавторизованные эмигрантские публикации 1920–1930-х годов много лет спустя, и это косвенным образом подтверждает наше предположение. К слову, о травле и репрессиях против Булгакова эмиграция своевременно узнавала из газет, так же, как и о его судьбоносном письме правительству в марте 1930²¹.

II

Чрезвычайно насыщенной и напряженной главой в "зарубежном" Булгакове стало восприятие его первого романа, подытоженное академической работой Павла Милюкова "Очерки по истории русской культуры". Оценивая вершинные достижения советской литературы 20-х годов, он сблизил "Белую гвардию" с романом Алексея Толстого "Хождение по мукам", знакомым ему лишь по первым эмигрантским публикациям, но не по кардинально переписанной после возвращения в Советский Союз версии. Проницательный аналитик и ценитель художественного творчества на сей раз не дал себе труда сопоставительного анализа, но лишь выстроил умозрительную связь булгаковского произведения с толстовским по формальному "тематическому" признаку:

"Написанный с той же точки зрения и с однородным содержанием (так! – Р. Я.), роман Мих. Булгакова, тоже побывавшего в эмиграции <...> имел очень большой успех у публики, тогда еще состоявшей в значительной части из членов среды, описанной в романе. Сенсация была вызвана тем, что в объективное изложение Булгаков всё же внес ноту теплого сочувствия жертвам переворота <...>"²².

Можно ли считать, что беглый и весьма поверхностный отзыв Милюкова отразил общую концепцию романа? Определенно – нет. Напротив, он лишь незаслуженно отодвинул в тень череду определенных событий, столкновение критических оценок и политических позиций, развернувшихся вокруг этого булгаковского сочинения.

Между тем, русская зарубежная пресса отреагировала на появление нового произведения незамедлительно: "М. Булгаков, автор напечатанной в нашей газете повести «Роковые яйца», печатает теперь в журнале «Россия» новый роман «Белая гвардия»²³. Примечательная чуткость зарубежной России к метаморфозам авторского замысла, прошедшим определенную смену переименований. Роман стал известен ей на волне успеха мхатовского спектакля, окрасившего своим театральным светом его читательское восприятие. Познакомившись с пьесой и романом в обратном порядке их появления на свет, эмиграция отдала название "Белая гвардия" пьесе, оставив роману двойное "перевернутое" заглавие.

После того, как публикация булгаковского романа на родине была прервана, а его текст покинул пределы страны²⁴, отрывки из него, предвзято книжные публикации в Риге и в Париже, были перепечатаны целым рядом изданий²⁵ и тотчас же привлекли к нему читательское внимание.

Литературный обозреватель Лев Максим (Асс) был первым, кто чрезвычайно высоко оценил новинку, безоговорочно поставив булгаковский реализм в ряд литературной классики:

"<...> Булгаков оказался художником; как художник, очень искренним; как очень искренний, необыкновенно убедительным. Художник всегда опасен этим. Я не знаю, коммунист Булгаков или не коммунист, сочувствующий или несочувствующий; думаю, прежде всего он писатель, талантливый писатель и русский писатель. <...> Вглядитесь в семью

Турбиных, только пристально, вы не уловите, конечно, очень выпуклых, ярких черт сходства, но какое-то родство с семьей толстовских Ростовых вы уловите, может быть, далекое, смутное, но всё же вы уловите его, хотя бы в Алексее (Николай Ростов), а еще больше в Николке, этом выросшем, перенесенном в другую обстановку и в другие дни, прелестном и милом, юношески восторженном, самотверженном Пете Ростове. Даже в немце Тальберге есть черточки толстовского Берга"²⁶.

Тот же Пильский констатировал бесспорный успех романиста у эмигрантского читателя:

"Судьба – шальная женщина. И литературные уделы имеют свои таинственные предначертания. Никто так капризно не гримасничает, как слава.

Булгаков!.. Думал ли он когда-нибудь, что ее крылья так любезно зашумят над его головой? Решительно: ни у кого больше нет такой ласковой известности, как у автора «Белой гвардии», потащившей в гору и его "Роковые яйца", и «Дьяволиаду», и целые книги мелких рассказов <...> Давно о Булгакове разгоряченно спорят театральные рецензии, пишут литературные критики, препирается публика. Нет журнала, нет газеты, обошедших молчанием "Белую гвардию". Сейчас открываю «Звено» и первое заглавие: «Дни Турбиных М. Булгакова»²⁷. <...> В чем секрет? Я думаю – в искренности"²⁸.

Сочувствие вызывала и личная судьба писателя. Пильский очень точно угадал психологическое состояние художника, чей литературный успех был снят прессом официозной критики и цензуры:

"Ежедневно проходить сквозь страшилищ – воистину подвиг <...> нужно иметь большое терпение, чтоб ежедневно выслушивать эту отъявленную ругань и тоже ежедневно созерцать занесенную над своей головой грязную, но угрожающую длань. <...> Булгаков проходит героический, но страдальческий путь. Что ни говорить, как бы ни презирать этих прохождений – нервы остаются нервами, и человек – человеком. Презрение не всегда лечебное средство. Не только удары, но и щипки, но и уколы оставляют свой след. И для Булгакова <...> «Белая гвардия» прочертила стезю мученичества. <...> А с другой стороны: разве это не радость, не истинное счастье сознавать, что враг разгневан до последней степени, но и бессилен до жалости, разъярен, но и безграмотен,

лют, но не когтит. Это большое счастье, это – настоящее удовольствие”²⁹.

Известность романа и его автора в эмиграции, в отличие от России, распространилась стремительно. Тираж первого тома “Белой гвардии”, выпущенный ничем более памяти о себе не оставившим парижским издательством “Конкорд” в середине октября 1927, разошелся в считанные дни, вызвав необычные объявления на первых полосах газет: “Роман М. Булгакова весь распродан. Дополнительный транспорт должен получиться на днях и, так как книга будет высылаться только по твердому заказу и по очереди поступления таковых, рекомендуем всем желающим получить роман *немедленно* прислать стоимость его”³⁰.

Благожелательными отзывами законодателей литературной моды Г. Адамовича и В. Ходасевича дело не ограничилось. (В год столетия Булгакова их рецензии попали наконец в поле внимания отечественного читателя³¹.) На волне широкого читательского интереса последовали новые отклики. Единодушно признавая художественную силу и убедительность романа, рожденные талантом автора, практически все рецензенты были склонны прежде всего к обсуждению исторического фона повествования. При этом обжигающее память общее прошлое в соединении с личным опытом, то и дело вступали в их суждениях в противоречие с творческим заданием романиста. Таким образом, это литературное сочинение неожиданным образом сфокусировало в себе весь спектр эмигрантской рефлексии на причины и следствия национальной катастрофы.

Единственным негативным выступлением на книгу Булгакова, пожалуй, можно считать статью маститого Александра Яблоновского. Роман стал для него поводом для печатных lamentаций о бе-

зукоризненности собственного политического выбора:

"Читал очень хороший роман Булгакова и в нем, как на гвоздь, напоролся на следующее место, касающееся бегства интеллигенции от большевиков в Киев... Булгаков – человек талантливый, но подсоветский, и живет в рабстве. А потому о нем никак нельзя сказать с полной точностью, по чистой совести он это пишет, или по цензурным соображениям...

Кто бежал от большевиков?

– Сволочь бежала...

Но в какой мере г. Булгаков прав, и можно ли на всех русских беглецов приклеить этот общий ярлык? Сволочь? Я думаю, что ответом на этот вопрос может служить наличный состав русской эмиграции, которая вся бежала через Киев... Бежали от большевиков и замечательные русские артисты, и прославленные на весь мир композиторы, и лучшие художники, и знаменитые писатели, и выдающиеся профессора, и талантливые инженеры, и блестящие хирурги, и врачи с именами, и генералы, вписавшие свои имена в историю.

Но эту элиту русскую г. Булгаков не заметил.

Ни Прокофьева, ни Стравинского, ни Кусевицкого, ни Бунина, ни Шмелева, ни Билибина, ни Добужинского, ни Шалапина, ни Мозжухина – ничего этого г. Булгаков не поймал в поле своего зрения, а сказал кратко:

– Сволочь бежала: кокотки, подозрительные банкиры, бледные развратницы и продажные журналисты.

Кстати, журналисты стоят того, чтобы о них поговорить с г. Булгаковым отдельно <...> Булгаков описывает нас, петербургских и московских журналистов, совершенно запросто и без всякой церемонии.

– Продажные, алчные и трусливые...

<...> Как это ни странно, но этим именем г. Булгаков называет как раз тех журналистов, которые не хотели продаваться большевикам и ушли от них, куда глаза глядят.

Неужели же вы, мой бедный подсоветский «гражданин», полагаете, что если бы мы захотели продаваться, то не нашли бы среди большевиков покупателей?

Я хорошо знаю мир русских журналистов, но не видел случая, чтобы продажная душа <не> была куплена большевиками. <...>

«Лучшие перья России», – говорит Булгаков, – «начали... поносить большевиков».

Да, это совершенно верно. Начали и продолжают, И в этом смысл и оправдание, и хвала русской журналистике в эмиграции.

Мы – пожизненные враги советчины, и мы не замолчим, пока не умрем. <...> Но при этих условиях еще менее вразумителен покажется другой эпитет г. Булгакова в применении к русским журналистам: алчные.

Вот уж этого я никак не сказал бы. Где же тут «алчность», если люди ушли от советчины с беженскими котомками за плечами? У многих даже белья не было, потому что по дороге из Москвы в Киев большевики останавливали пассажирские поезда и всех проезжающих грабили?

Не назвал бы я наших журналистов и «трусами», как это делает г. Булгаков.

Во-первых, многие уходили из дорогого отечества под пулями. По неделям жили (с маленькими детьми и женами) в днестровских плавнях, прятались в болотах, укрывались в лесах и под страхом ежеминутного расстрела уползали на животе из «самой свободной страны в мире». <...> Не было мочи оставаться в этом окаянном царстве насилия, гнета, растленного хамства и удушающего рабства.

Куда мы ехали? Куда глаза глядят. <...>

Что ожидало нас впереди? Мрак неизвестности, Может быть, пуля. Может быть, тиф. И наверное – нищета. Но нам казалось, что подметать улицы в Париже, что таскать чужие чемоданы на вокзалах и даже чистить чужие нужники – это великое, неслыханное счастье в сравнении с «социалистическим строительством» на нашей родине. <...> Нет, это не трусы бросаются с высоты в темное, злое и холодное море с единственной целью – уйти из неволи и сбросить ошейник раба.

Нет, не трусы, г. Булгаков.

Но не подумайте, однако, что я слишком близко к сердцу принял ваше мимолетное замечание о «продажных, лживых и трусливых» журналистах – но мне *очень* понравилась ваша книга, которая имеет большой успех в эмиграции, и оттого мне искренно захотелось вынуть кухаркин волос, упавший в тарелку вашего прекрасного, почти белогвардейского супа»³².

Политическая тенденциозность и эстетические предубеждения публициста были очевидны другим обозревателям, включившимся в обсуждение булгаковского романа. Их отклики практически полностью дезавуировали незаслуженные упреки в адрес писателя, лишенного возможности ответить пристрастному оппоненту.

Ведущий сотрудник варшавской газеты "За Свободу!" Александр Федоров, не менее Яблоновского склонный к идеологическим интерпретациям событий художественной жизни, на сей раз безоговорочно признал художественное обаяние "Белой гвардии", верно определив и ее подлинных героев:

"С этим романом мы, русские эмигранты, должны ознакомиться не только как с произведением талантливым, оставляющим громадное впечатление в душе читателя, но как с произведением, в котором *подсоветский* писатель бесстрашно подошел к такой «щекотливой», с советской точки зрения, теме и написал о ней без всякой предвзятости. Булгаков первый из *подсоветских* писателей не постеснялся изобразить «белых» людьми, а не каким-то «зверьем», как это принято делать в сов(етской) России, повинаясь повелениям временных «победителей».

Пусть даже автор дает не совсем приятную характеристику «беглецам из Петербурга», которые тысячами, десятками тысяч стекались в Киев в 1918 г. Они автору чужды за их праздную и развратную жизнь. Автору непонятна их ненависть к большевикам, «трусливая, шипящая ненависть из-за угла, из темноты». Но на этом фоне неприязни к «петербуржцам» еще ярче выделяется непредвзятость автора по отношению к истинно-белым: к студентам, младшим офицерам, подросткам и юношам из интеллигентных семей, к их героической, прямой, открытой ненависти.

Булгаков отдает честь этим благородным прапорщикам, поручикам, капитанам, этим бывшим студентам «в серых потертых шинелях с еще незажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах».

«...» Хороший, храбрый офицер Студзинский говорит одному из своих друзей офицеров после того, как белые были разбиты: «Ты упомянул слово «отечество». *Какое же отечество, когда Троцкий идет? Россия кончена!*».

Теперь мы твердо знаем, что Студзинский ошибся. Троцкий пришел и ушел. Кончился Троцкий, но не Россия. За Троцким кончатся и другие.

Белый Крест, символ Воскресения, вновь засверкает «в руках громадного Владимира на Владимирской горке» и сгинет пятиконечная звезда и скорби русского народа"³³.

Одним из немногих по-настоящему беспристрастных ценителей талантливой советской прозы был

Михаил Осоргин, активно оппонировавший ее многочисленным идейным недругам в рядах литературной эмиграции. Коллизия принципиального неприятия совокупной "советчины" охватывала не только старшее поколение литераторов-эмигрантов, но в нее была вовлечена и творческая молодежь. Так, на общественном диспуте о советской литературе, устроенном в Париже Дмитрием Святополк-Мирским, на котором, конечно, в первую очередь обсуждался роман Булгакова, выступил Борис Поплавский. Он заявил, что "...в советской России вовсе нет литературы и что когда-нибудь, через много лет о русской революции напишут романы люди, вовсе не участвовавшие в гражданской войне, а сейчас можно писать только по воспоминаниям». Совершенно неожиданно эти слова имели большой успех. Поплавского наградили шумными аплодисментами"³⁴.

В подобной неадекватности художественных ощущений Осоргин справедливо усматривал эстетическую и духовную слепоту тех, чья политическая непримиримость искажала восприятие подлинного творчества. Он честно признавался: "<...> Мы жили в легкие времена, когда дважды два было четыре, стожды сто не встречалось, жили, в сущности, в двух измерениях, помножая широту взглядов на долю терпения. Нынешним приходится карабкаться вверх их глубины великого морального падения, куда они обрушились вместе с обломками нашей идеологии. Мы теоретизировали, они расхлебывают действительность. <...> Им труднее, гораздо труднее, и гораздо больше на их пути преодоления. <...> Не уложатся их искания в печатную программу с прекрасными девизами! Нам отсюда даже и понять их трудно"³⁵.

Неудивительно, что булгаковский роман остановил на себе внимание Осоргина, и он стал одним из

самых прилежных его читателей и благожелательных рецензентов. Две недели спустя после появления романа на книжных прилавках он откликнулся пространной рецензией:

"В появившемся в Париже издании роман Булгакова не окончен. Что он представляет собой в целом – говорить пока трудно; о том же, как он написан, можно судить уже по напечатанным двум частям.

Фон романа – гражданская война, ее киевский этап (Скоропадский – Петлюра). Скорее всего, семья Турбиных, молодых и искренних активных участников белого движения, участвует в романе как бы лишь для оживления его, чтобы не сделать его историческим, не превратить в беллетризованную запись изумительных и тяжких дней Киева накануне взятия его войсками Петлюры. Эпоха гражданской войны в обработке, пытающейся быть художественной, уже заполнила шкапы современной российской литературы; но художественности всегда мешало отсутствие перспективной дали, невозможность для писателя быть объективным в оценке событий эпохи и в обрисовке характеров ее деятелей. И прежде всего, мешала, разумеется, цензура, сквозь сито которой свободно процеживался благородный коммунист, но не мог протиснуться его честный противник. Плохо было и то, что за темы эти охотно брались, главным образом, перья беллетристов-агитаторов, коммунистически-настроенных, литературно-дешевые, идейно-ничтожные, не способные к художественному беспристрастию. Еще хуже было, когда по их стопам шли писатели, пытавшиеся приобрести себе паспорт благонадежности печатным отказом от собственного вчерашнего «белогвардейства» и расквитаться с «заблуждениями прошлого» путем цинической над ним издевки; так, например, «Хождение по мукам» Алексея Толстого, худшее из произведений этого морально-нестойкого таланта.

М. Булгакова ни в чем подобном упрекнуть нельзя. Он – по мере сил и таланта – старается быть объективным. Его герои – не трафаретные марионетки в предписанных костюмах, а живые люди. Он усложняет свою задачу тем, что всё действие переносит в стан «белых», стараясь именно здесь разобраться и отделить овец от козлищ, искренних и героев – от шкурников и предателей идеи белого движения. Он рисует картину страшного разложения в этом стане, корыстного и трусливого обмана, жертвой которого явились сотни и тысячи юнкеров, офицеров, студентов, честных и пылких юношей, по-своему любивших родину и беззаветно отдававших ей

жизнь. Живописуя трагическую обреченность самого движения, он не пытается лишить его чести и не поет дифирамбов победителям, которых даже не выводит в своем романе (по крайней мере, в первых двух его частях). В условиях российских такую простую и естественную честность приходится отметить как некоторый подвиг – или же с еще большим удовлетворением признать, что российская цензура, не перестав быть партийной и охранной, умеет иногда не быть чрезмерно глупой. Впрочем, запрещение пьесы «Дни Турбиных» на сцене Моск<ского> Худож<ественного> театра, вызванное ее чрезмерным успехом у публики, свидетельствует о некоторой преждевременности подобных надежд”.

За внешне скупыми, но полновесными похвалами рецензент не скрыл своих эстетических претензий, обнаружив в поэтике раннего Булгакова акценты, упущенные современными исследователями:

”Роман читается с большим интересом, но не потому, что автор старается оживить его со стороны формы ремизовскими приемами письма или алексее-толстовскими жанровыми выпадами; первое ему слабо удается (надо быть Ремизовым – мало быть подражателем), второе лицо портит общее впечатление. В основном повествовании автор сильнее, чем в отступлениях. Талант его вне сомнений, и в вычурах письма нет надобности (во всех этих «да-с», «так вот-с»). При наличии таланта можно было бы и отбросить пережитки пильняковской вульгаризации и расхлябанности стиля; не украшает слога и словарь ругательный. Впрочем, справедливость требует оговорить, что всеми этими чужими «художественными» завоеваниями М. Булгаков пользуется с достаточной умеренностью: лишь как дань эпохе своеобразной «свободы печати». Отметить эти недостатки романа хочется потому, что в целом он – крупное явление в литературе последних лет. Издание его нельзя не приветствовать”³⁶.

Роман Булгакова нашел безоговорочную поддержку и у влиятельного литературного критика Юлия Айхенвальда. В свойственной ему импрессионистичной манере критик ярко и образно суммировал впечатления, мысли и чувства, навеянные прочитанным. Отличительная черта его рецензии – точность меры эстетического вкуса и исторического зрения, свобода от политических предрассудков и

поразительное умение верно представить и оценить целое по его части:

"Это произведение ярко талантливое, оставляющее после себя глубокий след впечатления. Роман сделан очень искусно; легка его постройка, и как прихотливо ни разбросаны его части, прерываясь одна другой, всё-таки они собираются сами собою во внутреннее целое, и зигзаги писательского каприза не раздражают читателя, а удовлетворяют. Отдельные образы и отдельные сцены необычайно сильны. Фоном для них является Киев, в 1918 году – зимний Киев; и город этот оказывается у Мих. Булгакова не только фоном: он живет самостоятельной жизнью, как особое существо, так что недаром и величают его – слово Город пишут с большой буквы. В сознании, в представлении большинства Киев рисуется летним, зеленым, южным; оттого зимняя оболочка, в которую он одет у автора, и частое, почти как у Блока, упоминание о снеге вызывает в нас сначала какое-то сопротивление, какое-то ощущение, что не к лицу матери городов русских эта необычная белая одежда. Но ничего не поделаешь: именно зимою устроила история то, что описывают «Дни Турбиных», и уклониться от этого было нельзя, тем более, что весь роман соткан одновременно как из нитей вымысла, так и из кровавых нитей реальности. Придуманные, только внешне придуманные, психологически живые фигуры связаны в своих судьбах с такими подлинниками, как гетман Скоропадский, Петлюра, полковник Болботун. И вообще, главное действующее лицо «Дней» это – история, русская история, недавняя, еще неостывшая, такая, к которой больно притрагиваться. Болью, телесной и душевной, так же насыщены страницы Булгакова, как и та действительность, которой они посвящены. С 1914 года миром, который и без того давно облюбован страданием, овладело человеческое страдание исключительное. Оно составило жизненный нерв истории и в эту историю, т. е. в неслыханные несчастья, вовлекло огромное количество людей – и детей в том числе. «Детей зачем-то ввязали в это... – слышался женский голос: так сказано в «Белой гвардии» по поводу нашей междоусобицы, и этот не известный чей женский голос мог бы представлять собою голос совести всего человечества. В страшно горячую, в самую опасную минуту, когда Петлюра уже взял Город и сопротивляться больше нельзя было, и бежал Скоропадский, и немцы не заступились, торжественно вышел из одного дома кадетик, у которого нос был пуговицей и у которого с левой стороны недоставало одного зуба, и большая винтовка сидела у него за спиной на ремне. Этот ма-

ленький был один из защитников Великой России. Что лично с ним стало, не досказывает Мих. Булгаков; но гибель его ровесников и тех, кто несколько постарше, видна отчетливо.

В этой гибельной междоусобице – на чьей стороне изобразитель «Белой Гвардии», белогвардейской семьи Турбиных? Художника об этом спрашивать не совсем законно, потому что он должен бы быть над обеими сторонами, на высоте объективности. Неделikatно спрашивать об этом именно Мих. Булгакова, напечатавшего свою книгу в России, в стране – не правда ли? – не совсем свободной. Но и без вопросов ясно, к чести автора, что на своих белых героев он, подданный красной власти, сумел посмотреть открытыми и непредвзятыми глазами, сумел увидеть в них просто людей и осветить их не от себя, а из их собственной глубины, имманентно, отнесся к ним по законам их собственного внутреннего мира. Если он их и не принял, то во всяком случае он их понял.

Этому соответствует и та характеристика, которую наш романист дает Киеву, когда зимой 1918 года его наполнили толпы беженцев с севера, от ужасов большевизма. Темные краски уделены этим беглецам, среди которых были, между прочим, и «журналисты московские и петербургские, продажные, алчные и трусливые». Но «бежали и честные дамы из аристократических фамилий». Праздную и развратную жизнь вели эти люди, и большевиков ненавидели они «ненавистью трусливой, шипящей, из-за угла, из темноты». Но зато «ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку», ненавидели большевиков армейские офицеры, и вот им всю честь и внимание справедливо воздает Мих. Булгаков. От прикосновений его пера оживают перед нами образы этих прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, «сбитых с винтов жизни войной и революцией... в серых потертых шинелях, с еще незажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах» – сами тени, живые осколки разбитой армии, разбитой России. Судьбу некоторых из этих офицеров прослеживает автор.

Он делает это в каком-то особом тоне, будто бы слегка развязном, лирико-ироническом, но звучащем всё же нотою душевного надрыва. Первая же страница романа овеяна эгегическим настроением – печалью об умершей «маме»: «мама, мама, светлая королева, где же ты?» И тихой грустью дышит изображение разоренного человеческого гнезда, биография семьи, в которой молодежи «перебило жизнь на самом рассвете». «Давно уже начало мести с севера, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже», и обыкновенная, не

военная, а человеческая жизнь с книгами, с Наташей Ростовою и «Капитанской дочкой», с голландским изразцом жаркой печки, с абажуром и стенными часами, с тонкими духами от женских рук – эта уютная жизнь, о которой мечталось на полях мировой войны, не только не начинается, а, наоборот, кругом становится всё страшнее и страшнее. «На севере воеет и воеет вьюга... восемнадцатый год подходит к концу и день ото дня глядит всё грозней и щетинистей». Недаром священник, раскрыв заветную книгу, при последнем свете, упавшем из окна, прочитал таинственное страшное слово: «третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь».

Эпопею крови рассказывает Мих. Булгаков. Содержание этой эпопеи таково, что к нему нравственно трудно подходить с эстетическим мерилom, и лишь содержание можно, кажется, испытывать перед повестью о кровавом человеческом вареве, которое себе на потеху состряпал дьявол. И всё-таки невольно подмечаешь у автора большие художественные достоинства, чувство меры, внешнюю и внутреннюю живописность, искусство тонкого портретиста, ряд примечательных тонкостей вообще. Как хорош, например, сон, который видится одному из Турбиных, – разговор вахмистра Жилина с апостолом Петром и Богом! Сдержанной страстностью отличается изложение Мих. Булгакова, богато оно психологизмом и драматизмом. И, бесспорно, не только обыкновенный читатель, но и историк обратится к этой книге, когда ему надо будет восстанавливать эпоху 1918 года на Украине – гетманщину и ее падение, всевозможные трагические эпизоды, связанные с тогдашними событиями, благородство и героизм иных, низость многих, а главное, главное – эту бесконечную, щедрую гибель молодых и старых, мужских и женских жизней.

И еще, сквозь галерею весьма разнообразных и весьма выразительных лиц, написанных даровитой кистью Булгакова, мы <...> подходим и к лицу Города, к удивительной картине Киева. С увлечением изображены его красоты, его «сады безмолвные и спокойные, отягченные белым, нетронутым снегом; и было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира... сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром; и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках, царствовал вечный Царский сад... нижние далекие террасы расходились всё дальше и шире, переходили в береговые рощи, над шоссе, вьющимся по берегу великой реки, и темная скованная лента уходила туда, в дымку,

куда даже с городских высот не хватает человеческих глаз, где – седые пороги, Запорожская Сечь, Херсонес и дальнее море».

Но особое впечатление производит сверкающий электрический белый крест «в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке». Трехсаженный крест в руке у чугунного Владимира, «уже сто лет стоящего на страшном тяжелом постаменте», зажигался каждый вечер и горел всю ночь. Верст за сорок был он виден в черных далях, ведущих к Москве, «в черной мгле, в путанных заводах и изгибах старика-реки видели крест и находили по его свету водяной путь на Город; зимой крест сиял в черной гуще небес и холодно и спокойно царил над темными пологими далями», откуда шли мосты, и по одному из них «прибегали поезда оттуда, где очень, очень далеко сидела, раскинув пеструю шапку, таинственная Москва».

В той жути, которой проникнута книга Мих. Булгакова, вообще за фактами показывающая мистику, особенное значение приобретает белый сияющий крест Владимира. Вероятно, теперь свет креста потушили, и ночью Владимир больше не сияет. Темнее стало на Руси. Не только история, но и искусство говорит об этом. Среди других произведений также и «Дни Турбиных» свидетельствуют о том, какие уруны и ущербы, какую страшную убыль нанесла революция не только людям, но и городам России, самому пейзажу ее и природе. Большевизм ударил Россию по лицу. По лицу земли русской разостлалась обида, и клюет русскую землю Птица-Обида <...>³⁷.

Прочсть окончание романа критику не было суждено. Когда в апреле 1929 вышел второй том романа с финалом, заново написанным автором для парижского издания, Айхенвальда уже не было в живых. Его сменил на страницах газеты Модест Гофман – поэт, известный литературовед-пушкинист. Рецепция Гофмана, окрашенная личным знанием событий, описанных в книге, по тону сдержаннее, «академичнее» других, но и его принятие романа было безусловным:

«<...> Через два года вышел второй и последний том романа. Нет сомнения, что он вновь вызовет шум и споры о политических тенденциях автора. Автору, несомненно, удалось художественно закрепить большую полосу русской жизни, оцениваемую различно различными идеологиями.

Второй том «Дней Турбиных» изображает кратковременную, но беспокойно-насыщенную, напряженную, тяжелую эпоху петлюровщины – «Пэттуры», эпохи, когда дешева была кровь на червонных полях, когда дикая и жестокая неразбериха царствовала в растрепанной стране, когда пассажиров второго класса высаживали из вагонов и тут же на месте расстреливали только за то, что они ехали во втором классе.

Стихия петлюровской эпохи с погромами, с ее самочинными воровскими обысками, с ее «трыманиями», жестокой ловлей офицеров – составляет тот фон, на котором протекают дни Турбиных; и нужно признать, что автору удалось не только отдельные сцены, отдельные эпизоды петлюровщины (ярки картины обыска, петлюровского парада, ловли «шпиона» и проч.), но удалась прежде всего самая стихия жизни и ее тревожный пульс. И всё же роман верно назван «Дни Турбиных»: отдельные люди, отдельная семья, семья Турбиных приковывает к себе читателя, и в описании дней Турбиных более всего сказывается талант Мих. Булгакова. Нельзя без трепетного волнения читать, как волком бежал раненый Турбин и как его спасла Рейсс. Драматизм «Дней Турбиных» около умирающего Алексея Турбина предстает с первых страниц второго тома – с бреда Алексея, когда «тяжелая, нелепая и толстая мортира в начале одиннадцатого поместилась в узкую спаленку. Чёрт знает что! Совершенно немыслимо будет жить. Она заняла всё от стены до стены, так что левое колесо прижалось к постели. Невозможно будет лазить между тяжелыми спицами, потом сгибаться в дугу и через второе, правое, колесо протискиваться, да еще с вещами». В постоянном нарастании тревоги, в большем и большем напряжении та сила художника, которою он держит читателя. Эта напряженность и тревога (и в семье Турбиных, и вне ее – в петлюровском Киеве) доходят до высшей степени при описании умирания Турбина, когда «он лежал, источая еще жар, но жар уже зыбкий и непрочный, который вот-вот упадет. И лицо его уже начало пропускать какие-то странные восковые оттенки, и нос его изменился, утончился и какая-то черта безнадежности вырисовалась именно у горбинки носа, особенно ясно проступившей. Еленины ноги похолодели, и стало ей туманно-тоскливо в гнойном камфарном сытном воздухе спальни». Елена молится (молитва ее, несомненно, самое сильное место в романе) – и по молитве ее совершается чудо – кризис, из которого вышел живым Турбин. Разрешился и кризис романа, закончились и те 47 дней жития «Пэттуры» в Киеве, которые болел Турбин».

Поразительна проницательность рецензента, интуитивно угадавшего трансформацию авторского замысла при подготовке книжного издания романа (писатель, как известно, заново переписал его финал, во многом отойдя в нем от первоначального, лишь недавно ставшего известным, журнального варианта):

“Последние 20 страниц романа написаны хорошо, но они уже не волнуют так, не приковывают – «Пётр» и «Дни Турбиных» кончились, и последние страницы производят впечатление только приставки-концовки»³⁸.

Завершение публикации романа дало возможность сотруднику газеты “Возрождение В. Левитскому не только дать сжатую характеристику роману, но и напомнить читателям о драматической судьбе сочинений Булгакова на родине и за границей:

“Роман Булгакова имеет уже свою историю, характерную для условий, в которых приходится работать сейчас талантливому писателю. Как известно, роман начал печататься в советском журнале, но не был закончен. Пьеса того же названия имела огромный успех, но текст ее был грубо искажен в угоду советской цензуре. А дальше судьба романа еще плачевнее. В 1927 году в Риге его «закончило» издательство «Литература», которое, как оказывается, совершенно произвольно приписало Булгакову текст, сочиненный без ведома автора кем-то по поручению предприимчивого издательства! Первый том романа (перепечатка вышедших в России глав) был выпущен два года назад издательством «Конкорд». Сейчас в Париже вышел второй том «Дней Турбиных», причем парижское издательство ручается за подлинность текста.

На сей раз, по-видимому, мы действительно имеем дело с неискаженными «Днями Турбиных». Во втором томе особенно удались Булгакову сцены торжественного чтения первого украинского Универсала на площади Софийского собора. Толпа плохо понимала смысл происходившего. Под звуки многолетия только что провозглашенной «Украинской республики» передавались самые разнообразные слухи:

«– Вот Петлюра, на белом коне!

– Петлюра принимает во дворце французских послов.

– Петлюра сейчас в Берлине представляется президенту...» и т. д.

Здесь, в толпе, большевистские провокаторы шныряли, и производились на месте беспощадные расправы с москалями, которые «погано размовляют на украинской мове». Известный украинский поэт был жестоко избит как карманщик. Достаточно было крикнуть – «хватай офицера!» – как украинские сечевики тут же расстреливали первого попавшегося...

Из содержания заключительной главы становится понятным, почему советская цензура прервала печатание романа Булгакова: «Велик был год и страшен по Рождестве Христовом 1918-й, – пишет автор, – но 1919 был его страшнее...»

«<...> Последняя ночь расцвела... Занавес Бога, облакающий мир, покрылся звездами. Похоже было, что в неизмеримой высоте, за синим пологом, у Царских Врат, служили всеночную. В алтаре зажигались огоньки и они проступали на занавеси крестами, кругами и квадратами. Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в мрачную высь полночный крест Св. Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью и от этого крест превратился в угрожающий острый меч. Но он не страшен... Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

Этим неуместным в советских условиях вопросом и заканчиваются «Дни Турбиных» Булгакова³⁹.

Появление второго тома «Белой гвардии» вернуло к нему внимание Михаила Осоргина. В связи с пиратской книжной публикацией «Белой гвардии» он отмечал:

«Уже самый факт появления подделки свидетельствует о том, какой интерес пробудил роман в среде зарубежных читателей. Только сейчас появился подлинный текст второго тома романа в издании, разрешенном автором. В России второй том до сих пор не вышел.

Такая любопытная судьба может дать повод заподозрить роман в контрреволюционности, навлекшей на него цензурное запрещение.

Но никакой контрреволюционности в романе Булгакова, конечно, нет. Основной грех романа, очевидно, в том, что он

совершенно лишен всякой тенденциозности, что он по-настоящему художествен <...> Булгаков настолько не хотел быть фотографом, что даже не называет Киев по имени, вечно оставляя слово Город. Нет в романе и ни одной исторической даты. И что всего дороже, отрицательные и положительные черты героев романа не зависят от политической их веры. Большинство действующих лиц – участники белого движения; среди них есть благороднейшие души и есть разительные мерзавцы. Прекрасным и честным пером художника-психолога нарисованы портреты братьев Турбиных и нескольких офицеров: в Николке Турбине, юнкере, много черт от Пети Ростова – красивый и кристально чистый образ юноши-патриота. Полковник Най-Турс, оставшийся один у пулемета, чтобы дать возможность уйти юнкерам и студентам сборного отряда и спасший им жизнь ценой своей жизни – изумительный образ героя без сусальной лепки. Но всё это – дань художника высокому человеческому духу, а не политической идее.

Отличным художником выказал себя Булгаков и в массовых сценах. Трагический сумбур и бестолковщина киевских дней потребовали особого стиля и путаных красок; немного вспоминается Ремизов, несомненный учитель Булгакова, но не Ремизов, перенасыщенный и не понятный читателю, а Ремизов, усвоенный и примененный толковым учеником. Кое-что можно поставить и в упрек автору, (напр<имер>, излишек крепких слов, слишком фотографирующих офицерский жаргон без художественной потребности). Иные сцены, быть может, слишком затянуты. Но эти недостатки искупаются художественной честностью картин и пренебрежением к тому, как все эти сцены и характеры будут приняты и оценены блюстителями литературно-политической благонадежности. Булгаков предельно правдив, хотя никто не докажет его равнодушия. Идея романа лежит вне партий и программ, в плоскости человеческой правды и совести. Для наших дней это удивительно.

Было бы очень обидно, если бы к роману Булгакова отнеслись как к «запрещенной в России» книге и в этом увидали его главный интерес. Во-первых, это было бы неверно фактически, так как вторая часть романа ничем не «контрреволюционнее» первой. Во-вторых, именно то и интересно, что Булгакову удалось доказать силу настоящей художественной правдивости: его роман, хотя бы только первый том и переделанный из романа пьеса, всё же терпят в стране социального литературного заказа и обязательной марксистской тенденциозности; об него обломались копыя

официальной критики. Автора старались выставить идеологом белого движения, но роман его каждой строчкой доказал, что автор – лишь идеолог человеческой чести; стрелы критики ударились в художественную броню, и ложь не пристала”.

Общее заключение Осоргина о романе на сей раз было более прохладным, чем прежде:

”Роман, конечно, останется в литературе. Вероятно, он займет в ней скромное место – искусной и правдивой хроники. Сейчас, в момент исключительный и в условиях необычных он кажется выше подлинного своего значения и представляется почти подвигом художника”⁴⁰.

Недальновидная пристрастность рецензента выглядит теперь простительной: как всякий непосредственный участник литературной жизни он ждал от нее большего, чем было возможно. История русской литературы сложилась так, что роман Михаила Булгакова о гражданской войне остался вершинным ее созданием на эту тему. Тем многограннее и весомее кажется ныне восприятие ”Белой гвардии” эмигрантами, сполна воздавшими ее автору, обреченному на немоту в России.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Письмо от 14 января 1933. Цит. по: ”Не всё ли равно, где быть немым...” Письма М. А. Булгакова брату Н. А. Булгакову. (Публ. В. Гудковой)// Дружба народов, 1989, № 2, с. 212.

2. Письмо от 7 августа 1930 года. Там же, с. 209.

3. Цит. по: Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом//Русская литература в эмиграции. Сб. статей под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972, с. 21.

4. Там же, с. 17.

5. В числе самых талантливых советских литераторов Мих. Осоргин назвал Булгакова, В. Катаева, Л. Леонова, Пант. Романова, Н. Федина, М. Зощенко и И. Бабеля; Оцуп: ”Талантливых немного: А. Толстой, Булгаков, Зощенко”; В. Ходасевич подтвердил общий вывод с оговоркой: ”Талантливы, но раз-

виваются медленно: Лидин, Булгаков". Любопытен выбор Мих. Цетлиным (Амари) самых ярких произведений последнего времени: "Мне понравились «Дни Турбины» Булгакова, «Кухля» Тынянова". Публицист В. Сперанский особо подчеркнул: "Есть неугасимая искра Божия у М. Булгакова". - Анкеты "Литературной недели//Дни, 23, 30 октября, 13 ноября 1927.

6. В 1931-1932 еженедельник "Иллюстрированная Россия" анонсировал выпуск тома произведений советских сатириков (Зощенко-Шишков-Булгаков) в серии литературных приложений к журналу (т. 23), однако это издание по каким-то причинам не состоялось.

7. Наш мир. Иллюстрированное воскресное приложение к "Рулю" (Берлин), 7 декабря 1924, № 37, сс. 366-367.

8. Сегодня (Рига), 6, 9 августа 1925; Новое Русское Слово (Нью-Йорк), 16-18 сентября 1925.

9. Сегодня, 31 мая, 1-20 июня 1925.

10. Дни (Париж), 22, 25-29 мая, 1, 5, 8 июня 1926.

11. В газете Последние Новости за 1925 г. в рубрике "Советский быт" и без указания авторства перепечатаны: "Целитель" под названием "Лекпом": 11 января. "Гениальная личность" - под названием "Слушали-постановили": 22 января. "Они хотят свою образованность показать..." - без названия: 27 февраля. "Чертовщина" - под названием "Дочь Монтецумы и... свиные котлеты": 27 февраля. "С наступлением темноты" - под названием "В кинематографе: 18 марта. "Праздник с сифилисом" - под названием "На празднике дня работницы": 3 апреля. "Смычкой по черепу" - под тем же названием: 6 июня. "Вода жизни" - под названием "Очищенную привезли": 29 декабря, и это же перепечатано в газете Новое Русское Слово: 23 января 1926. "Летучий голландец" - под названием "Курортные невзгоды": 11 сентября, а под названием "Дневник курортного больного" - в газете Новое Русское Слово: 3 октября 1925.11.

12. Фельетон "Гениальная личность" под названием "Слушали... Постановили" перепечатан в: "Рассвет" (Нью-Йорк), 6 февраля 1928 с. 3.

13. См. автобиографию писателя, написанную в 1924: Сегодня, 28 августа 1927, с. 5.

14. Дни, 6 января 1925, с. 2

15. Последние Новости, 8 октября 1925, с. 3. То же сообщение перепечатано в: Новое Русское Слово, 1 ноября 1925, с. 5. Перепутанное название известного рассказа "Китайская история" – по-видимому, результат ошибки, хотя нельзя исключить и того, что автору заметки было известно иное авторское название этого сочинения.

16. Пильский П. Ирония и фантастика. О Мих. Булгакове, "Роковых яйцах" и "Дьяволиаде"//Мих. Булгаков. Дьяволиада. Рига, 1928б сс. 9-10.

17. Адамович Г. Литературная неделя// Иллюстрированная Россия, 1930, № 26, с. 14.

18. Пильский. Ук. соч., сс. 11-12.

19. Дни, 17 апреля 1926, с. 2.

20. Новый Журнал, 1952, кн. XXX, сс. 301-302 (рец. Вяч. Завалишина).

21. В июне 1930 многими изданиями русского зарубежья было помещено сообщение о письме Булгакова к Сталину и о реакции на него властей. См., например: Новая Заря (Сан-Франциско), 20 июня 1930, с. 2. Источником этой информации, утечка которой была специально ангажирована советскими властями, был писатель Анатолий Каменский, выехавший весной того года из СССР для того, чтобы вновь вернуться в страну в 1935 и вскоре погибнуть в лагере.

22. Милюков Павел. Очерки по истории русской культуры, т. 2, ч. 1, Париж, 1931б с. 426. Биографическая дезинформация была, по-видимому, почерпнута Милюковым из статьи, посвященной Булгакову в "Советской Литературной энциклопедии" (1929, т. 2). В ней утверждалось, что в период сотрудничества с газетой "Накануне" писатель жил в Берлине.

23. Сегодня, 1 августа 1925, с. 6.

24. Сообщение о вывозе пьесы "Дни Турбиных" было озаглавлено "«Белая гвардия» вырвалась из СССР". См.: Сегодня, 26 августа 1927, с. 3.

25. См., например: Дни, 10–11 октября 1927; Новое Русское Слово, 4, 4–15, 22–23 декабря 1927; Иллюстрированная Россия, 1927.

26. Максим Л. "Семья Турбиных (Белая гвардия)"// Сегодня, 3 октября 1927, с. 3.

27. Речь идет о рецензии Г. Адамовича, опубликованной в этом журнале. См.: Литературные беседы// Звено, 1 декабря 1927, № 6, сс. 309–310.

28. Пильский П. Клочки по ветру// Сегодня, 20 января 1928, с. 3.

29. Пильский П. "Белая гвардия" Булгакова и гнев большевиков// Сегодня, 4 ноября 1927, с. 2.

30. Новое Русское Слово, 24 января 1928, с. 1.

31. См.: "Русская мысль" 21 и 28 июня 1921; "Литературное обозрение", 1922, № 5.

32. Яблоновский А. "Продажные, алчные, трусливые..."// Сегодня, 13 ноября 1927, с. 3. Перепечатано в: Новое Русское Слово, 5 декабря 1927, с. 2.

33. А. Ф<едоров>. Белая гвардия// За Свободу!, 11 декабря 1927, с. 3.

34. Р<епортер>. На докладе Святополк–Мирского// Возрождение, 27 марта 1928, с. 4.

35. Осоргин Мих. О прочитанном//Дни, 16 ноября 1927, с. 2.

36. Ос<оргин> Мих. Дни Турбиных// Последние Новости, 20 октября 1927, с. 3. В сокращении и с искажениями перепечатано в: Новое Русское Слово, 20 ноября 1927, с. 6.

37. Айхенвальд Ю. Литературные заметки// Руль, 12 ноября 1927, с. 2–3.

38. Гофман М. Дни Турбиных// Руль, 26 июня 1929, с. 3.

39. В. Л<евитский>. Дни Турбиных// Последние Новости, 25 апреля 1929, с. 3.

40. Осоргин М. Дни Турбиных// Последние Новости, 25 апреля 1929, с. 3.

Марина КАЦЕВА

**ПОСЛЕДНЯЯ ЗЕМНАЯ ДОРОГА
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

(Путевые заметки)

Жизнь распахнулась, но всё же...

Ах, золотые деньки:

Как далеки они, Боже!

Господи, как далеки!

Марина Цветаева.

"Осень в Тарусе", 1909

Весной 1986 года я в очередной раз подала документы на выезд. Думая, что это – мое последнее лето в России, я решила посвятить его Цветаевой. Поэтому трехнедельный отпуск был поделен между Тарусой и Елабугой – началом и концом ее жизни. Теплоходный маршрут предпочла железнодорожному не только потому, что за сорок лет до меня по нему проследовала сама Цветаева. Бесспорно, это придавало определенную окраску, но главным было желание проститься с Мариной Цветаевой и в ее лице – с той Россией, которую я люблю. Никаких иных целей – научных, библиографических, журналистских – у меня не было. Тем более, что последний цветаевский маршрут неоднократно уже прослеживался и был подробно описан цветаеведом. Поэтому никаких открытий на своем пути не ждала, и после трудного перезда из Тарусы в Москву, а затем на Речной вокзал в Химках, даже не

заметила, как вошла на теплоход, как прошел первый вечер... Но одно запомнилось – когда отчаливали, грянул духовой оркестр. И, хотя это была лишь магнитофонная запись, перед глазами вдруг всплыли строчки, на которые я когда-то обратила внимание. Это – запись из дневника дочери Марины Цветаевой, семилетней Али: "1 мая 1919. Мы вышли на улицу и попали на праздник. Мы шли по бульвару. Вдруг мы услышали полковую музыку. Марина сказала мне: «Аля, какая чудная музыка! Эта музыка, где бы я ни была, я ее люблю»".

Только потом, уже подъезжая к Елабуге, я поняла, что именно эта музыка – символ расставаний – и была тем камертоном, по которому настроилась я, а затем "выстроился" весь мой путь...

С первых же минут я стала ощущать неслучайность, словно бы "заданность" последней земной дороги Цветаевой. "Заданность" – слово произнесено, и "вѣстниковой" природе цветаевской натуры оно нечужеродно. Мы знаем, что всё происходящее Марина Цветаева воспринимала как "заданность", или "как всей тьмы знак". Она знала приметы и верила в них. Слова "знать" и "чувствовать" в ее лексиконе стали синонимами. Собственно, весь ее мир и был той "знаковой системой", где главные места отводились *Хозяину* – Создателю запредельного мира, и *Хозяйке* – Смерти, незримо, но властно распоряжавшейся *Судьбой*.

Над подвалами – полы,
Над полами – потолки,
Купола – над потолками,
Облака – над куполами,
Там – про наши дела
Пальцем пишет – Судьба!

...Первая остановка нашего теплохода была ранним утром в городе Угличе. Стоянку объявили на полтора часа. Пассажирам предложили прогуляться, и, сойдя с теплохода, мы сразу же "попали" в руки поджидавшего нас экскурсовода... Вот нам показывают Тронную палату княжеского дворца... Вот – Успенскую "Дивную" церковь... Вот – "Церковь на крови" и палаты царевича Димитрия... Рассказывают о трагедии, когда-то разыгравшейся под этими сводами... Произносят цитаты из Карамзина... Упоминают имя Мусоргского... Много говорят о Пушкине, пересказывая сюжет "Бориса Годунова"... И вдруг я ловлю себя на том, что во мне звучат другие строки, продолжающие известный сюжет:

Димитрий! Марина! В мире

Согласнее нету ваших,

Единой волною вскинутых,

Единой волною смытых

Судеб! Имен!

Над темной твоею люлькой,

Димитрий, над люлькой пышной

Твоею, Марина Мнишек,

Стояла одна и та же

Двусмысленная звезда.

Она же над вашим ложем,

Она же над вашим троном –

Как вкопанная – стояла

Без малого – целый год...

Но Цветаеву не процитировали, даже не вспомнили. А ведь Марина Мнишек – это одна из ее любимых героинь, с ней она чувствовала мистическую связь – по польскому своему происхождению и общности имен:

Марина!
Тебя пою...
Славное имя твое
Славно ношу...

Но, кроме биографической связи, была еще одна, для Цветаевой важная – Пушкин. Его пристальный психологический интерес к образу Марины Мнишек. Говоря о своем "Борисе", Пушкин писал: "Я уделил ей (Мнишек. – М. К.) только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если Бог продлит мою жизнь". Это был 1829 год. Бог дал ему еще восемь лет. Не знаю, вернулся ли Пушкин к образу Мнишек, но его намерение было осуществлено в искусстве: сначала в музыке – Мусоргским, а потом и в поэзии – Цветаевой. После вышеприведенного стихотворения 1916 года Цветаева написала пьесу "Дмитрий Самозванец" (1919–20 гг., не сохранилась). Затем в 1921 году, читая о Смутном Времени у Карамзина, она продолжает размышлять о своей знаменитой тёзке. В рабочей тетради этого года есть такая запись: "Чего искала Марина Мнишек?.. Власти – несомненно, но – какой? Законной или незаконной? Если первой – она героиня по недоразумению, недостойна своей сказочной судьбы... С грустью думаю, что искала она первой, но если бы я написала ее историю..." Запись на этом обрывается. Видимо, размышления сменились вдохновением. 1921 годом помечен четырехчастный цикл "Марина". Четыре года спустя, Марина Цветаева пишет Дмитрию Шаховскому, редактору журнала "Благонамеренный": "есть поэма в 70 строк о Марине Мнишек (былинная)... но вещь отнюдь не «благонамеренная», даже обратно..." Через четыре дня – ему же: "Посылаю «Марину» – стихи написаны давно, но читателю это безразлично. Вещь, по своему усмотрению, назовите «Димитрий» или «Марина». При такой связанности судеб это – одно".

Марина! Димитрий! С миром,
Мятежники, спите, милые.
Над нежной гробницей ангельской
За вас в соборе Архангельском
Большая свеча горит.

...Проходит одиннадцать лет. 1932 год. Цветаева по обыкновению просматривает свои старые тетради и, видя прерванную запись 21-го года, продолжает ее: "...но если бы я писала ее историю, то написала бы себя, т. е. не авантюристку, не честолюбивую и не любовницу: себя – любящую и себя – мать. А скорее всего: себя – поэта..." Вот как изменило Цветаеву время. В 1934-м, работая над "Повестью о Сонечке", Цветаева еще раз вспомнит Мнишек – Маринин фонтан на Собачьей площадке.

В воспоминаниях о матери А. С. Эфрон говорит: "С основными своими темами Марина не расставалась всю свою творческую жизнь, и они, переходя из одной ипостаси в другую, как бы кустились, давая ей всё новые ответвления от ее ствола и корней". Марина Мнишек была одной из таких основных тем. И, возможно, последняя встреча с ней произошла именно здесь, в Угличе...

Вернувшись на теплоход, я сразу же пошла к капитану:

– Вы не знаете, останавливался ли пароход в Угличе в 1941 году?

– Как же, как же, останавливался, – ответил он. Конечно, стоянка была короче, война гнала. Но она была обязательной, потому что здесь, в Угличе, – первый технический осмотр парохода после ночи.

– А пассажиры в таком случае всегда должны покидать пароход?

– Желательно.

– А пристань всегда была в этом месте?

– Почти, чуть-чуть в стороне, – ответил капитан.

Значит, если Цветаева вместе со всеми сошла здесь с парохода, она неминуемо должна была попасть на территорию монастыря и видеть всё, что видели мы. Только экскурсоводов тогда не было. Но Цветаева в них не нуждалась – этот сюжет она *прожила* сама и, как мы проследили, не один раз. Так что, если, сойдя на пристань, она смогла заставить себя оглядеться вокруг, многое должно было в ней откликнуться, ибо *многое* здесь было переплетено: Мнишек, Самозванец, Карамзин, Годунов и над всеми ними – *Пушкин*... Прощаясь с ними, Цветаева имела право повторить за ним: "Знакомцы давние, плоды мечты моей..." Не раз, мне кажется, эти слова могли вспоминаться ей на ее последнем пути.

* * *

...Долго-долго стояла я на палубе, оглядываясь на суровую красоту древнего монастыря. Когда же он скрылся из виду, опустив глаза на темную воду за бортом, я невольно вздрогнула: Господи! Да ведь это же Волга! Не просто Волга, а та, над которой "ночь", над которой –

... и сон

Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной
Персиянскою – брови черные...

Волга, которую никогда прежде Цветаева не видела, вот сейчас – первый и последний раз. Давно, из памяти детства, пришел к ней народный сказ о Степане Разине:

И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке...

В детской фантазии Цветаевой этот сюжет переплелся с любимой Ундиной ("старинной повестью" Фридриха де Ламот-Фуке в переводе Жуковского), и так, вместе, они жили в цветаевской душе долгие-долгие годы. В 1917 году она пишет свою поэму о Стеньке Разине. Но не забывает она и об Ундине. В 1919-м записывает: "Персияночка Разина и Ундина. Смерть водою. Обоих любили, обеих бросили. Сон Разина (в моих стихах) – сон Рыцаря у Ламот-Фуке и Жуковского. И оба: и Разин, и Рыцарь должны были погибнуть той же смертью: только Персияночка приходит со всем коварством нелюбящей женщины и Персии "за башмачком", а Ундина со всей преданностью любящей женщины в Германии – за поцелуем". В том же 1919-м в ночном вагоне Цветаева встретила *нового* Разина, читала шепотом ему свою поэму и радовалась тому, как слушает... И вот теперь, в 41-м, перед ней Волга ("дно – цветами, что плат ковровый")... и оттуда, со дна, – "лишь одно, забытое, чернобровое"...

Не знаю, почему мне это вдруг вспомнилось. Только ведь и Разин – одна из основных тем цветаевского творчества.

На следующей стоянке, в Костроме, к Разину – по праву родства – присоединился еще один "сквозной" герой Цветаевской биографии – *Вожа-тый* – Пугачев. "Найдите мне Поэта без Пугачева! Без Самозванца (без Корсиканца)! – *внутри*. У поэта на Пугачева может только не хватить сил (средств)", – писала Цветаева в статье "Искусство при свете совести", может быть, имея в виду себя. Ведь Разин живет в ее поэзии, а Пугачев – в прозе. "Не по предмету же чуждости, а именно по примете родности стучится в меня Пугачев", – продолжает Цветаева. И дальше: "А если самое-то мое (откровение сна) и есть – Пугачев"? Может быть,, именно поэтому стихи Цветаевой называют "поистине пуга-

чевским бунтом в нашей поэзии"?! Вот и встретились они: стихи и проза, Разин и Пугачев, здесь, на последнем ее пути, в самом сердце русской вольницы, могучая стихия которой была так близка цветаевскому характеру.

К этому моменту, моей прежней настроенности на спокойный, расслабленный отдых как не бывало. Неожиданные "встречи" растревожили меня, заставили думать, вспоминать, сопоставлять, постепенно сдвигая шоры, многие годы зажимавшие сознание определенным, *только глубоко трагическим видением цветаевского конца*. На меня шел поток случайных совпадений (случайных ли?!). Вспомним строки самой Цветаевой: "Случайность, повторяющаяся каждый раз в жизни человека, – судьба, в мире явлений – закон".

Позднее в книге замечательного актера Сергея Юрского "Кто держит паузу" я нашла объяснение тому, что происходило со мной на теплоходе: "Актер (или режиссер – это едино) может даже не вспомнить о роли (о пьесе), но подсознание само выставляет какие-то неведомые фильтры или щупальцы, набирающие необходимый материал в окружающей жизни... – всё идет в дело. Всё фильтруется и отбирается подсознанием. Невидимый индикатор отмечает: это нужно, это запомнить, не забыть это... это связано с тем, что я ищу... не знаю еще, чем связано, но связано. Начинается пора чудесных «совпадений»... Что за чудеса? Кто это одаривает нас такими совпадениями? Да никто. Это мы сами невольно начинаем жить «прицельно». Мы в непрерывной разведке, в непрерывном напряжении, и «совпадение» – плата за напряжение. Идет отбор и накопление. Сперва невольно, только от знания о предстоящей работе. И когда подсознание переполняется, включается сознание". К сожалению, эти строки попались мне значительно позже.

Тогда же, на теплоходе, во мне отчетливо зазвучали два голоса: теза и антитеза, меж которыми "всё рождало споры и к размышлению влекло".

- Мнишек? Самозванец? И это когда еще не остыл страх погибнуть под фашистскими бомбежками? Разин? Пугачев? До того ли было "одинокому бездомному человеку с трагической и страшной жизнью позади и полной неизвестностью впереди"? (В. Швейцер).

- Да, но ведь так хочется думать, что в эти неопишуемые по концентрации отчаяния предъельбужские дни, такие, казалось бы, уже далекие от земных примет, эти нечаянные встречи могли быть хотя бы секундным проблеском в окружавшей ее тьме?

- Это всё - "досужие вымыслы любителей выписывать сюжетные восьмерки" (М. Белкина).

- Странно, но ведь именно в книге М. Белкиной "Скращение судеб" мы часто видим Цветаеву, неожиданно реагирующую на "предлагаемые обстоятельства". Вот один эпизод. Белкина описывает прогулку с Цветаевой по Воробьевым Горам, вдоль Москвы-реки... Марина Цветаева была мрачна и озабочена. Но случайно оброненное слово - "Крым" - мгновенно преобразило ее. "И небывалая легкость, беззаботность, безоблачность тех лет, и небывалая синь моря, небывало ясное небо...", - пишет Белкина. И заканчивает уже от себя: "Жизнь вдруг так выдаст от щедрот своих - и поверишь: так будет вечно, так надо, так суждено..." И это не в 1914-м и даже не в 1916-м, а осенью 40-го, когда уже всё самое страшное в семье Цветаевой произошло. Но вот случайное упоминание о былом и дорогом - и какой свет! В этом - вся Цветаева, с ее удивительной способностью "жить... в обратном направлении" и "всё помнить эмоционально". Так, если в 40-ом году "жизнь смогла выдать вдруг от

щедрот своих”, то почему же не поверить, что “так суждено”? Почему же жизнь не могла еще раз, последний, порадовать ее, “устраивая” встречу с самыми дорогими ее темами и героями, которых она любила, как любят живых?..

- Но ведь еще не было войны, этой последней страшной беды?!

- Но накануне войны, когда все знали, что не сегодня-завтра она грянет, ведь Цветаева читала стихи “перед лицом стылого, заиндевелого окна, с единственной электрической лампочкой под потолком” (М. Белкина) – и какие стихи:

Но истые пловцы – те, что плывут без цели:
Плывущие, чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: вперед!

- Это не Цветаева! Это ее перевод! Бодлер!

- Но очевидцы пишут, что она читала Бодлера, как свое: “Это были такие ее стихи, такое единое восприятие жизни и земного бытия...” (М. Белкина).

...Так, в пылу внутреннего диалога, я не заметила, как все пассажиры столпились на палубе – мы подплывали к городу Горькому. Сначала я подумала, что люди стремятся сойти на берег, чтобы больше успеть посмотреть за время стоянки теплохода. Но оказалось, все боялись пропустить особое место – знаменитую Стрелку, то место, где Ока впадает в Волгу. Но сейчас это была уже не *моя* встреча, а ее, Цветаевой. Сейчас – это была ее река, река ее детства, всегда жившая в ее памяти и воспетая в стихах. Как хорошо, если успели прийти ей на память ее давние строки:

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, –
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.

Вспомнились ей эти строки или нет, не знаю. Но Хозяин услышал, и – пусть на миг, но "вернул": с этого момента – момента встречи Волги с тарусской Окой – прошлое *неумолимо* заговорило о себе.

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю...

* * *

Елабуга должна была поразить Цветаеву многими приметами родства с Тарусой. Такие же домики-срубы, покосившиеся и чуть подновленные. Огороды и палисадники... На скамейках у ворот рассуждают старики... Тихие деревенские улочки, заросшие травой. Пыльные проезжие дороги... Именно на одной из таких улиц (имени Жданова! – в насмешку, что ли?!) поселилась Цветаева с сыном. Именно по одной из таких дорог повезли ее через десять дней в казенном гробу вверх, в гору, "где служат сосны..." И – опять поразительное сбывание цветаевских предсказаний – название этой, последней ее, улицы – Московская... Помните?

По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку грома грянет, –
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новоприставленной болярыне Марине.

Цветаева называла Тарусу "райским садом" и

считала ее своим духовным истоком. Таруса была – *Детством*, которое она так любила и к которому обращалась благодарной памятью всю жизнь. Так Таруса стала одним из важнейших лейтмотивов ее души. "В Париже и тени моей не останется, – писала она. – Таруса... Коктебель да чешские деревни – вот места моей души. По ним соберете". По ним и собираем.

Цветаева вернулась в Россию 18 июня 1939 года. На самом же деле, ее возвращение началось гораздо раньше. Об этом – вся автобиографическая проза. Иосиф Бродский тонко подметил: "Проза Цветаевой – ретроспективна, ибо, только оглянувшись, и можно перевести дыхание... Это – отступление в доисторию, в детство". И, словно в подтверждение верности этой мысли – цветаевские строки из письма к Вере Муромцевой: "У меня с собой ни одной записи: одна память (о детстве)... Мне нужны факты, я хочу воскресить весь этот мир – чтобы все они не даром жили – и чтобы я не даром жила"! "Сегодня, не имеющее вчера, не имеет завтра" – еще одна формула Цветаевой. Надо ли вспоминать, на скольких ее страницах за последние парижские годы оживает образ Тарусы, которая "всегда лето, всё лето сразу, со всем, что есть в нем красного и сладкого, где, стóит только войти... всё тебе в руку сразу: и клубника, и смородина, и особенно бузина"! Кто может сегодня "взвесить", какова доля Тарусы в исполненном горечи поэтическом вздохе, вырвавшемся из ее парижских строк: "Россия моя, Россия! Зачем так ярко горишь"! (Кстати, само название стихотворения – "Лучина" – сразу настраивает на деревенский лад.)

В 1933 году Цветаева написала строки, которые, знай я их раньше, так бы пригодились мне тогда, на теплоходе. Вот они: "...что бы ни было... вокруг нас – это всегда будет на поверхности, всегда слой –

льда, под которым живая вода, золы – под которой живой огонь... что бывшее сильнее сущего, а наиболее из бывшего *бывшее*: детство сильнее всего. Корни. Тот "ковш душевной глубины (Б. Пастернак), который беру и возьму *эпиграфом* ко всему тому старопименовскому – тарусскому – трехпрудному, что еще изнутри корней выведу на свет" (из письма к В. Н. Муромцевой).

Возвратившись в Россию, Цветаева мечтала поселиться в Тарусе. Предполагают, что один день она там провела. Анастасия Цветаева упоминает об этом: "Ночевала у Паустовского, были планы на следующий день, но наутро, когда он встал, она неожиданно уехала". Других следов этой поездки биографы не находят, но я верю, что Цветаева в Тарусе была. Известно, что сначала она разыскала свою старшую сестру Валерию, жившую тогда в Тарусе, просила о помощи. Когда та отказала, обратилась к Паустовскому. На его реальную помощь Марина Цветаева могла рассчитывать, зная о благосклонном его отношении и учитывая его положение в Союзе Писателей.

– Так почему же уехала?

– Возможно, потому что не узнала свою Тарусу?

Знаменитая дача в Песочной, где прошло детство, еще стояла, но там жили чужие – прислуга и обслуга Дома отдыха им. Куйбышева. Собор превратили в клуб, в доме ее деда Александра Даниловича Мейна разместилась артель "вышивалок", в любимом доме тетушки Тьо – детские ясли, вместо старого кладбища – городской сад с плакатом "Течет вода реки Оки, куда велят большевики"! И нет больше никого из когда-то здесь живших: "ни Вульффов, ни Поленова, ни Борисова-Мусатова, ни милого Бальмонта, ни милого Балтрушайтиса, ни многих-многих единственных"! – как напишет годы спустя А. С. Эфрон. А была только – "Россия масс",

где Цветаевой уже больше не нашлось места... И вот теперь, в 41-ом, перед самым концом, – такая неожиданная – через сотни верст! – "встреча": сначала с Окой, а затем – в Елабуге! – с образом самой Тарусы! И снова хочется верить, что в тех ее жизненных обстоятельствах эта встреча могла оказаться для Цветаевой поистине "Нечаянной Радостью".

Многие описывают Елабугу, как унылое захолустье. Такое же впечатление, кстати, в первый момент производит и Таруса. Но так же, как и в Тарусе, в пейзажах Елабуги была и есть сегодня своя трогательная заповедность. Во всяком случае, если Цветаева, всегда с легкостью переносившаяся в искомое место, умудрялась, живя в Париже "под веками" бродить по своему Трехпрудному, а иногда встречать Россию наяву: в сходном облике дома, в обрывке мелодии, находить Тарусу в ветке сирени или рябины, то я не сомневаюсь, что Елабуга, поворачиваясь знакомыми очертаниями, могла стать воспоминанием о дорогих местах, встречах и именах... Грустным? Светлым? Щемящим?... С кем не случалось, попав впервые в незнакомую обстановку, вдруг ясно ощутить, что это знакомо, что это уже однажды было? Из воспоминаний Ариадны Эфрон мы знаем, что и Цветаева всегда "не менее, чем новым видам, радовалась узнаванию уже бывшего". "А правда – между избой любой – никакой разницы? Те же страхи, сглазы, наговоры, наветы, увозы...", – писала она Вере Муромцевой.

* * *

У всех людей есть глаза, но не все одинаково видят. Казалось бы, такая наглядная вещь, как пароход, описывается плывшими на нем пассажирами каждым по-своему. Трех свидетелей призвала М. Белкина для составления хроники последних

дней Цветаевой, и все они говорят разное. Берта Горелик, хирург-онколог, сообщает, что "пароход был полупассажирский-полутоварный, ехали в общем трюме, кроме нескольких семей, занявших каюты". А Галина Алперс, жена театрального критика, говорит, что "пароход был обычный, пассажирский, все ехали в каютах, а на нижней палубе были свалены вещи". Но это противоречие – поправимо: теплоход "Александр Пирогов", о котором идет речь, стоит в депо речного пароходства "на заслуженном отдыхе", и при наличии необходимого допуска противоречие может быть легко разрешено. Труднее – с восприятием современниками самой Цветаевой. И эту трудность она, словно бы заранее, запрограммировала:

Не увидят на лице:

Всё мне слышно...

Всё мне видно...

Да, по-разному видели окружающие внешность Цветаевой. Одни вспоминают, что у нее были "серые выцветшие глаза", другие это опровергают. Дочь, например: "Глаза мамы были без малейшей серизны, ярко-светло-зеленые, как крыжовник или виноград (цвет их не менялся и не тускнел всю жизнь!)". Это разночтение тоже устранимо – достаточно посмотреть на последние фотографии Цветаевой. По-разному описано и ее поведение. Но известные факты многое оспаривают. У Алперс читаем: "Марина Ивановна держалась замкнуто, отчужденно, ни с кем не общалась". У Татьяны Сикорской: "Цветаевой все казались врагами, это было похоже на манию преследования". Но в то же время они обе вспоминают, как Марина Ивановна, познакомившись на теплоходе с женой немецкого писателя-антифашиста Вилли Бределя, сидя на палубе, долгими часами беседовала с ней *по-немецки(!!!)*, что само по себе было невероятной

смелостью в условиях военного времени. Они подружились. Потом, встретившись с Елизаветой Эмильевной в Чистополе, Цветаева продолжала беседовать с ней по-немецки, не скрываясь, так что Алперс даже испугалась, как бы хозяева не подумали, что они все из Германии. Так у кого же была мания преследования? У боявшейся Алперс или у безоглядной Цветаевой?!

Немало расхождений обнаруживается в хронике последних дней жизни Цветаевой. Одни утверждают, что она приехала в Елабугу уже в состоянии глубокой депрессии и никуда из дому не выходила. А Вадим Сикорский, будущий поэт (тогда ему было 19 лет), вспоминает, что они "много гуляли, и Марина Ивановна много и охотно с ним говорила. Это же подтверждает и хозяйка: "Днем Цветаевой дома не бывало, она уходила на целый день". Куда? М. Белкина считает, что "может быть, она просто бродила в отчаянии, понимая, что в этой дыре ее гибель"? У меня возникают другие вопросы: зачем Цветаева записалась в Елабуге в библиотеку? какую книгу (или книги) взяла?

* * *

Цветаева говорила: "Ведь ничего необычного вокруг не нужно, раз внутри – необычайно. Но что-то всё-таки нужно. И это *что-то* – время и место". Да, цветаевское неповторимое видение выхватывало из мира то, что затем переплавлялось в стихи и прозу. Пришло время, и всё, собранное по крупинкам о Чехии, сложилось в "чешский миф", которым живет сегодняшний читатель Чехии и который навсегда окрашивает Прагу в цветаевские тона. Кто знает, может быть, и "елабужский миф" созрел постепенно в ее записях, которые до нас не дошли? Может быть, как когда-то, работая над своим по-

следним стихотворным циклом, она просила А. Тескову прислать ей ту или иную книгу о Чехии, так и теперь в елабужской библиотеке, она взяла что-то из истории Елабуги? Ведь Елабуга – тоже место старинное, притом – исконно русское. Ее история знала свои взлеты. Достаточно имен художника Ивана Шишкина и прославленной женщины, кавалерист-девицы Надежды Дуровой, судьбы и творчество которых были тесно связаны с Елабугой. Сегодня к ним присоединилось имя Марины Цветаевой: прожив там неполных десять дней, она стала духовным символом города. И хотя стихов о Елабуге Цветаева не написала, "елабужский миф" – всё же есть. Она его создала своею земною и по смертной судьбой.

– А смерть?

– "Смерть – не завершение, а разрыв. Не авторское тире, а цензорские ножницы – в поэму", – ответ Марины Цветаевой.

* * *

Марина Цветаева покончила с собой 31 августа 1941 года, в пору красной рябины. И не зарей, как предсказывала ("Знаю, умру на заре..."), а белым днем ("не решить по заказу..."). Этот день пришелся на воскресенье. А в это время далеко от Елабуги, в цветаевской Москве, произошло еще одно случайное совпадение. Жена Эренбурга Любовь Михайловна рассказывала Ариадне Эфрон, что в этот день, около полудня, с ее руки неожиданно упал серебряный браслет, еще в Берлине подаренный ей Мариной Цветаевой. Сломался пополам в самом крепком месте. И она тогда сказала Эренбургу: "Наверное, что-то плохое случилось с Мариной". Как потом выяснилось, число и даже час совпали с моментом смерти Цветаевой. Так который же это

был час? Неужели опять сбылось – полдень, "Свой час суток и природы... когда солнце в самом зените" (новелла "Живое о живом").

* * *

Первое, что должно было привлечь внимание Цветаевой в Елабуге, – высокая песчаная насыпь над пристанью, которая незаметно перерастает в огромный холм, а он, в свою очередь, заканчивается диковинным башенным сооружением. Это – остатки былой крепости с таинственным названием *Чёртова Городище*. Доподлинно не известно, поднималась ли туда Марина Ивановна. Свидетели, как обычно, приводят противоречивые факты. Я склонна верить, что она там побывала. Почему? Во-первых, потому что любила дальние пешие прогулки; во-вторых, – потому что любила места, окруженные таинственными легендами. Так, когда-то в Тарусе, вопреки запретам взрослых, она бегала в пещеру Улай, где водились змеи и обитали разбойники. Теперь, в Елабуге, она могла бродить вокруг башни, в которой когда-то содержались "тяжкие государственные преступники" – Радищев и Пугачев. И было еще одно. Именно отсюда, с самой высокой точки города, можно было увидеть необъятные дали, холмы, отмели на реке и вдохнуть в себя "Россию в три полотнища...".

Сегодня в этом месте, чуть подальше от башни, стоит скамейка. Молодые художники раскладывают на ней свои краски и кисти, выбирают удобный ракурс и часами рисуют в тишине. Тогда, в сорок первом, там художников не было. Но красота была всегда, и Цветаева могла наконец-то найти там тот самый "сад, где ни души, где ни ноги", – то уединение, которого она жаждала всю жизнь.

Ариадна Сергеевна Эфрон вспоминает, как од-

нажды в Берлине она с матерью и ее подругой пошла гулять в луна-парк, и после аттракционов они "прибрели в тот край парка, в котором ничего не показывали, никуда не зазывали, ни на чем и ни во что не играли, и сели на жесткую травку под соснами, у светлого озерца. Оглядевшись, Марина сказала Людмиле Сергеевне Чириковой: «По-моему, в природе нет отдыха. Вот я думаю: когда буду умирать, у меня будет такое же чувство, как здесь, сейчас, на этом берегу; печали? – торжественности? и весь грохот, и все кружения – позади? – Но ведь это и есть – отдых?»...».

Обманутым пловцам раскрой свои глубины.
Мы жаждем, обзрев под солнцем всё, что есть,
На дно твое нырнуть – Ад или Рай – едино.
В неведомого глубь – чтоб *новое* обрести.

Немало людей сегодня сетуют, что никто не провожал Цветаеву в последний путь и могила ее затерялась. Но здесь кстати вспомнить, что и это было ею завещано: "Всю жизнь я только того и хотела: потеряться, раствориться, влиться, как река в море".

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...

Распасться, не оставив праха
на урну...
Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?

* * *

Не так давно многие с интересом прочитали книгу "Жизнь после смерти". В ней приводятся сви-

детельства нескольких тысяч людей, переживших клиническую смерть. Поражает то, что почти все они испытали перед концом одинаковое ощущение: перед их глазами промелькнула вся жизнь, мгновенно, словно в ускоренной киносъемке, и особенно яркими были кадры, связанные с детством. Последний земной путь Цветаевой чем-то похож на эти описания. С одной только разницей – прошлое воскресало неторопливо, как во сне, словно растягивая все миги прощания. Переживание "конца" (теперь уже не в поэме, а в жизни) было дано Цветаевой способом замедленной съемки, – то, что она называла "преувеличенностью в смертный час".

Известно, что на пароход она вошла, зная, что едет навстречу смерти. Еще на Новый (41-ый) Год она записала: "Гляжу и вижу одно: конец". В июне 1941 она сказала Э. Казакевичу: "Как бы мне нужно было сейчас поменяться местами с Маяковским"! Татьяне Кваниной она в эти же дни писала: "Я не долго буду жить. Знаю". Евгению Сомову она писала: "Я сейчас убита, меня сейчас нет, не знаю, буду ли я когда-нибудь". На пароходе, подойдя к борту, она сказала Татьяне Сикорской: "Вот так – один шаг в сторону, и всё кончено". Так что, это она о себе переводила:

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль – и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей...

* * *

Елабуга?.. Почему же всё-таки Елабуга? Ведь Марине Ивановне было совершенно всё равно, куда ехать. Яковлеву она просила взять ее с собою в Томск, Лидию Бать – в Ташкент, Лидию Поляк – в

Йошкар-Олу ("Возьмите меня в качестве домработницы..."). А вышло – Елабуга. Почему? Не зная, что ответить, мы говорим: "Такова судьба". И ведь действительно *судьба*, ибо дорога в Ташкент или Томск не подарила бы ей встречу с прошлым. Прodelав весь этот путь лично и увидев Елабугу своими глазами, пытаюсь осознать все *случайные* совпадения (о многом я не успеваю здесь сказать), я в какой-то момент начала понимать, что в том, что Цветаева осталась в Елабуге, есть некая высшая предопределенность и особая завершенность всего ее жизненного пути: "Там – про наши дела пальцем пишет – Судьба"!

* * *

Как-то, гуляя с Татьяной Кваниной по Москве, Цветаева сказала ей:

- Хорошо, что я здесь?
- Где?
- В России...

Еще раньше, в Париже, она писала: "Как меня будут любить! Читать – что! Любить – через сто лет"!

Летом 1960 года, после ссылок и лагерей, Анастасия Ивановна Цветаева приехала в Елабугу. Она пыталась найти точное место захоронения сестры. Обошла всё кладбище пядь за пядью. Всё напрасно – никаких следов. И тогда в примерном месте (со слов старожики) она поставила железный кованный крест с надписью на дощечке: "В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева" и даты ее жизни: "1892–1941".

Вскоре это место стало местом паломничества множества людей, потянувшихся сюда со всех концов России. Удивительно, но и это президела Марина Цветаева:

А издали – завижу ли я вас? –
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну.
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет...

Со временем этот крест был заменен скромным надгробием из серого гранита. Памятник стоит на самой высокой точке города, только не Тарусы, как мечтала Цветаева, а Елабуги, оказавшейся столь похожей на Тарусу и близкой ей по духу. И с этого места открывается удивительный вид на реку, только не на Оку, как ей мечталось, а на другую русскую реку – Каму... Я смотрела с этой точки вниз на могучую, бурную реку, а вспоминала трогательную, нежную Оку. Может быть, поэтому именно здесь вспомнились строки из письма Ариадны Эфрон Борису Пастернаку. Она пишет ему из Тарусы, которую выбрала для жительства в память о матери. Август 1957 года: "Дорогой мой Боренька... Я в Тарусе... в той самой Тарусе, где прошло детство и отрочество маленьких Цветаевых, где всё прошло, кроме, вопреки пословице, окской воды... Но в чем же дело? Почему именно река остается неизменной? Почему уже давно не та вода остается той самой рекой... и теперь я смотрю на нее, и благодаря ее неизменности, вижу, осязаю, пью из того источника, который оказался творческим для мамы. Вот это всё она видела впервые и на всю жизнь, здесь родились ее стихи, родились, чтобы не умереть. Вот они, рябина и бузина всей ее жизни, горькие ягоды, яркие ягоды. Вот и деревья, у которых «жесты трагедий», и река – жизнь, Лёта и всё равно жизнь...

И всё же я до многого дожила – спасибо судьбе, Богу и людям... Ах, Боренька, всё-то мы мелочны! Ведь важно, чтобы *написано* было, ведь именно в

этом чудо, а мы еще хотим и издания написанного, т. е. чуда в кубе!.. но ведь гораздо важнее, что написанное тобой и мамой доживет до поколений, которых мы сейчас и угадать-то не можем, и с ними вы будете «на ты». Дорогой ценой заставляет жизнь сегодня платить за право жить в завтра, жить во всегда”...

* * *

...Минуло полвека, а странные совпадения всё продолжают. Так, недавно было начавшуюся тяжбу о перезахоронении останков Цветаевой в Москве, Марина Ивановна сама “пресекла” – пода-ла знак: прямо у ее условной могилы вспыхнуло дерево “ржавой” рябины. Ее тяжелые гроздья склоняются за кладбищенскую ограду. Они видны издалека и, как маяк, указывают идущим точную дорогу к Цветаевой... Ее могила всегда усыпана цветами – в любое время года. Астры, хризантемы, георгины, гроздья рябины...

* * *

Каждый волен трактовать одни и те же факты по-разному. Так, проезжая цветаевской дорогой к месту ее последнего пристанища, одни ощущают только трагедию – личности, поколения, страны; другие вспоминают череду губительных событий времени; третьи ищут факты, уточняют даты, чтоб писать биографию. Для меня же этот маршрут обернулся неожиданной возможностью еще раз окунуться в мир ее творчества, воображения, духовности. Остается только повторить за Цветаевой: “И даже если я ошибаюсь, я не боюсь: мною движет любовь”.

Роман РЕДЛИХ

ИЗ ИСТОРИИ НЕДАВНЕГО БЕЗУМИЯ

*(Краткий обзор борьбы вокруг
восточной политики гитлеровской Германии)**

1. ДВА ВЗГЛЯДА НА "ОСТЛЯНД"

Гитлер готовился к походу в бескрайний "Остлянд", как Александр Македонский к походу в Индию. Он верил в Завоевание России, а после этого рассчитывал сделать российскую территорию тем, "чем были для Англии ее колонии".

Как именно это произойдет, его мало заботило. Бесспорно, он был фантастом, но он был одновременно и практиком и не очень любил заглядывать слишком далеко вперед. Лишь в конце апреля 1941 года он призвал партийного теоретика Розенберга и, назначив его "Министром оккупированных земель на Востоке", поручил ему разработать формы германского господства над Россией.

План Розенберга

И Розенберг создал план. Он наметил разделить завоеванные в России земли на пять крупных областей:

* Статья написана к 20-летию начала войны 1941-1945 гг. и была напечатана в журнале "Наши дни" №5 (25), 1961. Тема статьи остается актуальной для России и сегодня, через полвека после окончания войны. Редакция позволила себе лишь снять терминологию на немецком языке. - Ред.

1) На севере "Остлянд", состоящий из Литвы, Белоруссии, Латвии и Эстонии, с примыкающими к ним на севере частями Великороссии, так, чтобы Смоленск и Новгород оказались в его границах, простирающихся до самого Ленинграда.

2) На юге Украина, с включением в нее Галиции на Западе, Крыма на юге и ряда земель на востоке, с таким расчетом, чтобы немцы Поволжья оказались на украинской территории.

3) На юго-востоке Кавказ, граничащий с Украиной так, чтобы Великороссия была полностью отрезана не только от Черного, но и от Каспийского моря.

4) Далее Туркестан, охватывающий всю Среднюю Азию и выходящий к низовьям Волги и, наконец,

5) собственно Россия, восточная граница которой, как на первом докладе Розенберга 9 мая 1941 года, так и потом, оставалась неопределенной и базировалась на представлении, что гитлеровская оккупация остановится где-то за Волгой.

Розенберг знал Россию, и его мышление, совершенно очевидно, исходило из страха перед ней и стремилось использовать в борьбе с ней сепаратистские силы. Это выразилось в той дифференциации, которую он намеревался произвести в намеченных им областях, получивших название "имперских комиссариатов". Лежащий на северо-западе "Остлянд", Розенберг предполагал присоединить к Райху, для чего намечалось переселение значительных масс населения (главным образом интеллигенции) на восток, в "райхскомиссариат Руслянд", а на их место поселение людей германской крови – норвежцев, фламандцев, датчан и, в первую очередь, немцев.

Провести одновременно германизацию других земель Розенберг считал невозможным. Это дик-

товало ему опору на местные сепаратизмы как на Украине, которую он хотел с этой целью воссоединить с Галицией, так и на Кавказе и в Средней Азии.

Розенберг, очевидно, считался с тем, что немецкая оккупация будет временной и хотел только оттеснить русских как можно дальше на восток, а для Германии приобрести свободные земли на северо-западе и вассальные государства — на юге.

Он представил фюреру достаточно фантастический план. Но даже в этом, казалось бы, предельном виде план этот не был принят.

Концепция Гитлера

Тогда же, 9 мая 1941, Гитлер заявил Розенбергу, что он 1) не верит в силы сепаратистов и не желает никакой поддержки с их стороны и 2) что он заинтересован пока лишь в немедленном замирении и эксплуатации оккупированных земель и поэтому высшая полицейская власть по всей оккупационной территории будет осуществляться не Восточным министерством Розенберга, а службой безопасности во главе с Гиммлером, а хозяйственная эксплуатация — верховным уполномоченным по четырехлетнему хозяйственному плану Герингом. Непосредственно с этими двумя организациями, причем подчиняясь им, должны работать розенберговские "райхскомиссары" Лозе на территории "Остлянд", Эрих Кох — на Украине, а впоследствии и Кубэ — в Белоруссии. Это решение лишило оккупацию всякого политического смысла, а министерство Розенберга с самого начала свело к роли некоей теоретической надстройки.

Столкновение с реальностью

С такой политической подготовкой Германия вступила в войну. Русские же, включая и бойцов

Советской армии, наивно воображали, что к ним идет народ Шиллера и Гете, тем более, что в миллиардах листовок немецкая пропаганда определенно утверждала: "Мы боремся не против русского народа, а только против большевизма!"

В мемуарной литературе, описывающей эти первые недели войны, хранится множество потрясающих свидетельств происходившей конфузии. Выпишем только один пример – из книги А. Казанцева "Третья сила" (Изд. "Посев", 1952).

"...Вскоре после приезда в Берлин, в русской эмигрантской семье я встретился с профессором-ленинградцем, в начале войны перешедшим со своей семьей – жена и два сына – на сторону немцев. Ему под каким-то благовидным предлогом удалось выбраться из Ленинграда и в селе около Пскова дожидаться прихода немецких частей. Его рассказ, одно из первых впечатлений о той стороне, запомнился мне почти дословно:

«...Мы, ленинградцы, народ особый. Наш город, в пределах советских возможностей, считался, знаете ли, этаким негласной оппозицией. Москва – она ведь у нас партийная. Всё время причесывается партийным гребешком. И писатели, и художники, и артисты, и профессора жили и работали там обласканные. Ну, а необласканные работали больше в Ленинграде. Так вот там, в семейном кругу, или уже в кругу совсем близких друзей и знакомых, мы частенько говорили, что спасет нас только война и что воевать с советской властью будет, конечно, только Германия... 22 июня мы и встретили как наше освобождение... Скоро прилетели и первые немецкие самолеты. Весь Ленинград, как снегом, засыпали листовками. С большим риском, помню, охотились мы за ними. Ловили из открытых окон, лазили даже по крышам – вот она, весточка долгожданная из потустороннего мира, из культурной, гуманной Европы... Достали, читаем и сначала глазам не верим. Сверху крупно написано – «Переходите к нам» и изображен красноармеец с поднятыми руками. Дальше опять картинка. Опять красноармеец, на этот раз с кружкой, вероятно, пива и надпись – «Есть что выпить». И, наконец, еще картинка – опять красноармеец, неуклюже держащий в растопыренных пальцах сигарету. Надпись еще выразительнее – «Курить разрешается» – три восклицательных знака... Прочли мы это и, помню, долго смеялись над грубостью

советской пропаганды. Ну, Боже мой, совершенно же ясно, самолеты были советские, с накрашенными немецкими крестами на крыльях. Дескать, вот, полюбуйте на ваших освободителей, чем соблазняют они нас – кружкой пива и папиросой... Дня через два прилетели снова. Разбросали те же листовки, но уже попеременно с бомбами. Поверите – нам стало страшно, страшно и одиноко. Страшнее, чем от бомб, которые рвались в наших жилых квартирах. Неужели двадцать лет веры были самообманом?

Другой рассказ из тех же первых встреч...

Красный командир, попавший в окружение под Киевом, вспоминает о первых днях плена:

«Вы знаете, таких антисоветских настроений в нашей командирской среде, как в первые дни плена, я не видел, да и боюсь, что больше и не увижу. А на солдат – у нас ополченцы больше были, старичье нестроевое – так просто смотреть противно было: с какой влюбленностью они смотрели на каждого проходившего немецкого солдата. Стоим мы в лагере. 60 тысяч человек. Дождь льет, укрыться негде. А они, старики наши, слышим, в группах у костров разговаривают: «А что же, немец-то ждал, что ли, нас, чтобы теплые хоромы приготовить? У него, брат, всё аккуратно, рассчитанно, – не ждал, вот и не приготовил...» Нужно вам сказать, что не кормили нас в этот день совсем. У наших стариков и этому нашлось объяснение – «только ему и заботы, немцу-то, чтобы нам брюхо набить. Подождем, браток, потерпим...» Когда ни крошки не оказалось и на следующий день, они и тут нашлись – «немец у нас товарищество воспитывает. Знает, что кое у кого сухари остались или там кусок хлеба. Вот и хочет, чтобы не зверьем друг на друга смотрели, как при большевиках, а поделились по-братски...» Когда мимо нас пробежал ефрейтор-немец с палкой в руке в погоне за провинившимся в чем-то пленным, комментарии были такие: «это, брат, тебе не большевики. Они, немцы-то, научат нас порядку. Сурьезный народ...» И поверите, так продолжалось четырнадцать дней, то есть я хочу сказать, что не было ни крыши над головой, ни кусочка хлеба. К этому времени из нашего лагеря уже по 200–300 человек увозили в братскую могилу. Но даже и тогда люди пытались находить этому какое-то объяснение и оправдание. Через месяц от нашего лагеря осталось спасшихся несколько тысяч полутрупов...»

Перелистываю брошюру, изданную в ноябре 1941 года. Начинаящий писатель–ленинградец, переведший с собой к немцам восемнадцать человек бойцов, описывает ту же киевскую эпопею:

«...Бой затих, Наконец, к нам подошли немецкие солдаты. Боже, до чего это красивые, элегантные и обаятельные люди! Закуривают свои душистые сигаретки, угощают и нас. Я беру одну и оставляю на память об этом дне – дне моего второго рождения».

“Второе рождение” не состоялось, и перебежчик, написавший в 1941 году эти строки, если остался жив, пожалуй, ушел в партизаны.

В окружении Гитлера развал Красной армии представлялся, очевидно, как результат немецкого военного превосходства, а восторги населения – как готовность славянских рабов служить своим природным господам – германцам.

В практике же оккупации началась беспощадная разноголосица. Ибо многим немецким командирам на местах скоро стало ясно, что всё это не так, что русские идут против Сталина не из любви к фюреру, а потому что думают, что место советской России непременно займет другая Россия, неизвестно еще какая, но безусловно Россия, а не “оккупированные области на востоке”, что латыши и эстонцы рассчитывают на восстановление своих республик, а вокруг министерства Розенберга, питаясь надеждами, кипят сепаратистские круги. Советская пропаганда заговорила тогда о том, что Гитлер везет в своем обозе царя и помещиков; сам Сталин явно считался с тем, что немцы, хотя бы из пропагандных соображений, создадут какое-нибудь марионеточное русское правительство, и очень боялся этого.

Управление занятой территорией вовсе не сразу попало в руки Розенберга. Восточное Министерство должно было принимать каждый свой райхскомиссариат лишь после того, как он завоеван. Двухсоткилометровая полоса за фронтом оставалась в руках военного управления. Только Гиммлер и Геринг начали хозяйничать сразу; первый, производя “замирение” с физическим уничтожением всех

”жидов и комиссаров”, второй, вывозя в Германию всё, что можно было вывезти.

Когда осенью 1941 года фронт остановился под Москвой и Ленинградом, всем уже всё было ясно. Миллионы советских солдат умирали в плену, ни о какой небольшевистской России не было и речи. Восстановление независимости прибалтийских государств под райхскомиссариатом Лозе выглядело в высшей степени проблематично, и только украинцы и кавказцы еще хлопотали вокруг Розенберга, не смущаясь тем, что в Ровно уже сидел Эрих Кох, считавший украинцев отнюдь не потомками готов, а самыми разностоящими славянами, которыми следует управлять с помощью водки, махорки и нагайки. Розенберг протестовал против назначения Коха. Отношения между ними были враждебные. Так начала проводиться в жизнь концепция Гитлера, — превращение оккупированных областей в германскую колонию.

II. БОРЬБА ЗА ДРУГУЮ КОНЦЕПЦИЮ

Русский читатель, мало знакомый со структурой и техникой власти в гитлеровской Германии, порой склонен представлять ее себе по образцу большевистской. Это неверно, прежде всего, потому, что Национал-Социалистическая Рабочая партия Германии играла в ней совершенно иную роль, чем ВКП(б) в Советском Союзе. Гитлеровская диктатура опиралась прежде всего на полицию и государственный аппарат. Партия же НСРП, расчисленная на множество вспомогательных формирований (SS, SF, NSKK, NSV, HJ, BDM, AF), была, не в пример коммунистическим партиям, организацией массовой. Ничего, аналогичного коммунистическим Политбюро, в ней не было. Важнейшие решения принимались лично вождем, совещавшимся только с теми, кто должен был проводить их в жизнь. Сравнение

неверно еще и потому, что идеология гитлеризма, в сравнении с ленинизмом, всегда оставалась расплывчатой. Понятия расы и тысячелетнего царства сами по себе, правда, ничуть не туманнее понятий класса и коммунистического общества, но обращение с ними у Гитлера было иным, чем у Сталина. Гитлер не был догматиком и не стремился стандартизировать мысль. Гитлер презирал кабинетных ученых и еще до прихода к власти уступил место партийного идеолога Альфреду Розенбергу, чья книга "Миф XX века", наряду с его собственной – "Моя борьба" – считалась венцом партийной премудрости, несмотря на то, что сам Гитлер говорил, что "не может читать эту ерунду".

Положение с идеологией в гитлеровской Германии, никак не сравнимо с положением в сталинском СССР. В Третьем Рейхе даже в самой партии под покровом внешнего единообразия до самого конца существовали глубоко различные направления и течения.

При таком положении вещей борьба за выработку конструктивной политики в русском вопросе была не только возможна, но, казалось, могла привести к успеху, аргументируя не доктриной, а практическими нуждами войны. Нежелание фюрера связывать себе руки заранее составленными планами было основано на уверенности в молниеносной военной победе. Эта победа не состоялась. Следовательно, надо было искать новые средства борьбы, в том числе и политические.

Предложение генералов

О необходимости конструктивной политики в отношении России и русских заговорили и русские, и немцы, как только увидели, что ее нет, а она возможна.

Уже осенью 1941 года Смоленское городское

управление (как, впрочем, и многие другие) подало командовавшему тогда Центральной Группой войск фельдмаршалу Боку проект создания Российского правительства, который фон Бок, не задумываясь и, очевидно, веря в реальность этого проекта, немедленно переслал в Ставку фюрера. Ответа не последовало.

Тогда, уже по прямому поручению командующего тылом Центральной Группы войск генерала фон Шенкендорфа, по долгу службы хорошо информированного о настроениях населения и возможностях работы с ним, капитан Штрик-Штрикфельдт составил другой проект, предусматривавший создание не только национального российского правительства, но и двухсоттысячной освободительной армии, готовой бороться с большевиками на стороне Германии. Главнокомандующий фельдмаршал фон Браухич поставил на проекте свою пометку: "Считаю решающим для исхода войны".

В середине ноября 1941 года этот проект вернулся из Ставки фюрера с короткой запиской Кейтеля: "Политические вопросы принципиально лежат вне ведения командования группой войск. Кроме того, выраженные здесь соображения неприемлемы для Фюрера".

В декабре фельдмаршалы фон Браухич и фон Бок были оба сняты со своих постов. Мнение генералов было отброшено Гитлером еще резче, чем мнение Розенберга. Судьба русского освобождения, а вместе с ней и судьба войны, была решена.

Подполковники действуют

Ни среднее немецкое офицерство, ни солдаты, ни население оккупированных областей, однако, ничего не знали об этом и могли только догадываться. Борьба за пересмотр восточной политики фюрера приняла характер широкого, но трудно-

обозримого движения, в котором, порой вовсе не сознавая этого, сотрудничали не только бесчисленные немцы и русские, но даже и различные сепаратисты, причем немцы стремились к победе Германии, русские – к созданию свободной России, сепаратисты же мечтали о великой Украине, великой Чечне и самостоятельной Грузии.

Начиная с зимы 1941/42 гг. не было, вероятно, ни одного оккупированного города, в котором не писались бы меморандумы и доклады, свидетельствующие о тревоге, терзавшей каждого русского антибольшевика, и требовавшие немедленного включения русских в борьбу против большевизма. Эти меморандумы и доклады писались и русскими, и сепаратистами – и те, и другие желали бороться на стороне Германии, но задавали вопрос: что будет дальше с нашей страной? Некоторые даже, с отчаянием предвидя победоносное возвращение большевиков, заканчивали словами, аналогичными словам меморандума, составленного в Пскове и подписанного несколькими десятками человек: "Если германское правительство не найдет возможным удовлетворить просьбу русских людей и провести предлагаемые мероприятия (т. е. отказаться от введомой немцами восточной политики – *P. P.*), то мы просим – обманите нас, обманите русский народ, чтобы только он мог покончить с большевизмом"!

Поток этих меморандумов и докладов, в подавляющем большинстве застревавших в ближайшей немецкой комендатуре, продолжался еще добрых два года, но достиг только одного: он снабдил аргументами немцев (в том числе и национал-социалистов), в свою очередь писавших доклады и требовавших пересмотра восточной политики.

Добровольцы

Население, между тем, постепенно дифференцировалось. Большая часть заняла выжидательную позицию, активное же меньшинство – либо связывалось с партизанами, либо, наоборот ("хоть с чёртом, лишь бы против Сталина!"), шло на немецкую службу. В немецких частях появлялось всё больше и больше добровольцев. Фельдфебели скрывали их от капитанов, капитаны – от полковников, полковники – от генералов, генералы – от Ставки фюрера, не желавшего "иметь с русскими ничего общего". Но число их росло и совершенно скрыть их существование становилось всё труднее.

Их немцы называли "Hiwi" – "Hilfwillige" ("добровольные помощники"). Название звучало официально. Официальность звучания заменяла на первых порах официальное признание, которое вскоре и последовало в форме приказа №2-15 фюрера от 13 января 1942 года. Этим приказом, во-первых, запрещалось формировать из добровольцев части крупней батальона, а, во-вторых, запрещалось ставить их под командование "туземных" офицеров.

Дело и здесь остановилось, и только через год, несмотря на неизменное нежелание Гитлера даже разговаривать о каком-либо изменении принятой политической концепции, полковнику Генерального штаба графу Штауфенбергу удалось добиться разрешения учредить специальную инспекцию по делам добровольцев. Во главе ее с пышным званием "генерала восточных войск" был поставлен мало к чему способный генерал-лейтенант Гельмиг (впоследствии смененный генералом Кестрингом) и с подполковником фон Фрейтаг-Лоринггофеном в качестве начальника штаба (тоже уже, в мае 1943 года, смененного энергичным лейтенантом Герре). Центральная регистрация добровольцев, произве-

денная этой инспекцией, дала цифру в 800 тыс. человек, уже частично сведенных в отдельные батальоны. Немцы сами были потрясены. Согласись только Гитлер, и российская освободительная армия, о которой писало командование Центральной Группы войск и мечтали сами добровольцы, могла бы быть создана очень быстро.

При учреждении Инспекции было, однако, совершенно ясно оговорено, что ей предписывается нести лишь консультативную функцию, формировать же части из добровольцев, крупнее батальна, ей было по-прежнему запрещено, согласно уже упомянутому приказу фюрера от 13 января 1942 г.

Появление Власова

С таким же опозданием, к концу того же 1942 года, на стороне немцев появилось имя, ставшее и для многих русских, и для немцев символом русского освободительного движения того времени. Это было имя попавшего в немецкий плен советского генерал-лейтенанта А. А. Власова.

Начальник Отдела пропаганды Главного Командования полковник Мартин, его сотрудники капитан фон Гроте, лейтенант Дюрксен, гражданский служащий Отдела, русский эмигрант и член НТС А. С. Казанцев и прикомандированный к Отделу автор Шенкендорфовского проекта капитан Штрик-Штрикфельдт вступили с Власовым в своего рода "заговор душ". Пользуясь разрешением Ставки распространять по ту сторону фронта любой пропагандный материал, они создали так называемый "Смоленский Манифест" – "Воззвание Русского Комитета гор. Смоленска", официально для того, чтобы распространять его как листовку в рядах Красной армии, на самом же деле, пользуясь попустительством Шенкендорфа, достаточно широко распространили его и в оккупированных областях.

Они сознательно строили фикцию, с тем, чтобы, пользуясь ее результатом, превратить после в действительность. Успех был огромный. В населении и среди добровольцев поднялась волна новых надежд, а на фронте появились перебежчики из Красной армии, желавшие принять участие в борьбе генерала Власова.

Стихийное движение приобрело контуры. Имя Власова зазвучало как некий, пусть символический, центр. Инспекция "Генерала Восточных Войск" имела на своем учете кадры, а Пропандный отдел - потенциального главнокомандующего освободительной армией и желанного русским антибольшевикам вождя российского освободительного движения.

Шенкендорф и офицеры Отдела пропаганды пошли еще дальше. Они решились на собственный страх и риск попытаться превратить Смоленский Комитет из фикции в действительность. С этой целью они организовали в феврале-марте 1943 года поездку Власова по тылу Центральной Группы войск. В результате этой поездки Власовым был написан доклад, отражавший мысли всех тех, кто добивался перемены немецкой политики. Сложившаяся обстановка описана в нем с предельной ясностью. За неимением оригинального русского текста, перевожу его обратно с немецкого:

"Русский народ всегда отличался любовью к Родине. Двадцать пять лет большевики стремились уничтожить в нем это качество. В борьбе за него русский народ понес большие духовные и физические потери как в своем образованном слое, так и в среде рабочих и крестьян.

Поэтому в начале войны основная масса населения приветствовала немецкие войска. Народ надеялся с помощью этих войск избавиться от гнета большевистского управления и получить лучшую жизнь.

С тех пор прошло скоро два года. Настроение населения в результате ряда обстоятельств с тех пор изменилось и со дня на день продолжает меняться к худшему.

Масса русского населения - особенно образованная его часть - рассматривает настоящую войну как завоевательный поход, в результате которого завоеванные русские земли будут присоединены к Германии, Россия прекратит свое государственное существование, а русские будут превращены в белых рабов. Немецкая пропаганда не противопоставляет этим утверждениям никакой конструктивной программы. Она говорит только о темных сторонах большевистского режима. Но одной только ненавистью к большевизму сейчас уже нельзя мобилизовать русский народ. Население хочет знать: за что, за какую новую Россию оно должно бороться и проливать свою кровь.

Сталин же пытается, между тем, путем пропаганды и уступок, как то: путем открытия церквей, отказом от политкомиссаров в Красной армии, обещанием амнистии для военнопленных - показать народу, что большевистский режим меняется к лучшему. В населении распространяется мнение, что большевистское руководство, несмотря на все тяготы, которые оно принесло русскому народу, защищает в настоящее время Родину от немецких завоевателей и меняется к лучшему.

Общественно-сознательные элементы еще не верят этой пропаганде, но она уже набирает силу. К этому ведут следующие обстоятельства.

Русского самоуправления не существует, так как русские местные органы власти не имеют никаких полномочий и полностью зависят от прикомандированных к ним немецких переводчиков, которые часто не желают России ничего хорошего. Местные органы власти не обладают ни авторитетом, ни уверенностью в себе, так как ни полицейские, ни хозяйственные органы им не подчиняются. Лучшие представители интеллигенции не стремятся поэтому к занятию административных должностей; они потеряли к немцам доверие и не хотят работать во вред собственному народу. Местные полицейские силы включают в свои ряды авантюристов, сталинских агентов и неустойчивый элемент. Эти люди проявляют в отношении немецких управительных органов излишнее рвение и подхалимство, в населении же вызывают ненависть и недоверие к немцам. Немецкие же коменданты, не знающие русского народа, не понимающие его языка и душевного склада, нередко проявляют доверие именно к этим людям.

Особенно вредное влияние на настроение населения оказывает мобилизация на работу в Германию. Местные органы полиции хватают людей нередко ночью в постели или во время киносеанса и ведут под конвоем на транспорт. Им отказывают в разрешении попрощаться с родными; без смены

белья и одежды, порой босиком, их запирают в вагоны. Всё это вызывает ненависть, страх, слезы, уход к партизанам и даже самоубийства. Так уничтожается неплохая идея. Из Германии возвращаются только больные. Ни один здоровый рабочий еще ни разу не мог посетить родные места. Население слышит только, что все они должны носить нашивку "ОСТ". Эта нашивка расшифровывается как "Оскорбленный Советский Труженик". К этому надо добавить наступление Красной армии этой зимой (Власов имеет в виду Сталинградскую операцию — Р. Р.). Партизаны широко распространяют известия о советских победах. Уверенность в окончательной победе Германии исчезает. Политическая же практика расшатывает самую веру в возможность сотрудничества немецкого и русского народов. Всё это привело к тому, что отношение населения к Германии резко изменилось.

Наступил критический момент, особенно для интеллигенции. Необходимо в корне переменить политику в отношении русского народа и дать ему возможность поверить в сотрудничество народов Европы. Население с нетерпением ждет декларации по этому вопросу вождя германского народа Адольфа Гитлера. Население, особенно крестьянство, ожидает полноценного русского управления на местах и окончательного решения земельного вопроса. Крестьянин еще надеется. Он ненавидит колхозы, превратившие его в раба. Он хочет иметь собственный земельный надел и работать на нем. Но он видит, что местные органы полиции уже не в состоянии гарантировать ему безопасность. Он видит, что партизанское движение растет. И, наконец, он видит, как полицейские и другие чиновники вывозят свои семьи в города под защиту немецких войск. У крестьянина создается впечатление, что положение перестает быть устойчивым, и он начинает бояться за свое будущее, что заставляет его искать контакты с партизанами. В настоящее время еще идет борьба за симпатии населения. Сталин делает всё возможное, чтобы завоевать эти симпатии. Он рассчитывает добиться этого путем обмана; другая сторона может идти путем правды. Я убежден, что германское правительство и германское командование способны правильно оценить сложившееся положение вещей и произведут изменение своей восточной политики. Я осмелился заявить населению Смоленска, Могилева, Бобруйска и других городов, что в этом направлении много делается и кое-что уже достигнуто. Я убежден, что еще не поздно. Теперь или никогда! Победит тот, кто будет иметь население на своей стороне.

Русские добровольцы в германской армии это — почти без исключения бывшие красноармейцы.

Что им не хватает идеи, я вижу в каждом солдате и

офицере. Честные и волевые люди в этой среде еще ждут и надеются, что это только начало и что имеющиеся подразделения составят основу российской освободительной армии во главе с российским командованием и российским правительством. Эти люди верят в идею Российского Комитета. Но более слабые уже колеблются. Продвижение Красной армии и здесь расшатывает веру в победу Германии. Мнение, что большевистский режим становится лучше, проникает и сюда.

Мое посещение укрепило среди добровольцев веру в возможность сосуществовать с немецким народом и вести вместе с ним борьбу с большевизмом. Я говорил как с офицерами, так и с солдатами. Я убежден, что, если довести до каждого подразделения идеи Российского Комитета, они справятся с любой поставленной им задачей.

При существующем же положении вещей от этих, лишенных всякой идеи, подразделений ни в коем случае нельзя ждать доверия.

Огромная масса честных офицеров и солдат в лагерях военнопленных, как и масса наиболее порядочных элементов населения, стоит еще в стороне, ожидая декларации вождя германского народа Адольфа Гитлера, чтобы принять решение.

Сейчас можно еще двинуть их на борьбу; но скоро будет уже поздно".

Вскоре за этим докладом Власов был приглашен в аналогичную поездку по северной части России командующим Северной Группой войск фельдмаршалом Кюхлером. Подполковники шли путем совершившихся фактов. Движение несло их. Создать российское правительство и армию на российской земле, казалось, было легко. Сталинград был сдан, и хоть и было "без пяти минут двенадцать", но, казалось, положение не только могло, а и должно было измениться.

Приказ Кейтеля

Боялись ли в непосредственном окружении Гитлера, что российское освободительное движение, по самой природе своей национальное и антитоталитарное, может быть для него опаснее, чем большевизм, или там действовали, лишь подхалимски по-

корствуя упрямству фюрера, трудно судить. Но как только в Ставке стало известно о Власове и его поездках, 17 апреля 1943 г. последовал приказ Кейтеля командующим войсками, в котором стояло:

"Ввиду неправомочных наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в Северную Группу войск, осуществленную без того, чтобы Фюреру и без того, чтобы мне было известно об этом, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при проведении которых может потребоваться лишь имя Власова, но не его личность. В случае нового личного появления Власова, принять шаги к передаче его тайной полиции и обезвредить".

После такого приказа, отданного из Ставки диктатора тоталитарного государства, не останавливающегося перед любой расправой, даже над собственными гражданами, не только Власов, но и связанные с ним немецкие капитаны и подполковники, казалось, должны были бы исчезнуть с лица земли. Но в обстановке сложившейся уже к тому времени круговой поруки, этого не случилось. Власов продолжал жить по-прежнему в выделенном для него доме в Берлине, а дом этот стал считаться лагерем. Власов продолжал появляться и в городе, и в пропагандной школе для добровольцев в Дабендорфе под Берлином. Приказ Кейтеля ничего не уничтожил, но приостановил дальнейшее развитие движения.

Розенберг продолжал создавать при своем министерстве безвластные и бесперспективные национальные комитеты ("Аллах над нами, Гитлер с нами!"), но русского комитета не было и не предвиделось. Создание политического центра российского освободительного движения застыло безнадежно. Без пяти минут двенадцать прошло, и политика гитлеровской Германии уверенно вела страну к гибели.

ЭПИЛОГ

Всё остальное – лишь эпилог, над которым можно написать: "Слишком поздно".

Ибо только летом 1944 года, когда получивший к тому времени звание генерал-майора граф Штауфенберг готовился к покушению на Гитлера, круги, до того не проявлявшие к русскому народу ничего, кроме презрения и ненависти, схватились за пересмотр русской политики. Последний раунд борьбы за отказ от грубой колонизации России, а, вернее, за использование русских сил в борьбе с большевизмом, разыгрался в ЭсЭс и связан с именами сначала доктора Артля, а затем д'Алкена и Гиммлера.

Движение в ЭсЭс

Сомнения в правильности гитлеровской политики на востоке появились в ЭсЭс вместе с сомнениями в абсолютной и близкой победе над Сталиным. Но открыто сомневаться было нельзя, и сомнения развивались медленно. Напряжение, существовавшее между армией и ЭсЭс, изолировало их друг от друга. Офицеры, пробовавшие продвинуть Власова, в подавляющем большинстве даже не предполагали, где они могли бы найти союзников. Активные действия начались лишь в июле 1944 года, когда начальником Инспекции по делам добровольцев с Востока при Главной квартире ЭсЭс был назначен названный выше доктор Артль. Эта Инспекция была создана в коренным образом перестроенном Отделе Главной квартиры ЭсЭс. В этом Отделе была создана новая, возглавляемая Артлем секция "Восток" с Украиной, Белоруссией, Кавказом, Латвией, Литвой и Россией. Артль с самого начала включил понятие "Россия" в свою работу, но рассматривал его не совсем по-розенберговски: русские – один из восточных народов, который желательно включить в борьбу на общих условиях. Теоретически перед ним маячило, видимо, уже не

отторжение от российского государства приграничных народов с целью ослабить и изолировать русских, а создание "Новой Европы" под гегемонией Райха. Задачей новой секции была опека добровольцев в частях ЭсЭс. Но этих добровольцев было так же мало, как голландских или датских эсэсовцев, а под инспекцией "генерала восточных войск" Кестринга добровольцев было около 800 тысяч. Их-то ЭсЭс и стремилось заполучить под свою опеку.

Практическая работа в пропаганде показывала совершенно ясно, какой успех мог бы принести союз с российским антикоммунизмом. Д'Алкен имел возможность встречаться и говорить с Гиммлером и... чудо случилось: Гиммлер летом 1944 года неожиданно дал согласие на встречу с Власовым и на разворот российского освободительного движения, на создание Комитета Освобождения Народов России (КОНР) и Российской Освободительной Армии (РОА).

Результаты

История российского движения и российских идей в период Второй мировой войны не входит в тему этой статьи. Мы рассматривали здесь только историю восточной политики Третьего Райха. Переключение Гиммлера, превращение его из врага в покровителя российского освободительного движения было, конечно, событием большой важности. В результате его 14 ноября 1944 года в Праге был выпущен "Манифест Комитета Освобождения Народов России" и началось формирование Российской Освободительной Армии. Но лишь только в начале февраля 1945 года генерал Кестринг официально "передал" первую дивизию генерала Буняченко под командование Власова. Были ли планы Гимлера тем, чего добивались фельдмаршалы Браухич и Кюхлер, генералы Бок, Шенкендорф, Линдеман, полковники Штауфенберг, Гелен, Герре,

капитаны Гроте, Штрик-Штрикфельдт, Дюрксен и бесчисленные другие немцы, желавшие освобожденной от сталинской диктатуры, дружественной Германии России?

На этот вопрос можно ответить только отрицательно. Мы не знаем, что и как говорил Гитлеру Гиммлер, не знаем и того, что он сам думал о том, что делал. Никакой декларации о целях войны с Советским Союзом со стороны Третьего Рейха так и не последовало. На торжественном чтении Власовым в Праге Манифеста КОНРа в качестве представителя Германского правительства выступил лишь один из заместителей министра иностранных дел, эсэсовский генерал Лоренц, выступление которого носило всего лишь характер приветствия: "На пути к достижению указанных в манифесте целей, вы можете быть уверены в поддержке Германского правительства". Ни о каком повороте в германской политике Лоренц не сказал ни слова.

Трудно судить и о том, что было бы, решишь руководство Третьего Рейха на открытый и крутой пересмотр своей восточной политики. Зимой 1944-45 гг. ход событий уже не зависел от воли верховного руководства. И опубликование Манифеста, и формирование РОА происходило под занавес, когда власть уже ускользала из рук руководства, когда Германия была сжата с запада и с востока, когда англо-американская авиация хозяйничала в германском небе, нарушала всякую связь и не давала возможности четкого управления страной. Открытая деятельность Власова началась тогда, когда каждый начинал делать что мог и по-своему, и единая политическая линия просто исчезла. Розенберг еще сидел в своем лишенном всякой территории министерстве и поддерживал сепаратистов. Артль в подчиненной тому же Гиммлеру системе ЭсЭс продолжал свою деятельность, несколько не считаясь с решением Гиммлера поддерживать общероссийскую платформу Власова, а не сепарати-

стские комитеты. Инспекция "Генерала восточных войск" продолжала опекать 800 тысяч добровольцев в то время, как в Мюзингене и Хойберге с трудом формировались две власовские дивизии и запасная бригада общей численностью в 30 тысяч человек.

Крупные соединения даже не национальных (как Туркестанская или Украинская дивизии), а чисто русских частей, как казачий корпус под командованием генерала фон Панвица в составе свыше 70 тыс. человек, группа казачьих полков Доманова (около 20 тыс. человек), эмигрантский корпус генерала Штайфона (порядка 20 тыс. человек), усиленный полк Семенова (12 тыс. человек) лишь предполагалось соединить с дивизиями Власова, но эти части так и не были переданы РОА.

Военное же командование продолжало считать власовскую первую дивизию составной частью не русской, а германской армии, и отдавало ей приказы через своего связного офицера, уже известного нам полковника Герре, минуя Власова и его начальника штаба генерал-майора Ф. И. Трухина.

И именно таким образом, "оттуда, сверху", и вся дивизия была приказом от 2 марта 1945 года отправлена на фронт не в составе других частей РОА, а в распоряжение сначала командующего Группой войск на Висле генерала Гейнрици, а затем маршала Шернера.

В какой мере это происходило по воле Гиммлера? Можно смело ответить, что ни в какой. Гиммлер ни в коем случае не мог желать вмешательства Розенберга в его дела с Власовым. Не мог он и желать передачи первой дивизии РОА генералу Гейнрици или маршалу Шернеру. Гиммлер, несомненно, был врагом славянства и России, и решение искать себе русского союзника было продиктовано ему отчаянием. Отчаяние же пришло, когда власть уже поползла из рук. Гиммлер был достаточно умен, чтобы знать, что эту игру надо вести смело и до конца, что надо отбросить сепаратизм и

дать Власову опереться на подлинные чаяния народа. Но было поздно. Сил для этого уже не было. В Германии уже не было власти, способной обеспечить единую политику. Провести в жизнь систему продуманных мероприятий Гиммлер уже не мог. Разворот русского союзника натолкнулся на сопротивление одних и бессилие других, и не Гимлеру же в самом деле было сломить антирусскую тенденцию, подозрительность Гестапо, теории Розенберга и Артля и потребность в пушечном мясе командующих армиями Гейнрици и Шернера.

Что же касается планов и намерений вождей Русского освободительного движения, то о них можно судить хотя бы по следующему рассказу начальника одного из отделов штаба РОА, близкого друга генерала Трухина. Вот, что он сообщает:

"В начале февраля 1945 года группа высших офицеров Штаба РОА вместе с генералом А. А. Власовым выехала в Мюзинген для приема и инспектирования первой дивизии. Там, в Мюзингене, между мною, Трухиным и Власовым произошел такой разговор. Я высказал предположение, что Германия накануне капитуляции и спросил, что по этому поводу думает Федор Иванович и какова должна быть наша позиция. На этот вопрос отвечал не Трухин, а Андрей Андреевич.

"Наш расчет, - сказал он, - строится на том, что немцы так или иначе вынуждены будут согласиться на объединение всех русских частей под одним командованием. Нам обещали подчинить казаков Краснова, русские части и подразделения, вкрапленные в немецкую армию, и иные формирования. Всего может поначалу собраться где-то на одном участке фронта около трехсот тысяч солдат и офицеров. Это будет сильный военно-политический кулак. С ним придется серьезно считаться, и ни у кого уже не будет сил его разрушить. Тогда мы превратимся в ядро, способное сделать немалую брешь на сталинском фронте. Наша сила не в оружии, а в идее. Перебежчики из Советской армии уверяют, что, если мы встанем против своих, к нам будут переходить целыми подразделениями и частями. Там обстановка рыхлая, как снег весной. Мы же должны стать тем комком, который, покотившись на восток, быстро обрастет перебежчиками и превратится в лавину и сокрушит сталинский режим... Германия нам теперь не опасна".

Власовский Манифест

Восточная политика Германии развалилась вместе с Германией. От трагической эпопеи русского освободительного движения остался созданный в тех условиях изумительный документ: Пражский "Манифест Комитета Освобождения Народов России" с его четырнадцатью пунктами:

"1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян.

Свобода форм трудового землепользования.

Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции права свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний,

печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, не зависимо от того, вел он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в годы войны народного достояния - городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей".

Дух этого документа находится в кричащем противоречии с духом нацистской Германии. Значение же его не может быть преуменьшено, ибо в нем выражена воля народов России не к чему-нибудь, а к их "праву на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность (п. 1) и к "введению действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати" (п. 11). Энтузиазм же, с которым этот Манифест был принят миллионами русских (в РОА поступало ежедневно по несколько тысяч заявлений от желающих вступить добровольцами), свидетельствует о несомненной правильности оценки фельдмаршалом фон Браухичем значения германской политики в русском вопросе: "Halte ich für kriegsentscheidend" ("Считаю решающим для исхода войны").

Владимир СВИРСКИЙ

ОБЫКНОВЕННЫЙ КОММУНИЗМ

(Размышления о причинах смерти А. И. Герцена)*

I

Убив студента Иванова и бросив на произвол судьбы (точнее – на скамью подсудимых) одураченных соучастников, Сергей Геннадиевич Нечаев в конце 1869 года вторично бежал из России.

Примерно через месяц – 21 января 1870 года в Париже после непродолжительной болезни скончался Александр Иванович Герцен. Ему не исполнилось и пятидесяти восьми лет.

На наш взгляд, между этими двумя событиями существует определенная связь.

Какими были отношения Герцена и Нечаева?

Прежде чем ответить на этот вопрос, – краткая справка о Сергее Геннадиевиче Нечаеве. Родился в мещанской семье. Как сам говорил: безрадостное детство, жестокая среда, произвол властей, борьба за выживание. Это и определило его путь: всего себя он отдал делу ниспровержения "поганого мира", его революционный фанатизм – искренний, выстраданный. Но вспомним С. Булгакова:

"...Негодование против зла есть, конечно, высокое, даже святое чувство, без которого не может

* Исторические гипотезы.

обойтись живой человек и общественный деятель, однако, есть тонкая, почти неуловимая и тем не менее реальная грань, перейдя которую это святое чувство превращается в совсем не святое...”*

Нечаев не просто перешел эту грань. Он возродил и внедрил в практику иезуитский принцип “цель оправдывает средства”(в том числе и такие, как ложь, подлог, устранение инакомыслия и инакомыслящих), проповедовал отказ от существующих нравственных норм и моральных принципов.

Весна и лето 1869 г. – первая эмиграция Нечаева и первая пропагандистская кампания (совместно с Бакуниным и Огаревым).

С сентября по конец года Нечаев объединяет в Москве несколько десятков молодых людей в “пятерки” – основу подпольной организации “Народная расправа”. Ее цели и методы изложены им в “Катехизисе революционера”, который даже не очень-то разбиравшийся в средствах Бакунин называл “катехизисом абреков”.

В ноябре того же года Нечаев вместе с несколькими соратниками осуществил убийство члена “Народной расправы” И. И. Иванова, вина которого заключалась в том, что он усомнился в непогрешимости вождя и выступил против деспотических методов руководства.

“Народная расправа” была разгромлена, а Нечаев вновь бежал за границу. Вторая эмиграция продолжалась до осени 1872 г., когда Швейцария выдала его русскому правительству как уголовно-го преступника.

Вернемся к поставленному выше вопросу об отношениях Герцена и создателя “Народной расправы”.

* С. Булгаков, “Два Града”, т. I, М., 1911, с. 103

Писатель не скрывал своей неприязни к Нечаеву. "Редко кто-нибудь был так антипатичен Герцену, как Нечаев, — вспоминает Н. А. Тучкова-Огарева^{*}.

Это была не только личная антипатия. Герцену претило то направление, которое вскоре после его смерти назовут "нечаевщиной". Он один из первых увидел ее опасность и предупредил о ней в своих последних работах, в том числе и в политическом завещании "Письма к старому товарищу".

Первый раз Нечаев появился в Швейцарии весной 1869 года. Обманом, мистификациями, доходящим до фанатизма революционным энтузиазмом ему удалось завоевать симпатии и доверие Бакунина и Огарева и даже подчинить их своему влиянию.

А Герцен не позволил обмануть себя и старался отмежеваться от чуждых ему идей триумvirата Бакунин-Нечаев-Огарев. В письме Тучковой-Огаревой (11 мая 1869 года) Герцен написал о Бакунине: "Он совсем закусил удила, и я привезу его новую статью, — которая наделает страшных бед. Я буду протестовать и снимаю всякую солидарность"^{***}.

Через месяц, посылая сыну одну из бакунинско-нечаевских прокламаций, Герцен с горечью констатирует: "...они еще дальше идут"^{***}.

А в июне делится с дочерью: "Я — как и в Ницце — не согласен с Бак<униным> и петербургско-студенческой (нечаевской. — В. С.) пропагандой и

^{*} Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. ГИХЛ. М., 1959, с. 244

^{**} А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, АН СССР. М., т. XXX, кн. 1, с. 109. Далее ссылки на это издание.

^{***} Там же, с. 129.

тут расхожусь не только с Бак<униным>, но и с Огар<евым>. Огар<ев> стал такой кровожадный – что и Бог упаси. – Пугачают и страшают...”*

Даже шутливый тон не может скрыть серьезности расхождения. Об этом Герцен прямо пишет Огареву в начале июля того же года: “У вас – отцы-триумвиры (Бакуниг, Огарев и Нечаев. – В. С.) воли не может быть, да и у всех террористов не может быть – Бакунин тяготит массой, юной старостью, бестолковой мудростью, Нечаев, как абсент, – крепко бьет в голову. <...> Мне, наконец, и эта государственная деятельность – на уничтожение государства – и это казенно-бюрократическое устройство уничтожения вещей – сдается каким-то *delirium tremens* (белой горячкой)”**.

Неприязнь к Нечаеву была одной из причин отказа Герцена от мысли поселиться на постоянное жительство в Швейцарии. В конце июля 1869 года он пишет дочери: “Если же ехать – куда? В Женеве можно бы жить... Но нельзя себе представить – как удушлив Бакун<ин>, и Огар<ев> совершенно под влиянием... разных юношей. Это составит тяжесть неимоверную и будет раздражать денно и нощно”***.

Среди “разных юношей”, раздражавших Герцена, первое место занимал Нечаев. В издании Департамента полиции, которому в информированности не откажешь, говорится, что Нечаев был для Герцена “отвратительной личностью”.

А Нечаев? Каково было его отношение к писателю-демократу? Думается, что для правильного

* Там же, с. 138.

** Там же, сс. 144–145.

*** Там же с. 153.

ответа на этот вопрос надо обратиться к "Катехизису революционера", потому что симпатии и антипатии его автора должны оцениваться, главным образом, логикой этого всеобъемлющего документа, катехизисным представлением о "целесообразности" того или иного "лица", в нашем конкретном случае – А. И. Герцена.

Обратимся к § 8, которым открывается второй раздел "Катехизиса", озаглавленный "Отношение к товарищам по работе": "Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью его полезности в деле всеразрушительной практической революции"*.

"Таким же революционным делом", каким занимался Нечаев, Герцен себя никак не заявил. Наоборот: всей своей деятельностью, своим талантом философа, писателя, публициста, своим авторитетом, обаянием свой личности, – самым фактом своего существования он был главной помехой в осуществлении нечаевских замыслов: "отравлял" сознание молодежи "демократическими бреднями", отрывал ее от "всеразрушительной практической революции", мешал окончательно подчинить себе Огарева. "Я искренне и истинно не понимаю, что за ослепление и неразумье", – писал Герцен другу, стремясь открыть ему глаза на Нечаева**.

Нечаев знал, что Герцен не согласился подпи-

* "Катехизис революционера". Здесь и далее цит. по кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18.

** Герцен, т. XXX, кн. 1, с. 91.

сать сочиненную Огаревым прокламацию "От стариков молодым друзьям", а другую подписал лишь после того, как Огарев (думается, под прямым внушением Нечаева) "устыдил" его: "...Если мы не поднимем словом дух юношества - это будет просто подло. Неужели ты и тут не дашь подписи?"*

Но главная вина Герцена состояла в том, что он категорически отказывался предоставить в распоряжение Нечаева так называемый "фонд" - бахметевские деньги, чем ставил под удар всю пропагандистскую кампанию, а, следовательно, сознательно тормозил революционный бунт в России.

Знал бы Павел Александрович Бахметев, русский помещик, эмигрировавший в 1857 году из России и передавший Герцену и Огареву 20 тыс. франков для революционной пропаганды, какую медвежью услугу оказывает он русской демократии своим пожертвованием! Вот уж поистине: добрыми намерениями вымощена дорога в ад!

Бахметев исчез, о его судьбе до сих пор ничего не известно. А на "фонд" через двенадцать лет отыскался претендент - Нечаев. Понимая, что его личное обращение к Герцену ни к чему не приведет, он действует с помощью Огарева и Бакунина. Втроем они начали операцию по экспроприации (иначе не назовешь!) бахметевских денег.

Главным ходатаем выступил Огарев. В конце апреля 1869 года он телеграфировал Герцену о необходимости срочной встречи с Нечаевым в Женеве и настаивал, чтобы Герцен тотчас же сообщил по телеграфу о времени встречи.

Герцен догадывался, зачем он так срочно понадобился, чувствовал, что рукой Огарева водят

* Литературное наследство (далее, ЛН), № 41-42, с. 33.

другие. "Мне сдается, что Бак<унин> тормозом тормозит... и всё по телеграфу – быстрота, точность, натиск смелый...", – отвечает он другу 28 апреля*.

Разгадал Герцен и второго участника операции. В том же ироническом тоне он сообщает дочери: "Огар<ев> вдруг мне написал, что какому-то человечку по одному дельцу нужно на секундочку повидаться в каком-нибудь местечке..."**.

"Какой-то человек" – это Нечаев.

А Женева торопила, продолжала "натиск смелый". Не дождавшись ответа (Герцен не стал телеграфировать), Огарев пишет новое письмо – такую смесь мольбы с ультиматумом: "...Чтобы мой внучек с тобой встретился – мне необходимо... Отвечай немедленно, ибо иначе невозможно"***.

"Внучек" – это всё тот же Нечаев.

Герцен был старше Огарева на один год. А мудрее – на целое столетие. Он понимал, что в руках нечаевых эти деньги могут привести к бесполезным жертвам, предвидел возможность их "безумного употребления". Поэтому не соглашался. Огарев, подталкиваемый Нечаевым, настаивал. "Но ведь деньги даны под нашу общую расписку, Александр, – убеждал он, – а я признаю полезным их употребление, как говорят Бакунин и Нечаев"****. Это уже звучало как упрек в непорядочности – Огарев заговорил здесь языком Нечаева. И Герцен, удивительно щепетильный в вопросах чести, согласился на предложенный Тучковой-Огаревой компромисс: предоставить

* Герцен, т. XXX, кн. 1, с. 97.

** Там же, с. 99.

*** ЛН, № 39–40, с. 554.

**** Н. А. Тучкова-Огарева, с. 242.

Огареву право распоряжаться по своему усмотрению половиной "фонда".

Нечаев на время удовлетворился. Но только на время. Борьба за бахметевское наследство убедила его в непримиримости Герцена, в том, что тот никогда не станет его союзником, никогда не подчинится его диктату, а, наоборот, будет всячески препятствовать осуществлению его замыслов.

А еще Нечаев понял, что понят Герценом. Нечаевы такого не прощают. Пример тому – студент Иванов, убитый лишь за то, что посмел усомниться в непогрешимости вождя. Вина Герцена была куда тяжелее. Поэтому по отношению к нему не могло быть и речи о "степени полезности для всеразрушительной практической революции". Степень вредности – вот что следовало определять!

И "Катехизис" – параграф за параграфом – звучит обвинительным актом против Герцена.

По "Катехизису", Герцен – не революционер.

У революционеров не должно быть "ни чувств, ни привязанностей, ни собственности" (§ 1). Герцен имел и первое, и второе, и даже третье.

Революционер должен "разорвать всякую связь... со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира (§ 2). Герцен скорее бы умер, чем выполнил это требование.

Наука, по "Катехизису", не нужна народу. Она только отвлекает его от главного дела – разрушения. Революционер "знает только одну науку – науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает механику, физику, химию, пожалуй, медицину..." (§ 3).

А Герцен? В письмах "К старому товарищу" он писал: "Для нас существует одна власть – власть разума и понимания. Отвергая их, мы становимся расстригами науки и ренегатами цивилизации..." И далее: "Дикие призывы к тому, чтобы закрыть кни-

гу, оставить науку - и идти на какой-то бессмысленный бой разрушения, принадлежат к самой неистовой демагогии и к самой вредной..."*.

В § 4 "Катехизиса" утверждается, что для революционера "нравственно... всё, что способствует торжеству революции". Герцен понимал, какие неограниченные возможности для произвола таит в себе это положение, ясно представлял нечаевых, решающих в последней инстанции о том, что нравственно и что безнравственно, что "способствует торжеству революции" и что не способствует. Одним из первых Герцен понял опасность оценки революционных деятелей по принципу: "С одной стороны, с другой стороны..." В тех же письмах "К старому товарищу" он предупреждал: "То, что мыслящие люди прощали Аттиле, Комитету общественного спасения и даже Петру I, не простят нам..." и "Нет, великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей..."**

В § 6 читаем, что в революционере все "чувства родства, дружбы, любви, благодарности должны быть задавлены". Можем ли мы представить Герцена, лишенного этих чувств?!

Он был активным и авторитетным противником иезуитской морали "цель оправдывает средства" - основы основ нечаевской идеологии; Герцену были омерзительны проскрипционные списки - кем бы ни составлялись эти страшные свидетельства массовых расправ с инакомыслящими. А ведь в "Катехизисе" прямо говорилось: "Да будет составлен товариществом список таких осужденных, по порядку их относительной вредности для революционного дела, так, чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих" (§ 15).

* Герцен, т. XX, кн. 2, сс. 589, 592.

** Там же, сс. 588, 593.

Словно специально для Герцена ввел Нечаев в свой "Катехизис" вот этот, шестнадцатый, параграф: "При составлении таких списков и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе... Должно руководствоваться мерой пользы, которая должна произойти от смерти известного человека для революционного дела..."

"Мера пользы от смерти в данном случае была ни с чем не сравнима: почти по всем статьям нечаевского кодекса А. И. Герцен должен быть признан "особенно вредным для революционного движения" и отнесен к первой категории - "неотлагаемо осужденных на смерть".

Заметим, что отношение Нечаева к Огареву и Бакунину определяется тем же "Катехизисом". Пока они содействовали Нечаеву в борьбе с Герценом, он "конспирировал по их программам, делая вид, что слепо следует за ними" (§ 19), "беспрерывно толкал и тянул вперед, в практические головоломные заявления" (§ 20), и ему удалось "прибрать их в руки, овладеть их тайнами, скомпрометировать их донельзя" (§ 19).

В деле "овладения тайнами" он пошел так далеко, что не остановился перед обычной кражей: уворовал у Бакунина ряд документов, которые, по его мнению, могли скомпрометировать как Бакунина, так и Огарева, и дочь Герцена Наталью Александровну. Пойманный с поличным, Нечаев не стал оправдываться. Какое! Ведь он действовал во имя великой цели, поэтому и заявил с гордо поднятой головой: "Мы очень благодарны за всё, что вы для нас сделали, но так как вы никогда не хотели отдаться нам совсем... мы хотели заручиться против вас на всякий случай. Для этого я считал вправе красть ваши письма и считал себя обязан-

ным сеять раздор между вами, потому что для нас невыгодно, чтобы помимо нас, кроме нас, существовала такая крепкая связь”*. Придет день, и прозревший наконец-то Бакунин напишет ошеломленному Огареву по поводу их ослепления: ”Нечего сказать, были мы дураками, и как бы Герцен над нами смеялся, если бы был жив, и как бы он был прав, ругаясь над нами”**

Всё верно. Одного только не подозревал автор этого запоздалого признания: Герцен, возможно, именно потому и не был жив, что раньше других понял Нечаева, почувствовал исходящую от него опасность.

II

Когда говорят о причинах смерти Герцена, то называют пневмонию, тяжелые душевные переживания, связанные с болезнью любимой дочери***. Всё так, но, на наш взгляд, была еще одна, не менее существенная причина.

Хотя ”яд, нож, петля” признавались Нечаевым естественной ”формой деятельности” и в последние дни жизни Герцена Нечаев уже находился за пределами Российской империи, а, следовательно, мог прибегнуть к помощи яда, у нас нет никаких доказательств тому, что Герцен умер насильственной смертью.

* Цит. по кн.: Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. , в 4-х тт. М.-Л., 1926-1927, т. III, с. 546.

** Цит. по: ЛН, № 41-42, с. 40.

*** Во Флоренции в Наталью Александровну Герцен (Тату) влюбился граф Пенизи, одаренный слепой музыкант. Получив отказ, он всячески преследовал ее, угрожал убийством ее брата Александра и самоубийством, чем довел Тату до временной потери рассудка.

Но отравить можно не только ядом.

В 1870 году писатель прожил всего двадцать один день, и все они так или иначе были отравлены Нечаевым.

Еще в середине шестьдесят девятого года из России стали долетать возмущенные голоса близких по духу Герцену людей по поводу "всеразрушительных" нечаевских и бакунинских прокламаций, а официальная российская пресса всё чаще связывала их появление с именем Герцена. Сбывались самые худшие его прогнозы: внесением иезуитских методов в революционное движение Нечаев подставил под удар всю русскую демократию.

В ноябре 1869 года в "Народном деле"* появилась анонимная заметка (автором ее, вероятнее всего, был Н. И. Утин) "По поводу прокламаций. Запрос А. Герцену, Н. Огареву и М. Бакунину", в которой агиткампания Бакунина, Огарева и Нечаева называлась издевательством над русским революционным делом, а перед Герценом и Огаревым прямо ставился вопрос: "Допускают ли они какую-либо солидарность с подобными листовками?"**.

Герцен на "запрос" не ответил. Да и что он мог ответить? Объяснить, что никогда не был солидарен и всячески сопротивлялся? В письме Огареву он назвал "Запрос" глупым, но не понимать справедливости упрека не мог. Сама мысль о том, что, пойдя на компромисс и отдав половину "фонда", он способствовал пропаганде совершенно чуждых ему идей, постоянно травмировала его. Сколько горечи и безысходности в том же письме Огареву: "Тебе и Бакунину будет больно, что мое имя замешано в

* "Народное дело" - ежемесячный журнал, выходивший в Женеве с сентября 1868 по ноябрь 1870 года.

** Цит. по кн.: Герцен, т. XXX, кн. 1, с. 447.

деле, против которого я протестовал всеми силами. – Оно было нелепо”*

Если уж Бакунину с Огаревм должно было быть больно, то можно представить, как тяжело было самому Герцену.

Это писалось 13 декабря 1869 года. А 7 января 1870 года, за две недели до смерти, Герцен написал тому же Огареву: ”Да, я окончательно разумом убедился в том, в чем мое чутье убедило меня. А тут... валят и на меня долю безумий, против которых я был с самого начала и до конца”***.

Груз этих безумий достиг критической точки к началу нового года, когда вторично бежавший из России Нечаев стал играть в судьбе Герцена не только опосредованную, но и непосредственную роль.

Тяжелая болезнь дочери истощила духовные и физические силы писателя. ”Неожиданный удар почти раздавил меня, – писал он 2 января 1870 года К. Фогту***, – я нравственно состарился на десять лет, физически же я был спасен своим непобедимым пищеварением... Теперь она (Н. А. Герцен – В. С.) находится в периоде полного выздоровления – но сам я чувствую какую-то ”Wüster” (опустошенность), какую-то растерянность, усталость во всем, что я делаю”****.

В таком состоянии даже небольшие нравственные раны могут обернуться трагедией. Между тем, последние две недели жизни Герцен находился под

* Там же, с. 282.

** Там же, с. 297.

*** Карл Фогт (1817–1895) – немецкий естествоиспытатель и философ, участник революции 1848–1849 гг. в Германии; эмигрировал в Швейцарию.

**** Там же, с. 294.

таким душевным прессом, вынести который у него уже не хватило сил.

5 января Огарев извещает его о том, что Нечаев, который избежал ареста и находится на пути в Швейцарию, хочет с ним встретиться.

Герцен понял, зачем он понадобился Нечаеву: его намереваются заставить отдать вторую часть "фонда". Снова придется отражать "натиск смелый", выслушивать просьбы и упреки, выдерживать уже примененную к нему однажды тактику "выкручивания рук"; от одной этой мысли у него появляется чувство загнанности, безысходности. Он понимает: денег нечаевым давать нельзя. Но сил для борьбы с "триумвиратом" у него не остается.

Огареву Герцен ответил, что не желает встречаться с Нечаевым.

7 января (25 декабря по ст. ст.) "Московские ведомости" сообщили, что Нечаев – убийца студента Иванова. Весть об этом дошла до Герцена дня через два-три, а то и раньше – ведь работает телеграф. И, конечно же, – потрясла его. Тем более, что российские газеты на все лады принялись склонять имя Герцена рядом с именем Нечаева. Он снова оказался "замешанным в дело, против которого протестовал всеми силами". Только теперь это "дело" было уже уголовное.

В одной из листовок, составленной Нечаевым и Бакуниным, той самой, что освящала "яд, нож, петлю", говорилось: "...это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть! Нам всё равно!"*. Но Герцену было далеко не всё равно.

Что касается Нечаева, то отказ Герцена от встречи нисколько не смутил его: понятия чести, порядочности – это всё атрибуты "поганого мира".

* Цит. по кн.: Ю. Стеклов "Михаил Александрович Бакунин", т. III, с. 465.

И он снова подключает к активной борьбе за бахметевские деньги своего главного союзника — Огарева.

Остается только поражаться, до какой степени был ослеплен этот опытный политический деятель, многолетний друг и соратник Герцена. Но — из песни слов не выбросишь: Огарев в эти дни — не просто посредник Нечаева, он послушный исполнитель его воли. В каждом слове огаревских обращений к Герцену по поводу денег явно ощущается властное дыхание Нечаева, не в правилах которого довольствоваться частью, когда есть возможность получить всё. Весеннее соглашение о разделе "фонда" не смущает Нечаева — ведь оно было джентельменским, следовательно, можно считать, что его вообще не существовало. А юридически Огарев остается одним из двух распорядителей бахметевских денег.

Операция начинается с весьма туманной просьбы-распоряжения, имеющей, кроме прочего, и разведывательный характер. "Приготовь сколько хочешь", — пишет Герцену Огарев.

Герцен категорически против дальнейшего финансирования нечаевских предприятий. Поступающая из России информация, беседы с приезжающими оттуда людьми убеждают Герцена в его правоте. 12 января он отвечает Огареву: "...деятельность его (Нечаева. — В. С.) и двух старцев (самого Огарева и Бакунина. — В. С.) считаю положительно вредной и несвоевременной. Всякий день вижу русских — слушаю, вслушиваюсь — и убеждаюсь больше и больше в том..."*.

Герцен напоминает другу, что Бахметев оставил деньги не для таких целей. "На каком основании ты думаешь отклонить от назначения

* Герцен, т. XXX, кн. 1, с. 299.

фонд? – спрашивает он. И не без раздражения замечает: – Не знаю”. К концу письма раздражение прорывается наружу: “Твое «приготовь сколько хочешь» – меня сконфузило (читай: взорвало. – В. С.): что же это за мера в «сколько хочешь» – а потому я буду ждать от тебя приказа в цифрах. И выполню его для того, что ты того желаешь”*

То есть выполню вопреки своей воле, под нажимом, выполню потому, что ты так хочешь. “Буду ждать... приказа” – это уже сарказм.

“Приказ в цифрах”, отданный, несомненно, под диктовку Нечаева, ошеломил: пять тысяч франков! Стало ясно, что речь идет о новом дележе “фонда”, только теперь уже за счет его, герценовской, половины.

Напомним, Герцен заболел 14 января. Требование пяти тысяч пришло либо в тот же день, либо на следующий. Достоверно известно только то, что 15-го Герцен сделал такую приписку на письме Огареву, начатом накануне: “Ну, ты огорошил меня 5 т. – не ошибка ли – и моя страдательная роль”**. Это писал больной, обессиленный человек: ночью был сильный жар, бред. Лечащий врач требует полного покоя.

А Нечаев торопит. И в Париж отправляется новое письмо Огарева, оно датировано 15 января, и в нем снова повторяется требование пяти тысяч: “Надо будет дать 5 т. рб. – Я с твоим мнение не согласен, да во многом и с ним не согласен, но мешать нельзя... Вот и всё покамест. А деньги ты на днях приготовь, т. е. чем скорее, тем лучше...”***.

С ножом к горлу...

* Там же.

** Там же, с. 300.

*** ЛН, № 39–40, с. 573.

Этого письма Герцен уже не прочитал. Оно пришло 18-го января, за три дня до смерти писателя, и обе Натали – дочь Наталья Александровна Герцен (Тата) и жена Наталья Алексеевна Тучкова-Огарева не решились показать его больному. Но Огареву они ответили. 18-го января, в тот же день, Тата писала: "Мы получили твою записочку к папаше, но должны были прочесть ее, не показывая ему; ты теперь знаешь, что его никак нельзя тревожить. Ты просишь, чтобы он непременно исполнил твою просьбу. Как с этим быть?.. Никак не знаю, что делать, как отвечать на твою просьбу"*.

Когда предлагают "непременно исполнить", то это уже не просьба, а требование. В своем письме (оно без даты, но, вероятно, написано тогда же) Тучкова-Огарева называет вещи своими именами: "Огарев, я не знаю, что делать, – болезнь очень серьезная – лишь бы она прошла – как же быть с твоим требованием? Я ничего не знаю о делах Герцена. Твою первую записку он читал уже больной и сказал: «Я не могу дать таких денег». С тех пор мы не давали ему писем, потому что ему нужен абсолютный покой... Что же мне делать? Пиши Тате или мне, Право, мы так измучены и испуганы, что ни о каких делах не думается... Главное – тишина и покой"***.

Можно представить душевное состояние больного Герцена. Вот уж действительно: "...и моя страдательная роль". Тут и здоровое сердце не выдержит.

В воспоминаниях Т. П. Пассек есть такие строки: "Огарев, подчиняясь воле Бакунина, постоянно

* ЛН, № 63, т. III, с. 480.

*** Там же, с. 482.

писал об остальных десяти тысячах и, наконец, сообщил, что Нечаев сам едет в Париж для личных переговоров с ним. Александр (Герцен. — В. С.) взволновался. «Не приму его у себя, лучше пойду к нему на квартиру. Когда Нечаев услышит, что я не дам ни копейки из десяти тысяч, то, конечно, убьет меня и напугает вас всех»*. Воспоминания Пассек грешат неточностями, "додумываниями" и т. п. Не исключено, конечно, что Герцен побаивался Нечаева, особенно когда узнал об убийстве Иванова. Но нет никаких оснований делать вывод о том, будто сбылись мрачные предчувствия писателя.

На наш взгляд, роль Нечаева иная. В разгар болезни Герцена лечивший его врач Шарко констатировал: "В болезни господина Герцена нет ничего спорного. У него поражено левое легкое, и, если сил хватит снова *refaire* (восстановить) то, что уже исчезло, тогда он спасен"***.

Не хватило: последние силы отнял Нечаев.

Мы согласны с П. Н. Милюковым, писавшим в начале века о "мрачной «резиньяции»" (полной покорности судьбе, безропотном смирении) кончины Герцена: "Как будто всё, что было трагичного в его положении, в его характере, сгустилось над его головой, чтобы лишить его нравственного сопротивления перед слепой силой, заносящей над ним руку для рокового удара..."***.

Такой слепой силой, в определенной степени, была для Герцена нечаевщина, он оказался одной из многих ее жертв. Не пройдет и года со дня

* Т. Пассек "Воспоминания", 2-е изд., т. III, сс. 132-133. Цит. по кн.: Ю. Стеклов, т. III, сс. 499-500.

** Н. А. Тучкова-Огарева, с. 251.

*** П. Милюков. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903, с. 169.

его смерти, как это косвенно подтвердит и сам Нечаев. В лондонском издании "Община" он публикует нечто вроде некролога Герцену, в котором не без удовлетворения назовет свою версию причины его смерти: "Поколение, к которому принадлежал Герцен, было последним, заключительным явлением либеральничающего барства. Его теоретический радикализм был тепличным цветком... быстро увядшим при первом соприкосновении с обыкновенным реальным воздухом практического дела"*.

"Обыкновенный воздух практического дела" — это нечаевщина. Дышать им Герцен, действительно, не мог и поэтому "быстро увял".

Через полтора года после смерти Герцена в Петербурге состоялся знаменитый нечаевский процесс. Главного обвиняемого на скамье подсудимых не было, он еще скрывался в Швейцарии. В одном из своих выступлений адвокат Спасович сказал о нем: "Этот страшный, роковой человек всюду, где он ни останавливался, приносил заразу, смерть, аресты, уничтожение..."**.

Печальную справедливость этой характеристики полной мерой испытал на себе А. И. Герцен.

Только с эпитетом "роковой" мы не согласны: дело не в злом роке, не в демонических силах Нечаева. Ничего сверхъестественного — о б ы к н о в е н н ы й коммунизм, призрак которого уже рыскал по Европе.

* Цит. по: ЛН, № 41-42, с. 40.

** Цит. по: ж. "История СССР", 1960, № 6, с. 184.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ИДЕИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ*

I

Характер проведения современной экономической реформы не оставляет сомнения в том, что российское правительство пытается создать рыночную экономику по европейскому образцу. Здесь, по всей видимости, мы имеем дело с рецидивами прошлых доктрин, когда считалось возможным с помощью большой веры перекроить вековой уклад общества. Все-таки, скорее всего, не мы создаем рыночную экономику, а рыночная экономика создает нас. Это положение близко к тому, что высказывал в своей работе "Могучая рука рынка" лауреат Нобелевской премии в области экономики Милтон Фридман. Согласно его пониманию, мы в 70-е годы уже имели некоторые элементы рыночной экономики, только с российской (точнее, советской) спецификой. Действительно, многие принципы рыночной экономики, такие, как добровольное сотрудничество и свободные цены, мы имели не зависимо от того, был ли снабжен товар государственным ценником или насколько жестко

* Главы из готовящейся книги.

были регламентированы размеры оплаты нашего труда. На ценники зачастую вообще не смотрели, а при найме на работу немаловажное значение имели дополнительные льготы, сводившие на-нет всю государственную регламентацию. Таким образом, можно считать, что мы уже имели зачатки рыночной экономики, но только в уродливых формах. Значит, основная проблема состоит в развитии уже имевшихся основ, в их освобождении от уродливых, отживших форм. И всё это соразмерно с нашими почвенными условиями.

К сожалению, российскому правительству не хватает "оседлости". Оно обладает своеобразным комплексом кочевников – ездит по очень далеким от нас весям, хвалит чужое и изо всех сил у себя в отечестве пропагандирует зарубежный опыт. И парламентаризм, и социальная политика, и поощрение предпринимательства, и культура, и внешняя политика – всё сегодня настроено на западную волну. При этом западная ориентация имеет четко выраженную европейскую окраску. Выражением европейских ориентиров является стремление к скорой экономической и политической интеграции с нашими западными соседями. Делается попытка восстановления давно утраченных связей, которые Россия прежде имела с Германией, Францией, скандинавскими странами. Всё это подводится под общую концепцию возвращения в Европу.

Европейский опыт настолько довлеет над нашим правительством, что все последствия проводимой экономической реформы оцениваются, с легкой руки адептов, исходя больше из идеалистических пожеланий. Так, современная экономическая действительность Запада, которая соответствует устоявшемуся там в течение десятилетий (или даже столетий) рыночному хозяйству, переносится на-

шими благими пожеланиями на отечественную почву. А так как результат заимствования чужих успехов мы хотим к тому же получить еще и немедленно, реформа дает нам совсем не то, что мы от нее ждем. Всё это оборачивается разочарованием в самой идее реформы. И это при том, что и без западного опыта наша почва предрасположена к рыночному хозяйству. Напрашивается интересная историческая параллель. В начале века отечественная социал-демократия в своих представлениях о материальном благополучии тоже ориентировалась на Запад (да и сама социал-демократия оттуда пришла), но при этом не замечала те несомненные успехи, которых достигло рыночное хозяйство России на рубеже веков. И впоследствии, когда сама Европа находилась в руинах, мы в погоне за мифическими западными идеалами умудрились промотать всё свое достояние. Так не имеем ли мы сегодня повторение печального опыта?

Много говорится о том, что наша страна опоздала с реформами. Действительно, мы опоздали больше чем на семь десятилетий. Тогда мы уже имели вполне приличные основы рыночного хозяйства. Были и соответствующие проекты реформирования экономики у экономистов-профессионалов А. И. Чупрова, А. А. Исаева, П. И. Георгиевского и др., которые стремились выработать отечественную рецептуру решения российских проблем. Достаточно посмотреть работы экономистов-агровосковского Императорского университета. Насколько же осторожно, учитывая специфику наших условий, подходили к вопросу о реформировании русской общины А. И. Чупров и Н. А. Каблуков! Или взять, к примеру, фабричное законодательство России, в подготовке которого принимали участие Георгиевский и Исаев...

Сегодня у нас нет той науки. Оказалась нарушенной преемственность хозяйственного строя, утрачены производственные традиции. Нет и **экономического человека**, способного жить в условиях устойчивого рыночного хозяйства. Наш работник хорошо усваивает кнут и демагогию, но он зачастую не восприимчив к экономическим стимулам. Сегодняшняя реформа, конечно же, вынужденная, и то, что прежде было целесообразностью, теперь превратилось в необходимость. Реформа решает судьбу нации.

За 75 лет наша страна пережила классический коммунизм. И нам, прежде чем развивать рыночную экономику, надо было всё промотать до нитки, полностью отработать свой ресурс. Тоталитарная экономика закономерно привела нацию к полной деградации. Теперь помочь может только нечто новое, причем только такое, которое сможет отказаться от нашего недавнего прошлого. Это относится и к экономике, и к политике. В результате, какие бы силы ни стояли во главе реформ, они уже не смогут противостоять институту частной собственности, равно как и не смогут проводить глобальную сверхдержавную политику. Закономерный переход от коммунистической собственности к частной, о чем в начале столетия писал С. Н. Булгаков и что тогда же не смог сделать революционными мероприятиями П. А. Столыпин, сделала естественная экономическая эволюция, движимая технической необходимостью. И направляет эту эволюцию не мировая идея равенства и братства, а национальный эгоизм – экономические интересы народов, населяющих Российское государство.

Таким образом, сегодняшнее стремление к развитию рыночной экономики, к ее освобождению

от государственного идеологического диктата, равно как и приоритет своих национальных интересов, следует принимать как нечто устойчивое, то есть как фундамент будущего российского общества. И в этой связи возникает вопрос о возможности соединения рыночного хозяйства со своей национальной идеей, то есть создания своего особенного национального хозяйства. При этом не следует думать, что национальный характер экономики отрицает универсальные принципы рыночного хозяйства: частную собственность, свободные цены, добровольный обмен, приоритет частных интересов и др. В данном случае всё национальное должно развиваться в рамках этих универсальных принципов. Понятно, что принципы могут заметно модифицироваться. Однако, при этом модификации не должны приводить к искажению их принципиального существа.

Особенностью всех без исключения современных экономических систем является их национальный характер. Даже в странах Западной Европы, при их высоком и естественном уровне интеграции существует значительная специфика рыночных хозяйств Великобритании и Германии, Швеции и Португалии, Италии и Бельгии... Западной же считается и особенная, совсем неевропейская экономика Японии со своим жестким государственным регулированием, патернализмом и проч. Страны Запада объединяет при этом то, что основу их рыночного хозяйства составляет не копирование чужого опыта, а использование своих национальных особенностей, исторически сложившихся представлений и традиций, специфики географической среды проживания их народов. Копирование в ущерб своей национальной идее – это крайне печальный опыт коммунистических стран, будь то советская

Россия или красная Камбоджа, отдавшие интересы своих народов на закланье чуждой космополитической доктрине.

Что же следует понимать под национальной экономикой? В ее основе лежат: особенная географическая среда страны, естественно сложившийся и принимаемый населением общественный уклад, традиции – в общенациональном масштабе, а также тип экономического человека, личность работника, его частные интересы, индивидуальные представления, интеллект. Правомерно предположить, что в условиях невысокого уровня межгосударственной интеграции между отдельными странами по этим характеристикам имеются сильные различия, что и обуславливает несхожесть их рыночных систем. Для России это имеет особенное значение в силу ее существенной изолированности от Западной Европы, сложившейся на протяжении жизни трех поколений. Кроме политических причин нашей крайне низкой интеграции с европейскими соседями существуют еще и естественно-географические факторы, такие, как огромные масштабы страны, наличие при этом обширных необжитых пространств. Из-за этих географических факторов прежде интеграции международной для нашей страны необходима интеграция внутренняя. По этой причине можно говорить как о формировании национальной экономики всего Российского государства, так и о формировании национальной экономики его отдельных частей, что не обязательно связано с существованием этнических границ.

Именно национальные аспекты управления экономикой положены У. Оуччи в основу его "Теории Z". В своей работе профессор Калифорнийского университета описал японскую модель управления экономикой на микроэкономическом

уровне и пришел к выводу о невозможности использования на американской почве японского опыта в силу его национальной специфики. Представляется логичным применение данного подхода и в масштабах государственной экономики в целом, так как специфика управления предприятиями порождает аналогичные проблемы и на макроэкономическом уровне. И если Оуччи увидел особенность японской системы организации труда в патернализме, то почему не увидеть похожую специфику в экономических функциях японского государства, роль которого столь велика, что в употребление вошло специальное понятие "Japan Incorporated". Этот термин можно перевести как "акционерная компания Япония". К основным особенностям государственного управления Японии следует отнести относительно низкую – по сравнению с большинством экономически развитых стран – долю государственного сектора, степень развития государственного программирования (множество государственных экономических программ, проектов), наличие специфических рычагов финансового и административного воздействия (в частности, индивидуальное налогообложение для перспективных производств и поддержка мелкого бизнеса через существование специальной корпорации по его финансированию), наличие "полуправительственных" организаций, оказывающих значительное воздействие на развитие экономики страны, и проч.

То, что Оуччи в своей теории рассматривал применительно к японской экономике, можно вполне распространить и на другие цивилизованные страны, также выделяя особенности их хозяйственного уклада. Тогда мы обнаружим в экономике США развитую как нигде систему НИОКР, начиная с ор-

ганизации спинофф-компани ("осколочных предприятий") и заканчивая государственным финансированием глобальных мировых проектов. В Швеции мы выделим существование особой регламентации трудовых отношений, а в Гонконге – почти полное отсутствие подобной регламентации. Экономически процветающий Сингапур предстанет с интернационализацией капитала, которой как огня боятся у нас, в России, а Франция – со своим программно-целевым планированием, от которого мы столь упорно отказываемся в последние годы... Как нетрудно заметить, в разных странах существуют неодинаковые подходы к решению национальных экономических проблем. Реши Гонконг копировать шведскую модель развития – результат был бы куда менее впечатляющий.

Анализируя зарубежный опыт функционирования рыночной экономики, многие специалисты часто обращают внимание лишь на внешние проявления проблем. В результате, за японским коллективным производством остаются скрытыми вековые традиции феодальной деревни, специфика производства риса в условиях жесткой географической среды... Этот коллективизм, в основе которого неродственные связи, насаждался столетиями самой природой японских островов через совместный труд крестьян по обслуживанию необходимых для ведения хозяйства ирригационных систем. Всё это вошло в понятие традиционной японской семьи "из". За шведскими, в нашем представлении справедливейшими, распределительными отношениями обнаруживается специфика христианских самоуправленческих сельских общин, имеющих также более чем вековую историю существования. Не означает ли в этой связи, что, стремясь скопировать какие-либо благоприятные, с

точки зрения наших утопических пожеланий, атрибуты западной экономики, нам прежде надо засеять рисом все труднодоступные районы страны или поголовно обратиться в протестанство?

А что же наши традиции? В период, когда основу японской экономики составляло производство риса феодальной деревней, а шведские христианские общины переживали свой расцвет, Россия была аграрной страной, с помещиками и крепостными крестьянами. В таком положении можно видеть как недостатки, так и достоинства. Японский феодализм был также малопривлекателен, пока накопленный благодаря ему опыт не научились рационально использовать. Так что не следует сокрушаться и нашими порядками. Равно как и обольщаться. Сиюминутного освобождения от многовековой крепости не произошло. Рецидивы крепостного права в российской деревне отчетливо прослеживаются вплоть до 50-х годов нашего столетия, то есть почти столетие после освободительного указа Александра II. И сознание сегодняшних рабочих и служащих, вчерашних крестьян, остается еще во многом зависимым в своих представлениях. Поэтому нам еще долго не следует рассчитывать на осознание российскими трудящимися преимуществ свободного труда. Впрочем, в Гонконге, как я понимаю, на это тоже не рассчитывают и вместе с тем несколько не страдают комплексом неполноценности. Вопрос состоит не в том, плохие или хорошие традиции мы наследуем. Прежде всего нас должно волновать, как эти традиции научиться рационально использовать.

Российская экономика обретет цивилизованный вид не на проприще внедрения очередной космополитической идеи, а только полагаясь на свой национальный опыт, используя свои накопленные

традиции и следуя своим национальным ценностям. Именно в этом наш путь. В противном случае, предающие забвению национальную идею экономические реформы приведут страну к нищете и распаду. Симптомы этого вполне отчетливо наблюдаются уже сегодня.

Сторонникам европейской ориентации реформы следует возразить тем, что европейцами сегодня мы являемся только географически (и здесь тоже не без Азии!). И оказывается в таком положении совсем неудивительным, что современные социально-экономические реформы по образцу наших западных соседей еще больше закрывают нам путь в Европу, вопреки пожеланиям реформаторов-романтиков. Открытие границы принесло России массовый выезд за рубеж специалистов и стремительное "бегство" капитала. Тем самым, оказались практически утраченными все необходимые факторы нашего будущего экономического благополучия. Всё это – благодаря забвению исторического опыта. Чужая свобода стала нам недоброй мачехой. Она не вернула русских предпринимателей, прежде насильственно отчужденных от родного отечества; она за короткий период поставила в такое же положение сотни тысяч умов, столь необходимых в наше непростое время. Надо всё-таки полагать, что эффективные реформы начнутся не с бегства, а с возвращения.

Другая проблема – в отсутствии гарантий, по-прежнему сохраняющейся непредсказуемости социально-экономического развития страны. Космополитическое общество подобно перекаати-полю со своими представлениями, что "наш поезд куда хочешь идет". И разве удивительно, что, если, к примеру, взять культуру, то Запад сегодня оказывается куда более русским, чем наше родное

российское государство. Таким образом, нам необходимо укоренить наше общество, приземлить его на отечественную, а не на шведскую или японскую почву, чтобы это общество не болталось из стороны в сторону. Это предполагает трансформацию экономики из социальной в национальную.

О чем говорит наш национальный опыт? В числе традиционных факторов, определяющих развитие России: развитие аграрного сектора и добывающей промышленности как основы экономики при одновременно развитой внутренней торговле, отсутствие в масштабе страны единого тотального экономического уклада, наличие разного рода вольностей и привилегий в отношении отдельных регионов и социальных слоев, активная экономическая роль государства, значительный государственный сектор в промышленности, приоритет производства над распределением, принятие социального неравенства как необходимости прогресса, ориентация внешней политики (включая экономическую) на традиционные сферы влияния России, пропаганда в хозяйственной жизни христианских ценностей.

В отношении аграрного сектора сегодня мало кто будет спорить – настолько очевидны наши потери в этой области. Однако проблему еще усугубляет хроническая депрессивность многих промышленных производств. Свободный рынок ввергнет в глубокий кризис многие новые промышленные центры – “города-сады” социализма. При сохраняющейся у значительной части населения тяги к земле это может обусловить отток промышленных рабочих назад в деревню. Поэтому аграрный сектор имеет в будущем неплохие перспективы.

Единого уклада в экономике страны не существовало вплоть до октября 1917-го. Примеры начала

века – столыпинская реформа и переселенческие кампании. Сегодня же восстановление былого уклада отчетливо наблюдается в движении казачества.

Государственный сектор экономики нам подарили не коммунисты. Его значительная роль отчетливо просматривается со времен Петра I. Достаточно посмотреть "Русскую фабрику в прошлом и настоящем" М. И. Туган-Барановского, вышедшую в начале этого века, чтобы понять, как мало изменилось в этой области за последние три столетия. И сегодня скоротечный отказ государства от контроля многих крупных производств не может не обернуться очередными потрясениями.

Вершиной социальной политики в нашей стране надо считать фабричное законодательство России в период правления Николая II. Нетрудно догадаться, что оно принципиально отличается от современных социальных программ. Сегодня социальную политику делают демагоги. В результате, она подчинена не идее рациональности, а исключительно обслуживанию прежних идеологических мифов. В сфере государственной социальной политики оказываются деклассированные элементы, бездельники и пьяницы. Одновременно государство берет на себя заботу о тех, кто сам в состоянии прекрасно о себе позаботиться. Регламентация трудовых отношений под разговор о заграничном опыте хронически бездарна. Все достижения ограничиваются открытием бирж труда, и это в то время, когда в ряде производств по-прежнему наблюдается дефицит рабочих, сохраняется привлеченный труд в аграрном секторе и развивается, вопреки регламентациям, бесконтрольный детский труд. При этом местная власть, в компетенции которой оказывается решение многих социальных проблем,

ограничивается печатанием талонов на маргарин и водку, предназначенных поголовно для всего населения. Следует заметить, что подобная практика в царской России по тому же фабричному законодательству была уголовно наказуемой. В итоге, современная социальная политика государства вполне разделяет ответственность за бедственное состояние экономики.

Как мы видим, большинство из вышеперечисленных факторов российской национальной экономики за последние семь десятилетий оказались утраченными. Однако, история России не исчерпывается этим периодом времени. И сегодняшнее повторение многих проблем XIX – начала XX веков (взять, например, аграрную реформу) являются еще одним доводом возвращения к национальной экономике. История страны учит, что Россия добивалась наибольшего процветания именно в период, когда национальные факторы были положены в основу ее хозяйственного уклада.

II

Самым ярким выразителем христианской идеи в экономике был замечательный русский экономист, философ, богослов С. Н. Булгаков...

* * *

В августе 1922 года при ВЦИК была создана специальная комиссия для подготовки списка лиц, изгоняемых за пределы России по политическим мотивам. Под этим списком поставили подписи представители высшей власти коммунистического режима. В числе высылаемых оказался цвет русской интеллигенции. Среди них – известный ученый-экономист Сергей Николаевич Булгаков.

Стараниями ГПУ отправленный из Кронштадта на немецком пароходе, получившем впоследствии название "философский корабль", он покинул родное отечество с одной разрешенной властями сменой чистого белья... Спустя почти 70 лет, летом прошлого (1993) года, совсем незамеченным прошло 120-летие со дня его рождения. Возвращение ученого не состоялось.

* * *

Сегодня С. Н. Булгаков известен больше как философ, придерживавшийся христианского направления. При этом мало кто знает, что прежде всего он был ученым-экономистом, оставившим глубокий след в экономической науке. До того как обратиться к богословию Булгаков профессионально занимался экономикой в Московском Императорском университете, в период, когда на рубеже веков там собралось целое созвездие замечательных ученых – А. И. Чупров, Н. А. Каблуков, М. И. Туган-Барановский, А. А. Мануйлов, М. М. Ковалевский и др. Уже в начале столетия С. Н. Булгаков являлся автором нескольких оригинальных экономических работ. Его первая книга "О рынках при капиталистическом производстве" вышла в 1897 году и была написана с промарксистских позиций. С 1899 по 1900 год как стипендиат Московского университета Булгаков находился в научной командировке в Германии, где готовился к получению профессорского звания. Его знакомство с известными общественными деятелями Каутским, Бебелем, Плехановым в этот период приводит к разочарованию в марксизме. Сам Булгаков объяснял свой отход от марксизма любовью к Иисусу Христу и духовным влиянием Достоевского и Владимира Соловьева (с которым у него существует некоторое сходство в биографии).

По возвращении из Германии Булгаков оставляет Московский университет и в 1901 году переезжает в Киев, где получает "профессуру". В Киевском университете он читал курс лекций политической экономии, в котором отстаивал принципы надполитичности науки. Он называл "историческим каннибализмом" положение, когда наука отдается во власть партийных и групповых интересов. В это время Маркс занимает довольно скромное место в его курсе. О нем говорится мало, да и то больше в связи с Робертусом. Влияние Маркса признавалось только на политику, и то преимущественно в Германии.

В период волнений 1905 года в научной деятельности Булгакова намечается отход к философским проблемам. Тогда по его инициативе создается Религиозно-философское общество памяти В. С. Соловьева. Несколько ранее вместе с Н. А. Бердяевым он начинает редактировать журнал "Новый путь". Однако, вплоть до 1920 года Булгаков еще активно занимается экономической теорией. В Московском Коммерческом институте он читает курс "Истории экономической мысли", одновременно издаются многие его работы - "Краткий очерк политической экономии" (1906 г.), "История политической экономии" (1907 г.), "Аграрный вопрос" (1909 г.), "Капитализм и земледелие" (1914 г.), "История экономических учений" (1917 г.)... С 1919 года Булгаков живет в Крыму, где в Симферопольском университете получает должность профессора политической экономии и богословия. После "освобождения" Крыма был от должности отстранен...

В аграрных вопросах, которые в период проведения столыпинской реформы получили значительное развитие, Булгаков отошел от основных положений школы Московского университета. Так, если А. И. Чупров и Н. А. Каблуков высказывались

против института частной собственности в русской деревне, то Булгаков солидаризовался с проф. Скворцовым из Петровской Сельскохозяйственной академии, отстаивая интересы мелких частных землевладельцев. Частную собственность в аграрном секторе Булгаков считал технической необходимостью ("Аграрный вопрос", с. 29), которая, по его мнению, вытекает из способа пользования землей при известной интенсивности хозяйства. Это же положение мы находим в его работе "Капитализм и земледелие":

"Разделение коммунистической собственности (имеется в виду община. — Ю. Е.) на частную является делом экономической необходимости, экономической целесообразности. В данном случае частная собственность не является каким-либо выражением особого отношения к предмету собственности, а представляется просто технической необходимостью, вытекает из способа пользования землей при известной интенсивности хозяйства... Оправдание института частной собственности лежит в том, что никакое улучшение почвы, никакая мелиорация не могли бы иметь место без осуществления частной земельной собственности... Частная собственность не есть единственная и раз навсегда отвечающая требованиям земледельческой техники, но для этого исторического момента она является наиболее соответствующей формой землевладения" (с. 15–16).

В отличие от раздражительного тона своих коллег из Московского университета, к реформе П. А. Столыпина Булгаков относился предельно сдержанно. Возрастающее неравенство в обществе, которого так многие боялись, он связывал с хозяйственным прогрессом, а пауперизм отдельных слоев, по его мнению, не означал общего пауперизма. Булгаков полагал, что в ходе реформы не следует помогать слабым, ведь минутное равенство не предотвратит дальнейшей дифференциации ("Аграрный вопрос", с. 306–308).

Аграрная проблематика в работах С. Н. Булгакова находила продолжение в его отношении к кооперации. Здесь Булгаков, солидаризуясь с А. И.

Скворцовым, выступал защитником мелкого хозяйства, считая его довольно перспективным в российских условиях: "Мелкое хозяйство, если оно является вооруженным (оснащенным. — Ред.), способно отстоять себя в конкуренции с крупными хозяйствами и даже вести наступательную борьбу, но это зависит и от экономических условий" ("Капитализм и земледелие", с. 44).

В вопросе об экономических функциях государства Булгаков выступал за ограничение его вмешательства в экономику. Вместе со Скворцовым он полагал, что если хозяйственный процесс так сложен, что вмешательство в него грозит только новыми осложнениями, то лучше всего предоставить его естественному течению, ограничившись, конечно, практически необходимыми мерами.

Перспективы развития капитализма в России Булгаков видел в расширении внутреннего рынка страны, которое, по его мнению, должно происходить по мере разделения труда.

* * *

Наиболее интересной экономической работой С. Н. Булгакова является "Краткий очерк политической экономии", в которой он рассматривает основания современного хозяйства в религиозном аспекте. Булгаков определяет задачи политической экономии в их христианском понимании. Он ставит вопрос о том, как наука о народном богатстве согласуется с христианской моралью?

По мнению Булгакова:

"Политическая экономия обнимает совокупность систематизированных, упорядоченных наблюдений над хозяйственной жизнью народов и условиями ее развития и процветания. Не нужно особо доказывать, в какой материальной зависимости от природы находится человек с тех самых пор,

как, отчужденный благодаря греху от природы, он живет в «земле проклятья» и «в поте лица своего ест хлеб свой». Самая необходимость «хозяйственной» деятельности в теперешнем смысле слова, вся нужда и горе, проистекающие от такого отношения человека к природе, с религиозной точки зрения, есть следствие коренных нравственных причин, определяющих отношение человека к обрабатываемой им земле, которая из любовно возделываемого сада превратилась в арену борьбы за существование, и в этой борьбе человеку приходится отвоевывать у чуждых и отчужденных от него стихий природы каждый день своей жизни. То, что мы теперь называем хозяйственной деятельностью, – труд в поте лица, тяжелый и угнетающий, – есть следствие этого первоначального извращения отношения человека к природе, разрыва связи между ним и природой. И эту внутреннюю, изнутри и надорванную, связь человечеству в истории приходится восстанавливать внешними средствами – тяжелым трудом, рабством стихиям мира, единоличным и общественным хозяйством. Хозяйственная деятельность в этом смысле есть зло и плен, но, пока мы находимся еще в плену у греха, пока всякая стонающая тварь, тоже жаждущая откровения славы сынов Божиих, не освободилась от состояния взаимной разрозненности и отчуждения в отношении к своему царю – человеку, до тех пор эта деятельность остается горькой необходимостью и всемирно-исторической силой” (“Краткий очерк политической экономии”. М., 1906. С. 3).

Булгаков продолжает:

“Человек и историческое человечество стремится к свободе от плена, к возвращению потерянного им достоинства царя природы и к восстановлению первоначальной интимной связи, взаимопроникновения с природой о которой он не может забыть. И путь к этому освобождению, естественно открывающийся перед человечеством, есть труд в поте лица, есть трудовая хозяйственная деятельность, направленная к подчинению природы человеку путем увеличения народного богатства. Нищий и голый человек, находящийся в плену у природы, освобождается от этого плена, становясь богатым и могущественным. Создание и накопление так называемого народного богатства есть путь освобождения от власти природы.” (там же, с. 4).

Как же следует понимать христианские заповеди в хозяйственной практике? Каково должно быть

отношение к ним теоретической экономии? С. Н. Булгаков полагает, что:

"...условное название «народное богатство», употребительное в политической экономии, вызывает недоумение вследствие смешения этого понятия с понятием богатства личного, между тем как это разные вещи. Народное богатство состоит из совокупности полезных и нужных для человека предметов из числа тех, которые он должен производить своим трудом, причем здесь разумеется не только наличность обладания этими предметами, но и возможность их воспроизведения, следовательно, имеется в виду вообще достигнутая мощь человеческого гения в борьбе с природой. Чем более высокая ступень народного богатства достигнута данным народом, чем больше он владеет природой, вырывая у нее ее производительные силы, тем больше свободы от ее власти достиг он при этом. Рост народного богатства в этом смысле есть прогресс внешней человеческой свободы, и наука о народном богатстве, или политическая экономия, в этом смысле есть наука, изучающая условия освобождения человека от рабства природы. И так как христиане и христианское человечество призваны быть свободными, ибо только свободный и, в частности, свободный от принудительной власти природы, человек может осуществить свое историческое призвание, то общая задача политической экономии должна быть признана соответствующей требованиям христианского прогресса" (там же, с. 4).

Булгаков предупреждает, что:

"...рост народного богатства может явиться средством как высшего и сознательного утверждения человека на пути добра, так и его глубочайшего падения. Но во всяком случае успехи материальной культуры служат условием духовного роста и духовной зрелости человечества, человек из слабого и беспомощного младенца становится зрелым и сознательным мужем, входит в меру возраста, что, очевидно, необходимо в целях богочеловеческого дела на земле, в целях Царствия Божия. И в этом, ограниченном и условном, смысле рост народного богатства, экономический прогресс необходим в целях Царствия Божия" (там же).

Булгаков предостерегает от любостяжания, под которым понимает внутреннее отношение человека к личному богатству, от соблазна богатством,

наклонности ради него забывать о своих высших духовных обязанностях и интересах. Он считает, что:

"...понятие народного богатства (и народной бедности), употребляемые нами, весьма отличается от понятий богатства и бедности в обычном, разговорном смысле, где под ними разумеется степень личного обладания и личной власти, между тем как народное богатство имеет в виду общие условия материального существования данного общества, степень власти над природой, ему принадлежащей. Богачи и бедняки могут существовать и встречаются при различном уровне народного богатства: могут быть богачи в совершенно бедной в народнохозяйственном смысле стране и может их не быть в стране очень богатой, если, например, в ней осуществлены социалистические формы хозяйства^{*}. Поэтому, к тому, что мы разумеем, говоря о народном богатстве, не могут быть отнесены слова Спасителя, предостерегавшего от богатства и любостяжания. В соответствующих местах Евангелия разумеется именно индивидуальное, внутреннее отношение к личному богатству, соблазн богатством и обогащением, наклонность более чем следует полагаться на него и ради него забывать о высших своих духовных обязанностях и интересах; однако же, должное, правильное личное отношение к богатству, духовная свобода от него может быть совершенно совместима с признанием необходимости экономического прогресса для всего человечества и, может быть, именно такие духовно-свободные деятели и являются наилучшими, бескорыстнейшими проводниками этого прогресса. Быть свободным от богатства, или, по крайней мере, обуздывать себя, свою похотливость и вести аскетическую борьбу со своими низшими инстинктами не значит еще идти против материальной культуры, а только предполагает лишь определенное,

* Сегодняшний читатель, проживший долгую жизнь в стране осуществленных "социалистических форм хозяйства", в лучшем случае усмехнется: а может ли быть богатой страна, где эти формы осуществлены и страна разорена до нитки. Мы просто хотим отметить, что сегодня это место в тексте Булгакова непременно требует совсем нетривиального и некороткого разъяснения, что именно понималось в его время под "социалистическими формами хозяйства". — Ред.

осторожное отношение и соответствующую умеренность в пользовании ею" (там же, с. 9).

На вопрос о том, как известная заповедь Христа "не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем" согласуется с плановой деятельностью человека, С. Н. Булгаков отвечает следующим образом:

"...не противоречит признанию необходимости экономической деятельности и вообще рационального ведения народного хозяйства, основанного прежде всего на предусмотрительном расчете, и запрещение пеших о завтрашнем дне, о пище и питии, сделанное Спасителем. Здесь... заповедуется свобода от духовного плена и отягчения заботами и тревогами о своем материальном благополучии, но вовсе не запрещается, во-первых, забота о благополучии других, а, во-вторых, и вообще хозяйственная деятельность, поскольку она является одной из форм полезного и обязательного для всех труда" (там же, с. 9).

Предусмотрительный расчет, по убеждению Булгакова, вытекает из существа хозяйственной деятельности и:

"...неужели возделывать землю в расчете на будущий урожай значит нарушать заповедь: не заботьтесь о завтрашнем дне... В Евангелии запрещается не хозяйственный расчет, без которого невозможна и сама хозяйственная деятельность, с которой связаны интересы стольких людей, а хозяйственное ослепление, жадность, жестокость, благодаря которой замирает в человеке его духовная жизнь" (там же, с. 10).

Булгаков полагает, что считаться с хозяйственной необходимостью и, следовательно, вести рациональное хозяйство – личное, народное или государственное – не может быть запрещено в той Книге, где сказано: "В поте лица твоего ешь хлеб твой" и еще: кто не работает, не должен есть. Поэтому хозяйственная деятельность не противоречит христианству.

Христианская политическая экономия Булга-

кова ищет осуществления свободы, правды и любви в экономической жизни, в области социальной и экономической политики. С этой целью она призвана освещать исторический путь социальной любви:

"Господь спросит нас: накормили ли мы голодного, одели ли нагого, напоили ли алчущего, посетили ли больного и заключенного в тюрьме? Доселе христианство понимало и выполняло эту заповедь в форме исключительно личного подвига, но не социального делания" (там же, с. 20).

Булгаков призывает перейти от элементарной благотворительности и личной добродетели к социальным отношениям, соответствующим христианской морали. Главное, что должно быть присуще таким отношениям, по мнению Булгакова, — свобода.

В этой работе Булгаков также обращается к аграрным проблемам:

"Пуп русской земли по-прежнему остается в деревне. И оздоровить нашу деревню, вызвать рост народного благосостояния может только одно средство, без которого нет жизни, нет развития, а есть лишь медленное умирание, средство это — свобода" (там же, с. 131).

* * *

Как видно, эта работа Булгакова представляет собой переплетение экономической теории с философией и богословием. Она как бы предопределила отход ученого от экономической науки, хотя он не раз возвращался к ней впоследствии — в осажденном Крыму, а также в своей издательской деятельности (известный журнал "Экономист"). Тем не менее, вся его большая работа на этом поприще осталась в прошлом. В своей наиболее известной работе

"Философия хозяйства", недавно переизданной в серии "Социологическое наследие", Булгаков еще обращается к проблемам политической экономии (гл. 8 "Феноменология хозяйства"), но уже исключительно с философских позиций. При этом политическая экономия рассматривается как ветвь социологии. Наконец, в поздний период своей научной деятельности Булгаков уделяет большое внимание критике марксизма.

Христианская теоретическая экономия Булгакова - относительно небольшое произведение. Остается лишь сожалеть, что в настоящее время, когда так актуально возвращение в нашу общественную жизнь, включая экономическую сферу, христианских ценностей, это направление экономической науки остается по-прежнему невостребованным. Бесспорно, что семя, брошенное Булгаковым, должно прорасти, и это направление получит дальнейшее развитие.

Борис ПУШКАРЕВ

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, НАЛОГИ И ПЛАНИРОВКА ГОРОДА*

Представления о собственности на землю менялись по ходу истории – виделась она и Божьей, и ничьей, и общей, и "государевой", которая позже превратилась в государственную или постепенно "приватизировалась". Но издревле существовала и частная собственность на землю, в том числе и в России. В Московской Руси наряду с землями "государевыми" и помещичьими (которые государь давал в условное владение помещикам, чтобы они могли нести службу) сохранялось и "вотчинное" владение. Землю продавали, закладывали, завещали, давали в приданое и на нее существовал достаточно активный рынок. Хотя и вотчинных владельцев со временем обязали нести государственную службу, это не ограничивало их частно-

* Настоящий материал подготовлен осенью 1994 года по заказу НИИ истории и теории архитектуры Российской Академии архитектуры и строительных наук. В сокращенном виде он был представлен 9 января 1995 г. в С.-Петербурге на Втором семинаре по российской недвижимости, организованном при содействии Российского центра приватизации и первого в России Института независимой оценки.

владельческих прав, а было свойственной тому времени формой поземельного налога. На севере же страны, где крестьянские земли формально принадлежали государю, крестьяне фактически землю тоже продавали, меняли, завещали и дарили, то есть распоряжались ею как частной собственностью. Лишь некоторые угодья общего пользования (леса, рыбные ловли) находились в общинном владении. Превращение же всех крестьянских земель в общинные завершилось под напором государства (как результат введения подушной подати при Петре I) лишь в первой половине XIX века. После освобождения крестьян и особенно после столыпинской реформы снова начал расти частновладельческий сектор, охватив накануне революции около одной трети всей земли. При тающем помещицком владении больше половины этой частной земли принадлежало крестьянам, мещанам, купцам и торгово-промышленным предприятиям. Те колоссальные интеллектуальные, научно-технические и экономические сдвиги, которые произошли в мире за последние три века, тесно связаны с расширением сферы рынка и частной собственности, в том числе и собственности на землю, развитие которой в России было заторможено в XVII-XIX веках и прервано в годы советской власти.

В современных странах имеют место три основных вида земельной собственности: 1) государственная, 2) частная и 3) общественная. В зависимости от политического устройства и уровня управления **государственная** собственность бывает федеральной (общегосударственной) или принадлежащей субъектам федерации (землям, областям, штатам, провинциям) или, наконец, органам местного самоуправления (городским, сельским, окружным). Соответственно, **частная** земельная собственность бывает личной или групповой, то есть

принадлежащей артели, товариществу, акционерному обществу или иному юридическому лицу. Частная собственность характерна тем, что она используется коммерчески, для извлечения прибыли, постоянно или одноразово, как, например, при продаже участка. **Общественная** собственность в современном понимании представляет собой разновидность собственности частной за тем лишь исключением, что она используется не для извлечения денежной прибыли, а для выполнения определенных задач, признанных государством общественно-полезными. На этом основании она освобождена от налогов, но пользование ею подлежит определенным ограничениям. Владельцами общественной собственности могут быть разные общественные объединения – церковь, учебные и лечебные заведения, молодежные, спортивные, профсоюзные организации, общества, занятые охраной окружающей среды. Основной вопрос, который перед нами стоит: на каком основании решать, какая земля должна быть в чьем владении?

Зачем нужна частная собственность на землю?

Начнем с того, что любая деятельность человека требует какого-то **пространства** то есть какого-то участка земли, и что человек живет не в одиночестве, а во взаимодействии с другими людьми и окружающей его природой, и ему не безразлично, **где** этот участок находится. Поэтому любой участок ценен, во-первых, своими собственными **качествами** и, во-вторых, своим **месторасположением** по отношению к другим участкам. Качества могут быть чисто природными, как, например, характер почвы и грунта, характер растительности, живописность, плодородность, хотя они обычно видо-

изменены трудом предыдущих пользователей или владельцев. Так что, качества участка суть не только действий сил природы, но и результат труда человека. Что же касается месторасположения, то его основная черта – **доступность**, то есть близость к окружающим населенным пунктам, и ее определяют, во-первых, распределение населения и рабочих мест в данной области и, во-вторых, связывающая их транспортная сеть.

В первом случае встает вопрос: **доступность к чему?** Для обычной жилой застройки, например, существенна доступность к местам приложения труда, к школам, магазинам. Для розничной торговли существенна доступность к населению с определенной покупательной способностью. Для сельскохозяйственного же использования существенная доступность к рынку сбыта: овощные или молочные хозяйства скорее будут располагаться поблизости от крупных городов, зерновые – вдали.

Во втором случае основной вопрос: **доступность на каком виде транспорта?** Одно дело – пешеходная доступность, другое – доступность на общественном транспорте и совсем иное – доступность на автомобиле. Из-за того, что затраты времени и средств на различных видах транспорта различны, доступность обратно пропорциональна не просто расстоянию, а еще и затратам времени и иных ресурсов на то, чтобы это расстояние преодолеть. Поэтому доступность можно, среди прочего, рассматривать и как сумму экономии времени и средств, которую дает более доступный участок по сравнению с менее доступным. Эта экономия отражается и на том, что более доступный привлечет большее число посетителей. В зависимости от числа пользователей различными видами транспорта, можно говорить о некоей обобщенной доступности к разного вида возможностям на средневзвешенном

виде транспорта. Особый вид доступности, существенной для новой застройки, это доступность к инженерным коммуникациям – электрической и телефонной сетям, водопроводу, канализации, газу.

Математически транспортную доступность участка проще всего выразить, если взять "притягательность" каждого из окружающих участков, деленную на расстояние до него, возведенное в определенную степень, и суммировать все эти дроби. При этом "притягательность" участков можно измерять квадратными метрами площади зданий, находящихся на них, или числом жителей, рабочих мест и т. д. Расстояние можно измерять в метрах или минутах, а показатель, в который оно возводится, вычисляется эмпирически на основе анализа транспортных потоков. Этот показатель отражает склонность населения к затрате времени и средств на преодоление расстояния. В новых эконометрических построениях такая простейшая "модель тяготения" заменяется более утонченными формулами вероятности и "дискретного выбора", но суть остается той же.

Поскольку без какого-то пространства и какой-то доступности никакая деятельность человека невозможна, земля и ее месторасположение представляют собой необходимый **фактор производства**, наряду с трудом, капиталом, информацией и предпринимательским талантом. Если исходить из предпосылки о достоинстве и свободе человека, который сам полномочен решать, что ему нужно, и свободно об этом договариваться с другими людьми, то **результаты производства** (объем, ассортимент и качество выпускаемой продукции) определяет в основном (в рамках законов и с поправкой на монополистские явления) потребитель, голосуя рублем на рынке. Цена, которую он готов на рынке платить, определяет **полезность** для него покупаемого товара.

Но рыночная цена тем и характерна, что она одновременно отражает и полезность товара для потребителя и его *редкость* с точки зрения производителя: она создает равновесие спроса и предложения. Производитель в условиях конкуренции стремится сделать товар менее редким и будет увеличивать производство до тех пор, пока цена, по которой он его может продать, превышает издержки производства каждой дополнительной единицы этого товара, то есть пока каждая дополнительная единица товара приносит ему прибыль. Он прекратит увеличивать производство лишь тогда, когда дополнительные издержки на каждую дополнительную единицу товара, то есть "предельные издержки", уравниваются с его ценой. Когда цена равна предельным издержкам, общая сумма его прибыли от всех ранее произведенных единиц достигнет максимума.

Стремясь получить максимально возможную прибыль, производитель, естественно, старается сократить общую сумму своих расходов на факторы производства – на землю, на труд, на капитал, информацию и предпринимательский талант. При этом ключевую роль играет то обстоятельство, что все эти факторы в какой-то мере взаимозаменяемы. Если капитал дорог, а труд дешев, то есть смысл нанимать больше рабочих и меньше денег тратить на дорогое оборудование. Но большое число работников, вероятно, потребует большего пространства более дорогой земли, такой, которая будет более доступна большему числу работников. Сокращение же числа работников потребует более рациональной организации производства, для чего, вероятно, потребуются наем более опытных и дорогих менеджеров, то есть предпринимательского таланта. И так далее. Весьма существенна взаимная заменимость доступности земельного участка и

транспортных издержек его владельца и его клиентов в будущем. Более высокая цена на землю, заплаченная сегодня, предполагает, как мы заметили выше, экономию на транспортных издержках в будущем, и таким образом более высокий поток прибыли. Говоря языком экономистов, будущая экономия на транспортных издержках (в основном, на расходах времени) "капитализируется", или оседает, в земле. Производитель будет изменять сочетание факторов производства до тех пор, пока прибыль, обещаемая затратами на каждый из этих факторов, не уравнивается. Когда каждый дополнительный рубль, вложенный в покупку ли оборудования, в наем ли рабочих или в приобретение земли, будет давать одинаковую прибыль, то есть когда "предельная производительность факторов производства" станет одинаковой, будет достигнуто их наиболее эффективное сочетание. И **цена** на каждый из факторов производства будет отражать ту прибыль, которую каждый из них способен дать.

Этот небольшой экскурс в теорию рыночной цены позволяет нам сделать ряд выводов.

1) Цена на каждый участок земли зависит от того дохода, который этот участок может принести. Даже если участок используется только для личных нужд потребителя, одна лишь возможность его аренды определяет его цену. Как грубое правило можно сказать, что в западной экономике ежегодный доход от недвижимости, умноженный примерно на 10, равен ее цене. Но множитель этот может сильно колебаться и вверх, и вниз, в зависимости от ожиданий, связанных с данным объектом недвижимости. В нынешних российских условиях при дороговизне капитала, юридической незащищенности собственности и связанным с этим риском он порой бывает значительно ниже, что делает покупку выгодной — для пользования ею и для сдачи в аренду,

но не для перепродажи – для вкладчиков капитала.

2) Цена на землю – не изолированное явление, она тесно увязана с ценами на другие факторы производства в народном хозяйстве, в том числе с ценами на капитал и на труд, равно как и с оценкой времени населением. **Неверная цена на землю ведет к нерациональному использованию и всех прочих ресурсов в народном хозяйстве и связанным с этим потерям** (вспомним хотя бы созданные в 50-е годы водохранилища, которые никогда не были бы построены, если бы за затопленные земли пришлось платить рыночные цены).

3) Установление верной цены требует конкурентного рынка, где много возможных владельцев состязаются за каждый участок, и получает его тот, кто готов заплатить самую высокую цену. Причем заплатить вовсе не потому, что он самый богатый, а потому, что он рассчитывает на свое умение получить с него в будущем самый высокий доход. То есть, в конечном итоге, успешнее всего сможет удовлетворить спрос потребителей. На языке экономистов, рынок на землю, уравнивая спрос и предложение, стремится к равновесию, или "оптимуму Парето". Это означает такое состояние, когда при данном распределении доходов и мест приложения труда, при данной транспортной системе и данном жилом фонде каждый нашел себе такое месторасположение, что переселить его нельзя, не ухудшив положение кого-то другого. Очевидно, что все эти "данные" представляют собой величины не постоянные, а непрерывно меняющиеся. К тому же, меняется и шкала ценностей, на основе которой участники рынка принимают свои решения. Поэтому и равновесие на рынке – явление, непрерывно меняющееся: рынок, по природе своей, динамичен и всё время реагирует на меняющиеся условия.

Подходя с другой стороны, можно сказать, что с точки зрения экономики (мы здесь не касаемся психологических, юридических и философских аргументов в пользу частной собственности на землю, право на которую теперь закреплено в российской Конституции) – частная собственность на землю необходима для того, чтобы существовал состязательный рынок на землю, который, в свою очередь, необходим для того, чтобы определять экономически правильную цену на землю и таким образом наиболее эффективно размещать в пространстве землепользователей.

Отсюда следует, что частная собственность на землю необходима всем участникам рыночных отношений, то есть лицам и организациям, имеющим дело с благами и услугами **частного пользования**. Это такие блага и услуги, пользование которыми исключительно (использование их одним человеком не дает такой возможности другим), оплата которых возможна по мере пользования и рыночная цена на которые равна предельным издержкам, то есть стоимости производства последней дополнительной единицы. Сюда относятся в первую очередь такие сектора народного хозяйства, как домохозяйства (семьи), сельскохозяйственные, торговые, промышленные предприятия и весь сектор финансовых и прочих платных услуг.

Какой земле оставаться в собственности государства?

При всех достоинствах рынка есть ряд областей, в которых он отсутствует или дает сбой и которые поэтому относятся к сфере деятельности государства. Это, в основном, следующие пять областей:

1) Предоставление благ и услуг **общего пользования**, то есть таких, к которым, не в пример бла-

гам частного пользования, неприменим принцип исключительности (потребление их одним человеком не мешает потреблению другими) и предельные издержки которых (то есть дополнительные издержки на каждого дополнительного пользователя) незначительны, в то время как взимание платы за пользование – затруднительно.

2) Регулирование **естественных монополий**, то есть капиталоемких предприятий, которые неразумно дублировать ради создания им конкуренции (водопровод, канализация, электрические и газовые сети, общественный транспорт). В различных странах естественные монополии или просто принадлежат государству, или оно регулирует их цены и прибыли.

3) Компенсация **внешних эффектов**, то есть издержек или выгод, которые возникают в результате сделок между двумя частными сторонами, но которые вынуждено нести (издержки) или получает (выгоды) общество в целом. Типичным примером внешних издержек служит загрязнение окружающей среды в результате производства товара, за которое не платит ни производитель, ни покупатель этого товара. Типичным же примером внешних выгод служат медицинские или культурные услуги, которые приносят пользу не только производителю и покупателю, но и обществу в целом. В первом случае уместны законодательные ограничения и налоги, во втором, наоборот, субсидии.

4) **Перераспределение доходов** от зажиточных слоев населения – малообеспеченным. Сюда относятся медицинское и социальное страхование, пособия по инвалидности и безработице, жилищные и благотворительные пособия. Исходная предпосылка здесь та, что рынок наиболее эффективно размещает ресурсы "при данном распределении доходов". Но "данное" распределение зачастую вос-

принимается как несправедливое, нарушающее общественную солидарность. Поэтому государство считает себя вправе видоизменять его на основании **политических** решений, "экспроприруя" таким образом, вопреки Марксу, не "средства производства", а, наоборот, часть средств потребления.

5) **Макроэкономическая политика**, то есть противодействие экономическим циклам перегрева и спада, обеспечение полной занятости, твердой валюты и устойчивого экономического роста, осуществляемые как посредством бюджетно-налоговой, так и денежной политики, равно как и политики внешнеторговой.

Из этого перечня пяти экономических функций государства явствует, что последние три не требуют земельных владений, за исключением небольших участков под административными зданиями. Зато земельных владений требуют естественные монополии (аэропорты, полосы отчуждения железных дорог, линий электропередач, газопроводов) и в еще большей мере – блага общего пользования. Характерным благом общего пользования является оборона государства: потребность военного ведомства в крупных участках земли общеизвестна.

Не менее важным благом общего пользования является окружающая среда, и поэтому земли, необходимые для сохранения экологического равновесия страны – национальные парки, заповедники, основные лесные и водные массивы – также находятся в государственном владении. Кроме того, в малонаселенных странах государству обычно достаются земли, на которые на частном рынке нет спроса: тундра, пустыни. Мало на рынке спроса и на земли, использование которых строго ограничено законом: чем следить за исполнением таких ограничений, государству проще оставить эти земли в своем владении.

Из-за разнохарактерности государственных земельных владений на них в законодательном порядке устанавливается определенная градация. Есть земли, такие, как парки и заповедники, которые ни при каких условиях не подлежат отчуждению (порой такой запрет закреплен даже конституционно) и деятельность человека в которых строго ограничена (запрещена охота, вырубка леса или доступ моторизованного транспорта). Есть земли, на которых само государство ведет определенную хозяйственную деятельность (например, рубку и посадку леса), и такие, где на концессионных началах разрешены определенные виды частной деятельности, такой, как выпас скота, рубка леса или добыча минеральных богатств. Есть, наконец, такие, которые рациональнее использовать в рыночном секторе, если на них найдется покупатель. Леса во многих странах находятся преимущественно в государственном владении потому, что, с одной стороны, они являются ресурсом для отдыха населения и экологического баланса, а с другой стороны, потому, что хозяйственный цикл лесного хозяйства – многие десятки лет – выходит за горизонт рынка, который редко смотрит далее, чем на 10–20 лет вперед. Это, однако, не мешает в США, например, крупным бумажным комбинатам владеть собственными лесными массивами, на которых они ведут весьма культурное хозяйство, ориентированное на долгий срок. Всё это требует сложной системы экологического анализа, планирования и управления государственным земельным имуществом.

Наконец, на уровне местного самоуправления, важнейшим благом общего пользования является сеть улиц, проездов, дорог и парков, участки под школами, больницами и спортивными площадками, равно как и земли, требующиеся для сбора

мусора и отходов. Типичные блага общего пользования также – полицейская и пожарная охрана, которым земли, однако много не требуется. Эта муниципальная инфраструктура создает ту доступность и привлекательность, благодаря которым частные участки и приобретают свою основную ценность. В странах, где частная собственность на землю господствует, города или центральное правительство приобретают земли для новых улиц и дорог разными способами: они или принудительно выкупают их у частных владельцев, платя им при этом рыночную цену (владелец вправе позже оспаривать эту цену в суде); или обязуют застройщика нового района в вознаграждение за право застройки построить уличную сеть по данным ему стандартам и передать ее городу безвозмездно. При этом застройщик вносит городу залог, который он получает обратно только тогда, когда город новые улицы в свое владение практически примет. Бывает, наконец, что внесение улицы в генеральный план уже делает ее городской собственностью, но в таком случае строит ее потом город. При этом он может облагать прилегающие к новой улице участки особым налогом на ограниченный срок. Земли для школ, парков и прочих муниципальных учреждений обыкновенно выкупаются не принудительно, а по добровольному соглашению. В российских условиях, при наличии плана будущей уличной сети и других земель общего пользования, есть, конечно, полный смысл не приватизировать такие земли, чтобы не выкупать их потом обратно.

Земли общественных объединений

Смысл общественных, то есть негосударственных и некоммерческих объединений состоит в том, что они мобилизуют добровольную инициативу граж-

дан и являются собой пример **самоорганизации** гражданского общества. Они свободны как от необходимости погони за прибылью на рынке, так и от бюрократизма государственного аппарата. Какую-то долю их расходов покрывают их пользователи и члены, остальное доплачивается частными пожертвованиями и ассигнованиями из государственного или местного бюджета. Государство в них заинтересовано потому, что целый ряд функций в области образования, культуры, здравоохранения, благотворительности и научно-исследовательской работы они выполняют более гибко, более независимо, более творчески и дешевле, чем бюрократические ведомства. Поэтому оно, как минимум, освобождает их от налогов, а то и дает им подряды. Коммерческие предприятия в них заинтересованы потому, что они дают им возможность показать свою "социальную совесть", жертвуя им деньги. Единственно, кто их не всегда любит, это городские власти, заинтересованные в налогах с недвижимости. Им может не нравиться, когда обширные территории под университетами, больницами, спортивными площадками, детскими лагерями, церковными усадьбами и кладбищами ускользают из-под местного налогообложения. Этот конфликт можно наблюдать в США. Но на самом деле, в общем балансе городской территории земли общественных организаций занимают не так много места — где-то около 5%. Для качества же жизни в городе их роль зачастую решающая. Поэтому в процессе разгосударствления в России перевод перечисленных учреждений на статус самостоятельных юридических лиц, оформленных как общественные объединения, и выделение им в собственность необходимых земельных участков имеет полный смысл. Частичное использование таких участков в коммерческих целях может быть оговорено особым

соглашением, в результате которого город от такого использования получит свою долю.

Сложнее дело обстоит с новообразованными общественными объединениями – город не может выделять землю каждой такой новоорганизованной группировке. С другой стороны, получать имущество по завещанию, как часто происходило на Западе, им пока не от кого. Здесь, вероятно, нужны какие-то критерии объема и характера деятельности организации и ее стажа. Во всяком случае, театр, университет или научно-исследовательский институт будут чувствовать себя гораздо более уверенно и независимо, если земля под их зданием будет их собственностью, а не находиться временно в их пользовании, будучи на усмотрении местных властей. Особую роль могут играть общественные объединения, занятые охраной земель с историческими зданиями, музеями или экологически важных ландшафтов. И надо снова повторить, что они этим делом могут зачастую заниматься более компетентно и с большей любовью, чем городские ведомства, в то же время облегчая городской бюджет.

Приватизация или аренда городской земли?

То, что сельскохозяйственные угодья должны принадлежать сельским хозяевам – единоличным хозяевам или групповым – в принципе не вызывает сомнений, хотя от принципа до реальности у нас еще далеко. Но вопрос о том, кому должна принадлежать застроенная земля в городах, вызывал споры даже на Западе. В Скандинавии города стремились сохранить как можно больше земли в своей собственности и сдавать ее в аренду частным владельцам недвижимости, главным образом на том основании, что это облегчает реконструкцию и планировку городов. В США, наоборот, города

стремятся от собственности на землю – приобретенной выкупом в районе реконструкции или конфискованной за неуплату налогов – как можно скорее избавиться. В России сегодня довольно бойко идет торговля пригородными участками для дач и индивидуальных домов, причем подмосковные цены – порядка от 25 до 100 тыс. долларов за гектар – лишь примерно наполовину отстают от цен в пригородах Нью-Йорка. Но приватизация городских земель находится в самом зачаточном состоянии, и налицо склонность следовать скорее скандинавскому образцу.

Исходная предпосылка здесь та, что важно приватизировать квартиры, помещения и здания, сохраняя при этом общий массив земли в городском владении. Что же касается земельной ренты – той прибыли, которую приносит владельцам частных помещений сам участок земли и его месторасположение, а не их труд, капитал и прочие факторы производства, – то свою долю этой прибыли город рассчитывает получить, взимая арендную плату за землю. Есть здесь и та мысль, что, взимая арендную плату, город якобы сможет получить большую долю земельной ренты (или даже всю ее!), чем если он будет облагать налогом частных землевладельцев.

Но на деле идея аренды всей городской земли под приватизированными зданиями наталкивается на ряд трудностей, экономических и юридических, которые делают ее непривлекательной, особенно в российских условиях.

1) Будучи сегодня монопольным владельцем застроенной земли, город лишен возможности знать реальную, рыночную цену каждого участка, а, следовательно, и возможности установить арендную плату, которая не будет произвольной: завышенной или заниженной. Единственный способ установить ее для отдельных участков – это аукцион, на ко-

тором состязаются несколько потенциальных арендаторов, и получает участок тот, кто готов платить самую высокую цену, выполняя при этом различные условия, оговоренные в договоре об аренде. Но этот способ применим только для немногих ключевых участков, за которые готовы состязаться многие арендаторы. Такого рода состязательные торги за аренду у города отдельных стратегически расположенных участков практикуются и в США, но представляют собой исключение. Если же речь идет не о нескольких, а о многих сотнях тысяч земельных участков в городах современной России, то невозможно себе представить, откуда возьмется достаточное число участников таких торгов. Между тем рынок приватизированных квартир и конторских помещений (равно как и пригородных земельных участков) уже успел за три года достаточно развиться, чтобы топография цен на нем стала вполне предсказуемой. Чисто арифметически, когда есть множество потенциальных продавцов-покупателей, то и состязательных рыночных сделок между ними возникнет гораздо больше, чем если один монополист-продавец объявит продажу (в данном случае, сдачу в аренду) всех своих участков. А для выяснения рыночной цены важна именно множественность состязательных сделок. Поэтому можно предвидеть, что более или менее автоматическая приватизация земли под приватизированными зданиями создаст и активный рынок на землю. Тогда в соответствии с выяснившимися ценами на землю можно будет установить и налог на землю, который не будет произвольным, а будет соответствовать реалиям рынка. И город, не обманывая ни себя, ни землевладельцев, сможет получать свою долю земельной ренты.

2) При отсутствии активного рынка на землю невозможно избежать произвольных и, следова-

тельно, экономически вредных (уменьшающих общее благосостояние) цен на землю – в данном случае, ставок арендной платы. Последние могут принимать самые невероятные формы – от цифр, взятых просто "с потолка", до таких примерно "решений": поскольку, мол, цена на землю отражает ту прибыль, которую эта земля может дать, и поскольку в каких-то странах стоимость земли составляет до 20% национального достояния, то 20% от прибыли каждого предприятия и будет его арендной платой за землю. Не трудно догадаться, что в таком случае земельный налог подменяется налогом на прибыль, то есть именно тем, против чего восставал Генри Джордж и его последователи – сторонники единого налога на землю, на которых сегодня ссылаются адепты аренды.

Но приведенный пример отражает тот факт, что в условиях инфляции и даже просто меняющихся цен, ни арендная плата, ни налог на землю не могут быть выражены в постоянных денежных величинах. В договорах об аренде может, конечно, быть обусловлена индексация арендной платы, но тогда встает вопрос – в соответствии с чем? Цены на землю не обязательно шагают в ногу с потребительскими ценами. А если нет рынка на землю – то в соответствии с какими ценами? Оставлять индексацию на произвол городских властей вряд ли уважающий себя арендатор согласится. В теории можно себе представить краткосрочную аренду и периодические аукционы всей земли, скажем, каждые 4 года. Но на деле, помимо административных трудностей, такие периодические аукционы крайне дестабилизируют положение арендаторов земли, лишают их уверенности в будущем, от которой зависят капиталовложения. Можно себе представить и статистическое вычисление вмененной

стоимости земли, исходя из рынка на квартиры и нежилые помещения. Но, если фактическим собственником земли останется город, такая оценка будет далеко не полной.

В практике же налогов на недвижимость есть устоявшаяся система реакции на меняющиеся цены. Процентные ставки налога определяет городская дума или соответствующее ей местное законодательное учреждение. В практике США ежегодный налог на недвижимость составляет около 1% ее фактической рыночной цены, но бывает и ниже, и выше. И существует профессия оценщиков недвижимости. Возникла она уже и в России. Оценщиков могут нанимать как частные лица, так и городские власти. Последние периодически заказывают у них переоценку недвижимой собственности, находящейся в частном владении. Переоценка делается на основании статистических моделей, в которые оценщик периодически вносит новейшие данные о состоянии недвижимости и продажных ценах на нее. Она может делаться ежегодно, если цены меняются быстро, реже – если они устойчивы. На основании этой переоценки город пишет собственникам: стоимость вашей недвижимости поднялась (или упала); поэтому при сохранении прежней налоговой ставки, одобренной городской думой, в будущем году ваш налог на недвижимость будет не таким-то, а таким-то. Если вы возражаете, можете апеллировать в городскую комиссию по переоценке. Если у собственника достаточно оснований оспорить решение, он их представит комиссии лично или наймет адвоката (что дороже, но скорее обещает успех). Наиболее надежным основанием для пересмотра решения могут служить недавние продажные цены другой недвижимости, по своим характеристикам подобной той, о которой идет спор, или же фактические ошибки в оценке.

Конечно, все эти процедуры не застрахованы от злоупотреблений, но во всяком случае наличие независимого от городских властей рынка недвижимости скорее приблизит выплаты городу к реальности, чем арендная плата владельцу-монополисту.

3) Приведенные соображения поднимают более широкий вопрос о правах собственности. Пока что в России права собственности слабо защищены, но, во всяком случае, есть хотя бы конституционные основания считать, что они более надежны, чем арендно-договорные отношения с городом. Конечно, можно себе представить арендный договор на 99 лет с полными правами субаренды и продажи прав субаренды, с компенсацией арендатором в случае нарушений условий аренды, с тщательно оговоренными условиями изменений арендной платы и т. д., который по своему содержанию мало чем будет отличаться от права собственности. Но в условиях нынешней юридической неустроенности и многочисленных лазеек для злоупотреблений, простое право собственности на землю под собственным зданием представляется владельцу недвижимости и проще, и надежней. И с точки зрения города, оно административно значительно проще, требует меньше квалифицированного труда, что при дефиците юридически, бухгалтерски и экономически подготовленных кадров — немаловажно.

Налог на недвижимость или на землю?

Среди многочисленных иностранных экономических "проповедников", появившихся у нас в последние годы, в сфере городской политики наиболее заметны сторонники упомянутого ранее Генри Джорджа (1839-1897), американского философа-экономиста, полагавшего, что единст-

венным налогом в стране должен быть налог на землю, а налоги на труд, на капитал и на потребление должны быть отменены. Буквально эта идея не применима уже потому, что в современных условиях земельной ренты едва ли хватит на то, чтобы оплатить все государственные расходы. С другой стороны, Джордж был сторонником частной собственности и вовсе не утверждал, что государство или город должны всей землей владеть. Он лишь считал, что им причитается тот доход, который земля приносит, то есть земельная рента, которую следует взимать путем налогов на частных владельцев. В корне замысел Джорджа не лишен оснований, которые мы постараемся изложить в современных понятиях.

Начнем с того, что ни один налог не остается без последствий, а вызывает свои издержки. Повышая цену на то, что налогом обложено, налог тем самым сокращает спрос на данный предмет (равно как и прочие предметы частного спроса, поскольку у покупателя остается меньше средств) и повышает спрос на его заменители. Поскольку заменитель, по природе своей, менее желателен для покупателя, последний несет не компенсируемые ничем потери (математическую теорию потребительского спроса разработал в 1915 году русский экономист Евгений Слуцкий (1880–1948)*, незаслуженно забытый в своем отечестве). Сдвиг спроса от облагаемого налогом предмета на его заменители зависит от эластичности спроса на данный предмет. Эластичность спроса по отношению к цене – это процентное изменение количества покупаемого товара, деленное на процентное изменение в цене. Если спрос

* А еще через сорок лет после его смерти в "Грани" пришла из России подборка его замечательных стихов.

мало эластичен, налог мало изменит потребление, если же эластичность большая, то он изменит потребление значительно.

Эластичность спроса и предложения вызывает кроме того сдвиг бремени налога с того, кто его юридически обязан платить, на его контрагентов. Например, предприниматель будет стараться сократить бремя своих налогов, платя меньше своим рабочим и повышая цену на свою продукцию; в итоге, налог в значительной мере сместится на его рабочих и покупателей. При этом сдвиг этот всегда происходит в сторону факторов производства, у которых меньшая эластичность. В городских условиях эластичности спроса – и избежанию городских налогов – способствует тот существенный факт, что последние недействительны за городской чертой и от них можно (в зависимости от удобства транспорта) уйти, изменив место своей деятельности или покупок.

Так, городской налог на прибыль (то есть на капитал) не только уменьшает привлекательность капиталовложений в городе, но и способствует их утечке за его пределы. Городской налог на розничную торговлю не только уменьшит ее объем, но также будет способствовать утечке ее в пригороды. Если ввести городской подоходный налог, то это не только сократит доходы работников, но и будет способствовать их поиску работы за городской чертой. Если обложить налогом здания, сократится объем нового строительства и будет поощряться строительство за городом. **Единственное, что из города никуда не уйдет, это земля.** К тому же, землю можно обложить налогом и быть уверенным, что землевладелец ни на кого иного этот налог не переложит, а будет платить его сам: предложение земли в городе – неизменно, то есть полностью неэластично. Для своей хоть какой-то компенсации

у землевладельца будет только один выход: он вынужден будет повышать **интенсивность** использования своих участков, то есть в сельских условиях – повышать урожайность, а в городских – повышать плотность застройки.

Таким образом, поземельный налог уместен в тех случаях, когда земля используется недостаточно интенсивно, и в тех городах, где цель домостроительной политики – повысить плотность застройки (что имеет место во многих городах США и Австралии, где наблюдается упадок городских центров или просто очень низкая плотность застройки). С другой стороны, поземельный налог может быть опасен для исторических районов с невысокой застройкой, и, если город заинтересован в их сохранении, он должен обеспечить им соответственные налоговые льготы.

Помимо градостроительного, поземельный налог имеет еще и социальное измерение и пропагандируется в замену более привычной системы налога на недвижимость – то есть на землю и здания в целом.

Аргументация здесь такова. Здание создается трудами и капиталом его владельца, и налог на здание "экспроприирует" в какой-то мере частную собственность. Ценность же городской земли заключена в первую очередь в ее доступности, а доступность, как мы видели выше, создается не трудами владельца, а обществом в целом: размещением населения, транспортной системой, которая тоже оплачена обществом, и привлекательностью городских услуг, которые, опять же, оплачиваются налогами. Поскольку поток всех этих созданных обществом благ в значительной мере капитализируется в земле, то обществу же, в данном случае городу в целом, и должна причи-

таться земельная рента. Несправедливо, если ценности, созданные обществом в целом, попадают в карман владельцам земли. В этом – рациональное зерно теории Генри Джорджа. Принимая это рациональное зерно, необходимо, однако, сказать (или повторить) следующее.

1) В современных условиях налог на землю едва ли может быть единственным налогом, но лишь одним из налогов, хотя экономически и социально весьма привлекательным и, возможно, основным. Упомянутое выше явление эластичности подсказывает, что цены и экономические отношения будут искажены меньше (да и взимаемость налогов будет лучше), если будет несколько невысоких налогов, чем один – высокий. Но в силу неэластичности предложения земли поземельный налог из этого правила в значительной мере исключен.

2) На Западе сторонники поземельного налога стремятся, в основном, заменить им налог на недвижимость, то есть освободить от налога здания, повысив при этом налог на землю. Градостроительная задача, которую они при этом ставят, это повышение плотности городской застройки и оживление строительной деятельности в городах.

3) При этом они сталкиваются с двумя трудностями, а именно: недвижимость (земля и здания) продаются обычно в одной "корзине", и отделение цены одного от цены другого не всегда бесспорно (просто установить цену лишь незастроенных участков); к тому же, изменение налоговой системы ведет к перераспределению доходов, результаты которого трудно предсказать и которое поэтому политически рискованно. Мелкие земельные владельцы боятся изменения налоговой системы, подозревая в нем очередной "коварный замысел" городских властей. Они боятся того, что повышение

налога на землю заставит их со временем свои односемейные дома продавать в пользу многоэтажной застройки. Владельцы же пустующих участков, которые не получают с них текущего дохода, видят в поземельном налоге обложение нереализованной еще прибыли и не желают платить налоги как бы вперед. Тем не менее, опыты понижения налогообложения зданий при одновременном повышении налогообложения земли дали (в Питтсбурге после 1980 года и в других городах), в общем, положительные результаты, оживив строительную деятельность в пределах городской черты. В Австралии результаты видны меньше просто потому, что ставки налога там очень низкие.

4) Поскольку улучшения транспортной системы (новые станции метро, новые автострады) повышают цену доступных к ним земельных участков, затраты на такие общественные работы можно отчасти (отчасти потому, что не весь выигрыш от доступности оседает в земле, часть его перепадает потребителям транспорта в виде не оплаченного ими излишка) покрывать налогом на "облагодетельствованные" участки земли. Принципиально справедливое, это решение осложняется опять-таки практической трудностью вычисления ставок такого налога, то есть выяснения, какой участок сколько выиграл от улучшения транспорта. И хотя требующиеся эконометрические модели и нужная им вычислительная техника сделали за последнее десятилетие крупные шаги вперед, даваемые ими результаты еще далеки от непогрешимости.

5) Экономически реальное и справедливое, а не произвольное налогообложение земли требует прежде всего рынка на землю и рыночных цен. Поэтому в российских условиях приоритет принадлежит формированию основанного на частной собственности рынка на землю; лишь когда он сложится,

можно будет приступать к созданию системы земельного налога.

Земля под многоквартирными зданиями

Осуществить приватизацию земли под зданиями, принадлежащими одному владельцу, не представляет принципиальных трудностей. Ее и следует проводить в первую очередь, безотносительно к тому, является ли владельцем частное лицо, коммерческое предприятие, кооператив или общественное объединение. Причем городу особенно не следует беспокоиться о том, что он "продешевит" при приватизации. Когда сложится рынок на землю, он свою долю получит посредством взимания земельного налога. Но вот многоквартирные дома, в которых приватизированы квартиры, представляют трудность. Кто владец земли под зданиями, в которых множество частных квартир, и кто за них отвечает? Почему за них должен отвечать город, если квартиры частные? Одно из возможных решений здесь видится в сравнительно новой в западной практике форме владения, а именно "товариществах совладельцев" или, пользуясь англо-латинской терминологией, "кондоминиумах". Формирование таких товариществ требует государственного законодательства и государственной санкции по той причине, что эти объединения не могут быть полностью добровольными, чтобы владельцы квартир не могли избежать участия в содержании вышеперечисленных "общих элементов". По инициативе из Санкт-Петербурга, такое законодательство готовится сегодня и в России (см. Н. Н. Журавский "Современная жилищная политика". ж. "Посев" № 1421, сентябрь-октябрь 1994, с. 33).

Товарищества совладельцев принципиально отличаются от кооперативов тем, что они не пред-

ставляют собой как бы единого коллективного владельца, а каждый владеет квартирой как личной собственностью, на тех же основаниях, как и собственным домом. Но помимо квартиры, ему лично принадлежит и пропорциональная размеру квартиры доля общих элементов, в том числе и земли. Каждый владелец лично отвечает перед городскими властями за уплату налогов со своей собственности, товарищества это не касается. Но помимо городского налога на недвижимость (или на землю) он платит ежемесячные взносы в свое товарищество, которое отвечает за исправность лифтов, чистоту лестниц, своевременный вывоз мусора, благоустройство прилегающей к дому территории и так далее. Основные решения (утверждение бюджета, правил общежития) принимаются общим собранием всех владельцев; они же избирают правление, работающее на общественных началах. Правление, в свою очередь, нанимает платных работников, таких, как управдома, вахтеров, сантехников, убоиц, и дает подряды специализированным фирмам (строительным, ремонтным, садоводческим). Все эти расходы оплачиваются взносами совладельцев. Последние заинтересованы в том, чтобы их собственность не упала в цене, а следовательно, и в том, чтобы "общие элементы" содержались в хорошем состоянии. Товарищество совладельцев представляет собой как бы первичную ячейку городского самоуправления и служит школой гражданской ответственности.

Минимальный размер товарищества совладельцев должен быть такой, чтобы была вероятность найти среди жильцов дельных людей, готовых войти в правление на безвозмездных началах (часто это бывают пенсионеры еще деятельного возраста) и чтобы производительно занять наемных работников. Удельные расходы по эксплуатации достаточно крупного комплекса квартир обычно бывают

ниже, чем маленького. Максимальный же размер – такой, чтобы сохранялась известная мера личных отношений и чтобы товарищество не превратилось в бюрократическое ведомство. На практике в товарищество входят от сотни до тысячи квартир, связанных своим расположением: дом, группа домов, квартал.

Пока не все квартиры в данной группе домов приватизированы, город или застройщик – в качестве владельца неприватизированных квартир – будет представлен на общих собраниях, но в принципе он будет стремиться поощрять полную приватизацию. При этом неизбежно возникнет вопрос о малоимущих жильцах, которые, с одной стороны, не в состоянии платить и взносы в товарищество совладельцев, и городские налоги, а с другой, не видят возможности продать свою квартиру и приобрести себе такую, которая им по средствам.

Во многих западных странах в течение многих десятилетий вопрос малоимущих жильцов решался путем так называемого "социального жилищного строительства", то есть домов, принадлежащих государству, городу или некоммерческому общественному объединению, в которых лица с доказательно установленным низким доходом могли – в порядке очереди – получить удешевленное жилье. Но практика эта повсеместно привела к нежелательным социальным последствиям: сосредоточению бедноты, "проблемных семей" и расовых меньшинств в построенных с государственной помощью гетто. Поэтому последнее время всё больше утверждается точка зрения, что субсидировать надо не строительство жилья, а индивидуальных потребителей, то есть семьи. Получая жилищное пособие, малоимущая семья свободна сама выбирать свое место жительства, избегает при этом проблем концентрации себе подобных и скорее интегрируется в общество.

С точки зрения экономической теории, если налоги наиболее эффективно возлагать на ту сторону, у которой наименьшая эластичность спроса или предложения, то субсидии, наоборот, достигают наибольшего эффекта, если они даются стороне с наибольшей эластичностью. В данном случае, эластичность спроса на жилье больше, чем эластичность предложения, и потому целесообразно субсидировать спрос, то есть нуждающихся жильцов, а не жилищное строительство. Это сократит общую сумму необходимой субсидии. Таким образом, возвращаясь к проблеме малоимущих жильцов в товариществах совладельцев, для них должна быть разработана система налоговых льгот и жилищных пособий или доплат, позволяющая им жить более или менее на своих местах. На переходный период, пока такая система недостаточно развита, город может оставаться владельцем части квартир в товариществах совладельцев и, таким образом, доли находящейся под ними земли.

Выделяя землю товариществам совладельцев, следует учитывать существующие разрывы между домами: в тех случаях, когда они излишне велики и допускают выделение дополнительных строительных участков, следует оставлять таковые в собственности города на предмет будущей продажи частным застройщикам. Возможен и такой вариант: товарищество совладельцев голосует за продажу части окружающего дом участка (если это позволяют строительные нормы) и таким путем приобретает средства, допустим, на капитальный ремонт.

Фактические источники городских доходов

Сколь ни убедительны аргументы в пользу городского налога на землю, а не на недвижимость, на практике поземельный налог пока что применяется редко: города Европы и Америки облагают

налогами всё, что могут. Сравним источники доходов Москвы и Нью-Йорка, городов сопоставимого масштаба. В первом 9,4 млн. населения проживает на 990 кв. км. земли, во втором – 7,5 млн на 780 кв. км. Таким образом, не только численность населения, но и плотность его в пределах городской черты – около 9 с лишним тысяч человек на квадратный километр – весьма похожи. Сходно в настоящее время и централизованное административное устройство: мэр и городской совет (дума) без самоуправляющихся единиц более низкого уровня (в полную противоположность Лондону, где центрального городского правительства теперь вообще нет, а есть 33 местных муниципалитета). Ниже мы приводим финансовые данные на 1993 год в Москве и 1991 год в Нью-Йорке.

	<u>Москва</u>	<u>Нью-Йорк</u>
Налоги на доходы с предприятий	54%	12%
Подоходный налог	15%	10%
Налог на добавленную стоимость (или продажи)	8%	9%
Налог на недвижимость (в том числе на землю)	---	27%
Итого налоги	77%	58%
Взносы вышестоящих уровней правительства	10%	34%
Плата пользователей за городские услуги	13%	8%
Итого	100%	100%
Общий бюджет	3.012.804 млн руб.	27,5 млн дол.

Табл. 1. Источники городского дохода в Москве и Нью-Йорке

С точки зрения теории желательно, чтобы любой налог удовлетворял ряду требований. Он должен быть: 1) по возможности **нейтральным**, то есть как можно меньше искажать сложившиеся на рынке соотношения цен (за исключением случаев, когда он вводится с целью сокращения нежелательных явлений, например, потребления табака); 2) **взимаемым и административно простым**, то есть таким, что избежать его должно быть трудно, а расходы по сбору его должны быть невелики; 3) **гибким**, то есть естественно изменяющимся с изменением цен; 4) **политически ответственным**, то есть налогоплательщику должно быть ясно, кому и за что он платит; 5) **нерегрессивным**, то есть он не должен ложиться на малоимущие слои населения более тяжелым бременем, чем на зажиточные. В свете этих критериев и следует рассматривать вышеприведенную таблицу.

Прежде всего бросается в глаза, что налоги на предприятия дают более половины московского бюджета и лишь 12% нью-йоркского. Это в какой-то мере наследие советского периода, когда государство перехватывало всю прибыль предприятий и административный аппарат был для этого отработан. Но налог на предприятия – какие бы формы он ни принимал – это по-существу налог на производство, на капитал, экономически самый разрушительный налог, подавляющий хозяйственную деятельность, тормозящий вложения капитала и поощряющий его утечку. По мере того, как разовьется конкуренция и подвижность предприятий, он станет в таком объеме невыносим, и замену ему готовить необходимо.

Подходящий налог умеренно пополняет бюджеты обоих городов и встречает, в основном, то возражение, что сбор его административно отнюдь не прост: большая доля необъявленных доходов

населения от него ускользает, что ведет к неравномерности и несправедливости налогообложения.

Налог на добавленную стоимость НДС – в принципе экономически довольно нейтральная и административно несложная форма налога на потребление – дает лишь 8% московского бюджета, что – при его высоких ставках – вызывает сильное подозрение, что сбор его плохо организован. В Нью-Йорке, как и вообще в США (в противоположность Европе), НДС нет, а есть налог на розничную продажу, ставка которого в городе составляет 4% (плюс еще 4 % – в пользу штата). Этот четырехпроцентный налог на продажи пополняет нью-йоркский бюджет примерно в той же мере, как НДС – московский.

Налог на недвижимость в Москве отсутствует, но в Нью-Йорке представляет собой фактически налог на землю, но вычисляется он таким образом, что преобладающая его часть ложится на здания, что подавляет строительную деятельность в городе, который остро нуждается в обновлении жилого фонда. О политических препятствиях реформе этого налога речь шла выше. В Европе налог на недвижимость и на землю (Grundsteuer – в Германии) – играет значительно меньшую роль в городском бюджете – около 10%, поэтому и механизмы его взимания и переоценки менее отработаны. Это ведет к тому, что переоценка земли запаздывает, сбор налога не поспевает за ростом цен, что в свою очередь делает этот источник дохода непопулярным у городской администрации.

Нью-Йорк в три раза большей степени, чем Москва, полагается на дотации вышестоящих уровней правительства. Объясняется это отчасти тем, что над Нью-Йорком стоят два таких уровня – штат и федеральное правительство, а над Москвой – лишь один: она, по американским понятиям, сама

себе штат. Кроме того, штатные и федеральные дотации в Нью-Йорке идут в основном на социальные нужды, выравнивание уровней дохода, на не на компенсацию расходов, связанных с пребыванием там центрального правительства, как в Москве.

Наконец, взносы за коммунальные услуги – политически наиболее ответственная форма городского дохода, так как всем ясно, кому и за что они платят. Несколько бóльшая доля поступлений от взносов в Москве говорит лишь о том, что в Нью-Йорке больше таких услуг поставляется частным сектором (в частности, электричество, газ и тепло). В Москве эти услуги в значительной мере субсидируются за счет налогов на производство и прочих, что трудно оправдать иначе как временную меру.

В контексте вышеизложенного напрашивается вывод, что обоим городам, но в особенности Москве, введение четкого налогообложения земли было бы весьма полезным. Но если Нью-Йорку для этого нужна прежде всего политическая воля, то Москве в первую очередь нужна приватизация земли, которая только и может сделать землю существенной статьей дохода городского бюджета. При этом уйти от поземельного налога будет гораздо труднее, чем от налогов на прибыль или на доходы. Не в пример денежным доходам, скрыть владение землей от города нельзя, а реальные цены будут публиковаться в прессе и в объявлениях так же, как публикуются сегодня цены на квартиры.

Землепользование и цены на землю

Если в рыночных условиях цены на землю в основном определяют вид землепользования, то небезынтересно посмотреть, чем общий баланс территории "социалистической" в прошлом Москвы отли-

чается от такового в городе Нью-Йорке и в его выросших преимущественно в автомобильный век пригородах. Население последних почти вдвое превышает население города, а застроенная территория их сегодня превышает таковую города в 16 раз, свидетельствуя о примерно десятикратном снижении плотности застройки на подвластной автомобилю территории. Незастроенные земли – сельскохозяйственные или пустующие – из приводимой ниже таблицы исключены.

	<u>Москва</u>	<u>Н.-Й.</u>	<u>Пригороды Н.-Й.</u>
Селитебная территория	55%	36%	41%
Нежилая территория*	18%	20%	12%
Дороги, улицы, проезды	8%	26%	13%
Парки и озелененные пространства**	19%	18%	34%
Итого	100%	100%	100%
Занятая территория (в кв. км.)	963	736	
14.545			
Застроенная территория (в кв. км.)	779	600	9.550

* Промышленность, торговля, услуги

Табл. 2: Баланс занятой территории в Москве, Нью-Йорке и в пригородах Нью-Йорка (на 1989 год)

Как видно из таблицы, доля земли, отведенная под парки и общественные озелененные пространства в Москве и Нью-Йорке примерно одинакова; разница социальных систем на ней не сказалась. В пригородах Нью-Йорка эта доля вдвое больше, по-

сколько там находятся обширные лесопарки, принадлежащие штату, и городские территории водозабора. Площадь этих озелененных пространств в 8 раз превышает застроенную территорию города.

Дороги и улицы в Нью-Йорке в условиях прямоугольной планировки, унаследованной от XIX века, занимают втрое больше земли, чем в Москве. Планировка эта часто критиковалась как неэкономичная в использовании земли, но сегодня она допускает высокие плотности автомобильного движения на квадратный километр, которые невозможны в Москве, несмотря на всю ширину ее главных улиц. Низкий процент уличного пространства в Москве решительно ограничивает возможности автомобильного движения и владения автомобилем. К тому же, городские автострады, не пересекающиеся с улицами в одном уровне, несут в Нью-Йорке более трети всего автомобильного движения (протяженность таких автострад в черте города Нью-Йорка 350 километров по сравнению со 111 километрами московской кольцевой автодороги – единственной своего рода в городской черте).

В пригородах Нью-Йорка дороги и улицы занимают вдвое меньшую долю земли, чем в городе, но, учитывая в десять раз меньшую плотность населения, последнее снабжено ими еще более щедро. Поэтому автомобиль в пригородах и может быть почти исключительным средством передвижения. На 100 человек населения Нью-Йорка сегодня приходится около 30 автомобилей (включая грузовые), а в пригородах – более 80! Владение автомобилем прямо пропорционально доходу и обратно пропорционально плотности населения.

Нежилая территория – земли под конторскими, торговыми, складскими и промышленными помещениями – занимают одну пятую площади в Нью-Йорке, примерно столько же, сколько и в Москве.

Во всех трех случаях жилая (селитебная) территория представляет собой господствующий вид городского землепользования. И здесь интересны не столько точные проценты занятого под жилье городского пространства, сколько распределение плотности жилья на нем. Нью-Йорк характерен крутым уклоном плотности. В деловом центре города есть плотности, достигающие 1200 квартир на гектар участка; средняя плотность жилья в Манхэттене в целом – около 500 квартир на гектар участка. А на окраинах города можно найти застройку односемейными домами с плотностью порядка 10–25 квартир на гектар. Треть всего жилого фонда города составляет малоэтажная застройка, в которой на один дом приходится от 1 до 4 квартир. Этот крутой уклон создан топографией цен на землю и ее изменением в соответствии с исторически менявшейся технологии транспорта. Малоэтажная застройка на окраинах – в основном, продукт автомобильного века, периода после 1930 года, районов, куда так и не успело дойти метро.

В Москве уклон (или градиент плотности) в свойственной своему веку мере тоже наблюдался в дореволюционный период, но после упразднения рынка и цен на землю возобладали идеи некоей "оптимальной" плотности застройки, не зависящей от доступности участка и одинаковой для всех. На самом деле люди разные – одни готовы тратить много времени, чтобы жить на загородном участке, другие, наоборот, не стремятся видеть из окон много зелени или снега, а хотят жить в центре. К тому же "оптимальная" плотность вычислялась при помощи государственных, то есть произвольных цен на строительство и подвод инженерных коммуникаций. Таким образом, сегодня мы видим на окраинах Москвы 30-этажные дома при сохранении малоэтажной застройки в центре. Если же

пролистать объявления о продаже квартир в газетах, то бросается в глаза разница между ценами на квартиры в центре и на окраинах. Получасовой поездкой на метро такую разницу не объяснить; ведь куда труднее поездка на автобусе до станции метро. А объясняется она частично тем, что спрос на квартиры, близкие к центру, не удовлетворен из-за крайне пологого уклона плотности застройки.

Городская планировка в условиях рынка

Если именно рыночная цена на недвижимость и на землю наиболее эффективно размещает в пространстве землепользователей, то встает вопрос, в чем же заключается роль городской планировки? Раз есть рынок, размещающий всех куда надо, то зачем она нужна? Говоря отвлеченно, нужна она по крайней мере по двум причинам. Во-первых, потому, что рыночная цена на недвижимость и на землю не возникает произвольно, а зависит от доступности, которую формируют капиталовложения в транспорт, сделанные обществом в целом. Планируя тот "скелет" путей сообщения, на который "надета" доступность городской земли, городское (или областное, региональное) управление задает развитию расселения основные стратегические направления в пространстве. К тому же, помимо транспорта и инженерных коммуникаций, существует значительный сектор благ и услуг общего или квази-общего пользования, которые не подпадают под критерий рыночной цены, но которые также следует размещать продуманно. Сюда прежде всего относятся открытые пространства – парки, запovedники, водоемы, которые сознательно исключены из рыночного сектора, равно как и услуги общего пользования, начиная с милицеских участков и кончая школами и больницами. Их размещение –

тоже задача городской планировки, они тоже формируют "скелет", или социальную инфраструктуру города. Таким образом, за городскими органами остается задача планировки и размещения функций на остающейся в собственности города земле.

Во-вторых, не менее важно и то, что в рыночном секторе возникают упомянутые ранее "внешние издержки", – когда частные владельцы мешают друг другу или обществу в целом, – которые надо сводить к минимуму. Это в основном – задача зонирования и других правил землепользования, которые ограничивают владельцев по принципу "право употребления, но не злоупотребления". Таким образом, вторая задача органов городской планировки – это разработка правил землепользования на земле частных владельцев.

Чтобы проиллюстрировать зависимость рынка на землю от тех рамок, в которые он поставлен, сошлемся на некоторые результаты крупномасштабного исследования цен на землю, начатого в конце 80-х годов под руководством автора и законченного его сотрудниками*. Оно содержит, среди прочего, статистический анализ методом множественной регрессии цен на выборку 6600 незастроенных участков, проданных в городе Нью-Йорке в 1985–88 годах. То, что участки не застроены, помогает видеть их цену в чистом виде, не смешанной с ценою здания. Из нескольких десятков переменных, могущих повлиять на цену участка, статистически значительными оказались следующие семь: 1) близость к деловым центрам среднего и нижнего Манхэттена; 2) процент населения с доходом ниже черты бедности вокруг участка

* Alex Anas, Regina Armstrong: Land Value and Transit Access. Prepared at Regional Plan Association for Federal Transit Administration, Report No. FTA-NY-06-0152-1, New York, 1993. 136 pp.

(отрицательно влияет на цену); 3) близость к станции метро (не по прямой линии, а по маршруту пешехода); 4) близость к водным пространствам; 5) близость к паркам; 6) плотность рабочих мест вокруг участка; 7) индекс преступности вокруг участка (отрицательно влияет на цену). Так, например, приближение к центру среднего Манхаттана на каждые 100 метров в среднем повышает цену квадратного метра земли на 480 дол.; приближение к центру нижнего Манхаттана – соответственно на 300 дол.; приближение к станции метро на 100 метров в среднем повышает цену квадратного метра земли на 150 дол., при средней цене всех обследованных участков около 1600 дол. за кв. м. Поскольку расстояние от окраин до обоих центров города – свыше 20 километров, – то на этом расстоянии наблюдается более чем 200-кратный перепад цен на землю. Что и отражается на резком уклоне плотности застройки.

Дальнейшие варианты множественной регрессии показывают, что цены на землю под помещениями розничной торговли растут по мере приближения к станциям метро примерно так же, как цены на незастроенные участки; цены на землю под конторскими зданиями – значительно более резко, а под жилыми домами – менее резко. Конторским зданиям близость к метро важнее, чем жилым. Кроме того, цены на землю сильно растут по мере приближения к подземным станциям метро и мало – к надземным. На каждые 100 метров расстояния от станции туннеля, последний увеличивает цену на землю на 113 дол. за квадратный метр больше, чем надземная линия метро. Доступность, создаваемая надземными линиями таким образом в значительной степени "съедается" внешними издержками этих линий – их шумом, медленностью и неблагоприятностью. Узловые, пересадочные станции метро сильнее повышают цену, чем простые. В Нью-Йорк-

ских условиях, где поезда ходят довольно редко и не всегда регулярно, характеристики движения на отдельных линиях (объем пассажирского потока, частота движения, его регулярность и наличие нового подвижного состава с охлажденным летом воздухом, — что важно при летней тридцатиградусной жаре) тоже статистически отражаются на цене на прилегающую к ним землю.

Хотя эти отношения основаны на нью-йоркских данных, они покажутся логичными жителям Москвы или Санкт-Петербурга, уже привыкшим к тому, что цены на квартиры (отражая вмененную цену на землю) зависят от близости к центру, к станциям метро, равно как и от близости к паркам и водным пространствам, отражая "экологическое состояние". Всё это подтверждает нашу исходную посылку о том, что топографию цен на землю создают те, кто планирует и строит транспортные сети, принимает решения о расположении городских центров и подцентров, размещает озелененные пространства. И хотя средоточия бедноты и преступности, отрицательно сказывающиеся на цене, и возникают в какой-то мере стихийно, социальные и правозащитные меры, принимаемые государством для того, чтобы сократить эти явления, отражаются, если они успешны, и в повышении цены на землю. Качество предоставляемых обществом услуг нетранспортного характера тоже капитализируется в земле.

Таким образом, можно вроде бы сказать, что главная забота планировщика — это создать каркас уличной и транспортной сети, с одной стороны, и открытых пространств, с другой, и предоставить рыночному сектору заполнять пространство между ними как он знает, в зависимости от созданной ими топографии цен на землю. В принципе, это верно, за тем лишь исключением, что в рыночном секторе возникают внешние издержки, смысл которых

обойти строительные правила и нормы зонирования, ограничивающие права владельца и застройщика. Формирование этих правил – вторая основная задача городской планировки. При этом спорным остается вопрос, как далеко эти правила должны идти и в каких делах органы планировки действительно более компетентны, чем рынок. Если рынок задавлен ненужными правилами, то страдают от этого все и создаются лишние возможности для злоупотреблений.

Законы о зонировании обычно регулируют: 1) **вид землепользования** – как, например, жилая застройка, розничная торговля и услуги, конторские здания, оптовые склады, легкая или тяжелая промышленность; 2) **плотность застройки**, выраженную допустимым числом квадратных метров здания на квадратный метр участка или числом квартир на гектар селитебной территории; 3) **размещение здания на участке**, то есть отступ от красной линии, расстояние от границ участка или от соседних зданий, размеры двора, озелененного пространства; 4) **общую форму здания**, то есть высоту фасада по отношению к ширине улицы, возможные отступы, высоту карнизов, этажность; 5) **правила доступа**, то есть число стоянок для легковых машин под землей или на земле, въезды для грузовиков и пожарных машин, наличие и число лифтов, пандусы, позволяющие инвалидным коляскам избегать лестниц; 6) **эстетические характеристики**, такие, как размер и характер коммерческих афиш на здании или на участке, а в зонах исторической охраны – подбор облицовочных материалов и архитектурное соответствие сложившемуся облику.

Одним из исходных стимулов для введения правил регулирования застройки на частной земле в конце XIX и начале XX века было неразбочивое

смешение **видов** городского землепользования: бойни и склады горючего, кузницы и трактиры строились вперемешку с жилыми домами, причиняя последним и неудобства, и опасности. Так возникла идея деления городской территории на **зоны** — здесь жилая, здесь торговая, здесь конторская, а здесь промышленная, и возник термин "зонирование". Но планировка зачастую зашла слишком далеко по пути сегрегации различных пользователей, создав стерильные, однородные районы; например, районы конторских зданий, которые оживают лишь с девяти до шести и замирают по вечерам, жилые районы, где, кроме тысяч одинаковых односемейных домов на одинакового размера участках, ничего нет, торговые центры, окруженные в нерабочие часы пустыней автомобильных стоянок. В США порой даже запрещено размещать магазины на первом этаже жилых домов — помещения для них часто приходится строить отдельно. Только в последнее время начала пробивать себе дорогу мысль, что во многих случаях **смешанное пользование** предпочтительно однородному и социально, в смысле оживления городского пространства, и технически, в смысле более равномерной нагрузки на инфраструктуру. К тому же, прогресс техники и правил защиты окружающей среды сделал многие ранее вредные производства безвредными, способными уживаться с остальной городской застройкой без ненужных нынче разрывов.

Поэтому географически разделять виды землепользования надо крайне осмотрительно. Нет, например, веских причин строго отделять конторскую застройку от жилой, или запрещать конторские помещения в жилых домах. Если в последних недостаточна пропускная способность лифтов, можно ограничить конторы нижними

этажами или надстроенными мансардами, доступными отдельным, внешним лифтом. Если окажется много квартировладельцев, которым такое смешанное пользование не нравится, они смогут найти себе квартиры в чисто жилых домах, а цена на квартиры в смешанных домах упадет. Это падение будет компенсироваться более высокой ценой, которую готовы платить за помещение коммерческие фирмы. Нет также никаких веских причин исключать из районов малоэтажной жилой застройки башенные многоквартирные дома. Они получают там выгоду зрительного простора и вида вдаль, а малоэтажная застройка получит выгоды повышенной плотности населения: более короткого расстояния до школ, магазинов и остановок общественного транспорта. Демографический состав населения также станет более сбалансированным. Возможен и обратный вариант — вкрапление блоков малоэтажной застройки в ненужно большие разрывы между многоэтажными домами (такие разрывы особенно заметны в новых районах Санкт-Петербурга, но здесь такое вкрапление затруднено тем, что цена на землю в таких случаях будет для малоэтажных домов, вероятно, слишком высокой.

В городах, где есть метро, идеальное место для смешанной застройки высокой плотности представляют собой участки, прилегающие к станциям — точкам наибольшей доступности. Опыт нескольких лет свободной торговли у нас показал, в какой мере розничная торговля тяготеет к таким точкам. Но, конечно, чем торговать с рук или лотков, здесь эффективнее торговать из магазинов, размещенных как на первом подземном уровне, так и на уровне тротуара. Подземный уровень можно расширить, создав дополнительное пространство и для магазинов, и для пешеходного перехода под проезжей

частью улиц. Стоимость таких сооружений могут окупить высотные здания смешанного – торгового, конторского и жилого – использования, построенные непосредственно над входами в метро и подземные переходы, которые также получают выгоды высокой доступности. В городском силуэте наличие станций метро получит свое отражение пучками таких высотных зданий, в особенности над узловыми, пересадочными станциями, объединив таким образом зрительный силуэт с реальным, функциональным. Пешеходы же получают значительные удобства – особенно в российских погодных условиях: сокращение своих маршрутов и защиту от дождя и снега.

Контрпродуктивным может быть не только слишком ретивое разделение использования зданий, но и слишком ретивое ограничение *плотности* застройки. В США, в частности, оно ведет в пригородных районах к существенным искажениям рынка на землю, к распылению мест приложения труда и перепроизводству дорогих односемейных домов на больших участках земли, в ущерб строительству более дешевых домов на малых участках. Там это вызвано фискальными соображениями мелких муниципалитетов вокруг больших городов, которые стремятся получить владельцев, платящих побольше налога с недвижимости и требующих поменьше городских услуг. В российских условиях это может быть вызвано абстрактными соображениями насчет того, что "слишком высокой" плотности нам, мол, не надо, поскольку земли у нас много. Земли много, но на рынке котируется не просто земля, а доступная земля, цена на которую обратно пропорциональна издержкам на транспорт. Так что, вопрос не в том, сколько у нас земли, а в том, сколько мы готовы тратить времени и денег на транспорт. Поэтому

плотность застройки должна соотноситься с реальными требованиями рынка на землю, с тем, за что люди готовы платить, когда у них есть выбор. Если же дополнительная плотность в самом деле вызывает дополнительные расходы со стороны общества – прокладку дополнительных инженерных коммуникаций, дополнительных линий транспорта, – то логично требовать, чтобы те, кто к большей плотности стремятся, за нее и платили. Отсюда вытекает несколько неортодоксальная идея, тоже пробивающая себе последние годы дорогу, что за право повышения плотности застройки сверх какого-то привычного уровня застройщик должен платить, то есть права эти город может продавать. Не частным образом, в пользу коррумпированного чиновника, а вполне официально, в пользу города в целом. На практике такая "плата" необязательно принимает денежную форму, а может принимать и форму передачи городу заранее оговоренных сооружений, связанных с новым частным строительством: новых входов в метро, подземных переходов, малых парков и крытых пешеходных пространств.

Другое дело, что сохранение зрительного облика *исторического центра* многих наших городов представляет собой крайне ценное "благо общего пользования", с которым рынок сам по себе не обязательно будет считаться. Но это особые случаи, для которых требуются не общие ограничения плотности, а особое городское законодательство об исторических районах, которое оговаривает перечень зданий, не подлежащих сносу, и не допускает повышения этажности и негармоничных форм архитектуры на пустующих или не имеющих исторической ценности участках этих районов.

Здесь важны два соображения. Во-первых, сохранение исторических зданий непременно в собственности города, запрет на их приватизацию

отнюдь не обеспечивает их сохранности, особенно при нынешнем финансовом положении многих наших городов. Частный капитал сможет зачастую их восстановить и содержать куда более успешно, если он найдет живое современное применение (то, что по-английски называется *adaptive re-use*) и если условия реконструкции и будущего использования будут точно оговорены в договоре специалистами по истории архитектуры. Во-вторых, если спрос на конторские или иные высотные здания в городе велик и их размещение угрожает облику исторического центра, то единственный выход – создание новых подцентров на прилегающей к центру территории, исторической или архитектурной ценности лишенной. Примерами такого решения служат подцентр La Defense в Париже, комплекс Docklands в Лондоне и неудавшаяся попытка создать Jamaica Center в Нью-Йорке.

Любой крупный город унаследовал от конца XIX века обширные складские и железнодорожные территории неподалеку от исторического центра, которые могут быть таким образом реконструированы. Но частный капитал в них по собственной инициативе не пойдет – нет инфраструктуры и нет подходящего окружения. Задача городской планировки в таком случае – найти удачное месторасположение, создать необходимую инфраструктуру – например, узел двух линий метро или скоростного трамвая, – и привлечь частных застройщиков как первоначальными налоговыми льготами, так и многосторонним договором. Под последним подразумевается то, что отдельно взятый застройщик осваивать новую территорию не рискнет, чтобы не прогореть в конкурентной борьбе. Он скажет: я готов только, если и другие тоже готовы. И городу надо будет найти нескольких крупных застройщиков, которые в иных усло-

виях были бы конкурентами, но в данном случае согласятся совместно делить риск. Как видим, и в условиях рынка органы городской планировки безработными не останутся.

Предстоящие задачи

Переход от директивной экономики к рынку в условиях России, да и других бывших соцстран осложнен тем, что он совпадает по времени и с конверсией военной промышленности, и с переходом от индустриального века к постиндустриальному, то есть с резкими сдвигами в народном хозяйстве. Они проявляются в переходе от экономики промышленного производства к экономике услуг, от фабрик и заводов – к конторским зданиям. Эти сдвиги, которые на Западе пришлось в основном на 70-е годы, даже при устоявшемся рынке проходили весьма болезненно. Правительство ФРГ до сих пор платит горнякам Гурского бассейна цены чуть ли не вдвое выше мировых за уголь, который больше не нужен. В США, в долине реки Мононгахела под Питтсбургом до недавнего времени высились к небу ржавые остовы доменных печей – былой славы американской металлургической промышленности. Промышленная пустыня окраин Филадельфии тянется на многие десятки километров перед взором пассажира поезда Нью-Йорк – Вашингтон, минующего их со скоростью 170 км в час. В самом Нью-Йорке не только опустели все причалы океанского порта, опоясавшего Манхэттен, который служил воротами в Америку в течение 300 лет, но и исчезло – за период с 1969 по 1988 год – почти полмиллиона рабочих мест в промышленности! Доля промышленных рабочих в об-

щем числе занятых упала за это время с 20% до 9%, а доля служащих в сфере финансовых и прочих услуг возросла с 32% до 43%.

Надо трезво осознать, что и нашу тяжелую промышленность, детище первых пятилеток, а то и дореволюционного времени, ждет в значительной мере та же участь. Новые же, современные заводы уйдут за город и в малые города, где удобней наладить механизированные процессы и где дешевле цены на землю, да и на труд. Громадные промышленные территории Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга запустеют. Что придет им на смену? Пока рано судить. Подождем, что скажет спрос на землю.

Но отнюдь не рано принимать решения о том, чем занять людей, как отстраивать новую градообразующую базу. Весь мировой опыт говорит об одном – на смену промышленности приходят услуги, на смену промышленным рабочим у станка – служащие в конторских помещениях. При этом не мешает вспомнить, что большинство новых рабочих мест, созданных в сфере услуг в Нью-Йорке после кризиса 70-х годов, было создано не крупными фирмами, а мелкими предпринимателями. Но для того чтобы эти рабочие места были созданы, надо, чтобы новым работникам в сфере услуг было где работать, чтобы не тормозилось, а всячески поощрялось создание новых конторских помещений. Абсурдно положение, когда арендовать квадратный метр конторской площади в Москве дороже, чем в Нью-Йорке. (В центре Нью-Йорка квадратный метр приличной конторской площади сдается сегодня за 200–400 дол. за квадратный метр, во Франкфурте-на-Майне – от 160 дол. на окраинах до примерно 400 дол. в центре.) И, конечно, крайне важно, чтобы поощрялась система образования и переквалификации, подготовляющая новых работников.

Помимо предстоящего основного сдвига – от фабричного труда к конторскому – в России уже происходит быстрое расширение сферы розничной и оптовой торговли, которая тоже создает рабочие места и которой тоже нужны помещения. При этом наглядным становится для всех тяготение розничной торговли к агломерации, к пучкованию вокруг точек наивысшей доступности, где пока что стремятся разместиться палатки и лотки. Это явление характерно в условиях конкуренции и в корне отлично от "социалистического" принципа, когда торговые точки расставлялись на территории равномерно – по столько-то штук на микрорайон размещения, – исходя из предпосылки, что каждый покупатель будет ходить только в ближайший к нему магазин. Последнее возможно лишь тогда, когда предложение товаров в них полностью одинаково. Когда же можно сравнивать ассортимент, цены и качество, то выбор легче всего осуществить, если конкурирующие торговцы находятся поблизости один от другого. При этом покупатели ходят не обязательно в ближайший магазин, а распределяются между ними согласно упомянутой выше модели тяготения, или "дискретного выбора".. И пучкование магазинов помогает им экономить время и транспортные расходы.

Таким образом, градостроительная задача – подобному естественному пучкованию розничной торговли способствовать и увязывать его с транспортной системой. Здесь можно представить себе две стадии: 1) поощрение развития вокруг станций метро и других точек высокой доступности торговых центров, состоящих из построек легких, но более постоянных и удобных, чем нынешние киоски, с навесами и крытыми пространствами для пешеходов на зимнее время, равно как и реконструкцию под магазины первых этажей близлежа-

щих жилых зданий; 2) в более отдаленной перспективе, развитие вокруг узловых станций метро высотной застройки смешанного использования, включающего розничную торговлю, с новыми подземными пространствами и переходами, о которых речь шла выше.

Предстоят и значительные сдвиги в области жилой застройки. Прежде всего, метраж жилой площади на человека в России сегодня по сравнению с развитыми странами всё еще очень низок. Не обязательно иметь 49 квадратных метров "отопливаемой площади" жилья на человека, как в США, где обилие квадратных метров отчасти объясняется дешевизной господствующей там легкой, неогнестойкой конструкции односемейных жилых домов из деревянных планок, фанеры и гипсового картона, в которых живет три четверти населения. В Европе, где больше кирпича и бетона, размеры квартир и домов скромнее. Но всё же наши нынешние 15 квадратных метров на человека — очень тесно. И естественно предвидеть, что с ростом доходов наступит значительный рост спроса на жилую площадь, даже при отсутствии роста населения. В какие-то представимые сроки объем жилой площади может удвоиться. И будет стоять вопрос, как и где она будет размещаться.

При этом с ростом платежеспособного спроса будет меняться и характер жилой застройки. Сократится спрос на высотные, панельные многоквартирные дома. Возрастет спрос на нетиповые высотные дома в центральной части крупных городов, но более всего — на односемейные дома в пригородах и малых городах. Речь здесь идет не о тех аляповатых виллах-показухах, что строятся сегодня для нуворишей под Москвой и другими крупными городами, а о спросе достаточно массовом. Если на селе и в малых городах традиционная

застройка отдельно стоящими односемейными домами (неуместно называемой у нас "коттеджной") не вызывает проблем, то массовое применение такой застройки на обширных территориях вокруг наших крупнейших городов трудно себе представить - в основном, из-за колоссальности затрат на автомобильный транспорт, инженерные коммуникации и прочую инфраструктуру, равно как и из-за отрицательных экологических последствий. Как уже было сказано выше, в пригородах Нью-Йорка (в радиусе примерно 150 километров) теперь живет почти вдвое больше населения, чем в самом городе, но занимают они в 16 раз больше застроенной земли!

Между тем, тяга к собственному дому на собственном участке земли естественна и оправданна. Сегодня она компенсируется популярностью дачных участков вблизи крупных городов, которыми владеет значительный процент городского населения. Но по мере налаживания нормального сельскохозяйственного производства нужда в них будет отпадать, а отделение места постоянного жительства от места владения землей всё больше будет восприниматься как неудобство. В США при многократно более высоком уровне доходов, но преимущественно малоэтажной застройке, сезонные дачные дома составляют лишь невысокий процент жилого фонда, в то время как у нас около трех четвертей городского населения имеет доступ к загородным участкам.

К тому же высотные многоквартирные здания очевидно неудобны для многодетных семей, и если нам, не в пример большей части человечества, не мешало бы повысить рождаемость, то следует создать для этого и подходящие жилищные условия. Поэтому стоит вопрос о поощрении таких форм односемейной застройки, которые, давая

семье свой дом и сад на собственном участке и место для игры детей и для автомобиля, в то же время создавали бы плотность застройки, не требующую исключительно автомобильного транспорта, достаточно низкую для пользования автомобилем, но и достаточно высокую для пользования общественным транспортом и для экономичной подводки инженерных коммуникаций. Такой формой являются характерные для Англии, Голландии, Германии, да и для Америки периода господства трамвая (1890–1920) односемейные, не отдельно стоящие, а пристроенные друг к другу дома в два–три этажа, с общими торцовыми стенами из огнеупорного материала (town или row houses). Выстроенные длинными кварталами "строчной" застройки, эти дома могли производить унылое впечатление, но сегодня есть достаточно архитектурных и ландшафтных приемов, чтобы такую монотонность разбить.

В современном доме такого типа первый этаж обычно занят под гараж, отопительную установку, прачечную и кладовую, комнату для детских игр или мастерскую хозяина, второй этаж – под кухню, столовую и гостиную, третий – под спальни и ванны. Подвала нет, что экономит расходы на фундамент. При желании, первый этаж можно переоборудовать под однокомнатную квартиру и сдавать. Весь участок занимает, условно говоря, около трех "соток", из них меньше трети занята домом, общая площадь которого, включая гараж и подсобные помещения, около 200–250 квадратных метров. То есть отношение площади дома к площади участка примерно 0,7–0,8, плотность – около 30 больших квартир на нетто гектар селитебной территории, или до 60 больших и малых, если малые будут на первом этаже каждого дома. Эти

параметры можно варьировать, но в принципе, эта плотность, при которой реален удобный автобусный транспорт даже в условиях высокой автомобилизации. Он, в свою очередь, может обслуживать станции пригородной железной дороги, скоростного трамвая или метро. Не говоря уже о том, что можно с удобством пользоваться велосипедом для местных поездок. Даже обслуживание солнечной энергией в сравнительно северных условиях принципиально возможно. Не надо возводить в догмат такой идеал "трехэтажной России", но вокруг крупных городов новая застройка этого типа заслуживает всяческого внимания.

Наконец, перед натиском рынка надо уберечь архитектурно и исторически ценные здания и районы, не подавляя, а используя при этом силы рынка. Помимо Петербурга и разрозненных кусков Москвы, исторической ткани городов начала XX века у нас, — как, например, в Казани, Самаре, Ярославле, — сохранилось немного, и было бы крайне трагичным, если бы то, что устояло 70 лет под натиском социализма, было разрушено силами рынка. Речь здесь идет не об отдельных исторических и художественных памятниках, таких, как храмы, о которых проявляется много заботы, а именно о сохранившейся городской ткани, порой, быть может, художественно и не особенно выразительной. Ее сохранение потребует, прежде всего, точной инвентаризации таких районов и зданий в них и разработки условий, на которых желательны их ремонт, восстановление или реконструкция. Равно как и условий, на которых допустимо вкрапление новой застройки на пустующие участки в исторических районах, взвешивая при этом художественно-исторические и коммерческие соображения. Приемы условных правил застройки,

когда общество говорит предпринимателю: мы тебе разрешаем делать то-то и то-то, если ты нам дашь то-то и то-то, сегодня достаточно отработаны и в Европе, и в Америке. Конечно, реконструкции исторических районов неизбежно сопутствует соблазн бутафорства – например, сохранения старинных фасадов при возведении за ними высотных зданий, ни интерьерами, ни объемом ничего общего не имеющих. Но когда полная реконструкция невозможна (характер спроса на площадь сегодня иной, чем был 80 лет назад), то и сохранение фасадов, зрительного пространства улиц и площадей представляет собой ценность, если старинные районы снова достойно наполняются жизнью и сохраняют "связь времен".

Прот. Михаил АРДОВ

ПРОРОКИ И ЛЖЕПРОРОКИ

Так говорит Господь Саваоф: не слушайте слов пророков, пророчествующих вам: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних. Они постоянно говорят пренебрегающим Меня: "Господь сказал: мир будет у вас". И всякому поступающему по упорству сердца своего, говорят: "не придет на вас беда". Ибо кто стоял в Совете Господа и видел и слышал слово Его? Кто внимал слову Его и услышал? Вот, идет буря Господня с яростью, буря грозная, и падет на главу нечестивых.

Иеремия, 23, 16-19

I

Первая часть Библии – Ветхий Завет излагает историю первоначальной церкви, которую составлял в те отдаленные времена богоизбранный еврейский народ. Священные книги говорят нам о том, что и успехи, и неудачи, постигавшие древний Израиль, были в прямой зависимости от религиозно-нравственного состояния людей. Как только они уклонялись от истинного богопочитания, становились идолопоклонниками, забывали Богом данные заповеди, следовали кары – войны, пленение, голод, болезни... И наоборот, если евреи каялись в отступничестве, вновь обращались к Господу, на них изливались богатые милости – избавление от поработителей, благоденствие.

Дабы поддержать в народе благочестие, предостерегать его и вразумлять, Господь посылал особенных людей – пророков, которые по внушению Святого Духа сообщали единоплеменникам волю Всевышнего, доносили до них Божественные глаголы. Но – увы! – библейская история знает не только пророков истинных, там повествуется и о многочисленных ”ложных пророках”, которые, несмотря на отступничество и безнравственность, ”вопреки Господу” возвещали нечестивым царям и народу якобы грядущие военные успехи, мир, земное преуспеяние.

Мы, христиане, сознаем себя Новым Израилем, а потому верим, что всё, о чем повествуется в Ветхом Завете, имеет преобразовательное значение для бытия нашей Церкви. Обширная и могучая Россия в свое время составляла значительную часть христианского мира, а с падением Константинополя сделалась единственной страной, где государство поддерживало Православную Церковь, а сам Государь именовался ”хранителем веры”.

Но вот в начале этого века Российскую Империю постигла такая же горькая судьба, как древние царства – Иудейское и Израильское, и, как нам представляется, по той же причине – из-за общего отступления от спасительной веры и ужасающего падения нравов. Если взглянуть с этой точки зрения на новейшую историю России, то мы легко обнаружим две категории деятелей: тех, кто предостерегал страну и народ от грядущей национальной и государственной катастрофы, и тех, кто предсказывал ”светлое будущее” и мифический ”рай на земле”. Увы! – в числе последних мы обнаружим не только нигилистов, революционеров, либералов, но также и тех, кто мнил себя истинными христианами и даже чадами Православной Церкви.

Сейчас взоры многих людей обращены в про-

шное, там выискиваются причины постигших нас неисчислимых бед и утрат, а потому представляется вполне уместным припомнить, кто именно в свое время выступал как истинный пророк, а кто "говорил вопреки Господу". Тема эта слишком обширна и значительна, а потому я не смею претендовать на полноту охвата. Моя задача много скромнее, я хочу на примере нескольких известных в отечественной истории фигур попытаться развеять иллюзорные представления, которым и сам был отнюдь не чужд во времена моей молодости.

II

Когда я вспоминаю свои юные годы, мысленному взору представляется целый ряд кумиров. Но самым горячим, искренним и долговременным было мое преклонение перед гениальным писателем, одним из умнейших людей России. Мало того, именно любовь к Достоевскому, увлеченность им в большой мере способствовали тому, что я, в конце концов, вошел в ограду Православной Церкви, а потому я и по сей день испытываю к нему теплое чувство.

Память моя до сих пор хранит множество фраз, выражений и целых абзацев из Достоевского. Лет тридцать назад я всем этим упивался, непрерывно цитировал, то и дело листал, перечитывал серенькие томы тогдашнего пост-сталинского издания.

А "Дневник писателя" в том собрании, разумеется, не напечатали, но у меня было два тома старого, марксовского, если не ошибаюсь, издания, и эти книги я открывал гораздо чаще, нежели "Идиота" или "Карамазовых"... Ах, сколько же там ума, доброты, нравственного чувства, а вместе с тем насмешливости, язвительности, издевки...

Достоевский, в частности, открыл мне, что "социализм" ("коммунизм") это не только и не столько

социальное движение, сколько низменная бездуховная религия, новая Вавилонская башня. Вообразите, каково было в дикие советские годы читать вот такое:

"... после целого ряда веков протестов, реформаций и проч. явились, наконец, с начала нынешнего столетия, попытки устроиться вне Бога и вне Христа. Не имея инстинкта пчелы или муравья, безошибочно и точно создающих улей и муравейник, люди захотели создать нечто вроде человеческого безошибочного муравейника. Они отвергли происшедшую от Бога и откровения возведенную человеку единственную формулу спасения его: «Возлюби ближнего как самого себя» – и заменили ее практическими выводами вроде: «*Chacun pour soi et Dieu pour tous*» или научными аксиомами вроде «борьбы за существование». Не имея инстинкта животных, по которому те живут и устраивают жизнь свою безошибочно, люди гордо вознадеялись на науку, забыв, что для такого дела, как создать общество, наука еще всё равно что в пеленках. Явились мечтания. Будущая Вавилонская башня стала идеалом и, с другой стороны, страхом всего человечества. Но за мечтаниями явились вскоре другие учения, простые и понятные всем, вроде: «Ограбить богатых, залить мир кровью, а там как-нибудь само собою всё устроится»".

("Дневник", ноябрь 1877 г.)

Есть в "Дневнике писателя" и прямые пророчества. Мы, например, то и дело видим, как симпатичный старый поляк в строгих светлых одеяниях посещает беднейшие страны мира, как он падает ниц и целует землю, а чтобы взглянуть на него, принять от него благословение, собираются повсюду тысячи и тысячи "униженных и оскорбленных"... Это ли не нагляднейшее воплощение давней мысли Достоевского?

"...социализм есть грядущая сила для всей Западной Европы, и если папство когда-нибудь будет покинуто и отброшено правительствами мира сего, то весьма и весьма может случиться, что оно бросится в объятия социализма и соединится с ним воедино. Папа выйдет ко всем пеш и бос и скажет, что всё, чему они учат и чего хотят, давно уже есть в Евангелии, что до сих пор лишь время не наступало им про

это узнать, а теперь вот наступило, и что он, папа, отдает им Христа и верит в муравейник”.

И ведь это когда написано – в 1877 году! За 14 лет до энциклики “Рерум новарум”, в которой Лев XIII впервые заговорил о трудящихся массах и предложил им католические профсоюзы.

В 1964 году я принял Святое Крещение и постепенно от романтического “хомяковского” православия я двинулся в сторону несколько сурового, но всем известного и доступного “филаретовского”. И вот тогда-то стали мне открываться некоторые несообразности во взглядах моего любимейшего писателя. (Надобно тут заметить, что критические статьи К. Леонтьева мне были в ту пору не известны.)

Прежде всего, я обратил особенное внимание на все хорошо известный и теперь столь модный афоризм – “красота спасет мир”.

Странное суждение в устах христианина... У мира, собственно говоря, у падшего человека есть Спаситель – Господь Иисус Христос. А кроме того, от этого “спасения мира красотой” за версту несет хилиастической ересью.

Бедный Федор Михайлович, что бы он сказал или сделал, кабы мог знать, что под этим популярным ныне лозунгом станут проводить соревнования бесстыдных девок – “конкурсы красоты”... (А проще сказать: срамоты!)

Или такая мысль:

“Если бы мне доказали, что истина вне Христа, я предпочел бы остаться со Христом, а не с истиной”.

Сильно сказано. Но ведь любому сознательному христианину совершенно известно, что Господь наш есть воплощенная Истина. Сам говорит ученикам на тайной вечери: “Я есмь путь и истина и жизнь” (Ин. 14, 6).

А что же такое Христос без истины. Это не кто иной, как антихрист.

Я стал, наконец, задумываться и над "Легендой о Великом Инквизиторе". Тут мне в голову пришло такое рассуждение: всякое выведение в изящной словесности Иисуса Христа есть явление антихриста. Сам Господь предупредил нас: "Итак, если скажут вам: «вот Он в пустыне» – не выходите; «вот Он в потаенных комнатах» – не верьте. Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого" (Мф. 24, 26–27). Следственно, если скажут вам : "Он снисходит на «стоги жаркие» «южного города» – не верьте, это – антихрист".

Повторю, всё это открывалось мне постепенно, по мере возрастания... И вот уже в излюбленном своем "Дневнике писателя" я стал то и дело наталкиваться на мысли странные, спорные и – увы! – на множество вполне неоправдавшихся пророчеств, в особенности касательно судеб Европы, России и народа русского.

III

– Помните ли Вы Власа? – вопрошал Достоевский в 1873 году.

– Да помним, помним, – так и хочется откликнуться ему, – помним, Федор Михайлович! И уже не из-за Некрасова помним, а по той причине, что ради этого самого Власа Вы воспели восторженный гимн своему народу.

"Современный Влас быстро изменяется. Там внизу у него такое же кипение, как и сверху у нас, начиная с 19 февраля. Богатырь проснулся и расправляет члены; может, захочет кутнуть, махнуть через край. Говорят, уж закутил. Рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие. Соображают иные, серьезные, но несколько торопливые люди, и соображают по фактам, что если продолжится такой «кутеж» еще хоть только на десяток лет, то и представить нельзя последствий, хотя бы только с экономической точки

зрения. Но вспомним «Власа» и успокоимся: в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. Очнется Влас и возьмется за дело Божие. Во всяком случае спасет себя сам, если бы и впрямь дошло до беды. Себя и нас спасет, ибо опять-таки – свет и спасение воссияют снизу (в совершенно, может быть, неожиданном виде для наших либералов, и в этом будет много комического). Есть даже намеки на эту неожиданность, наклеиваются и теперь даже факты...

[...]

”Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего. Повторю: можно очень много знать бессознательно”.

[...]

”...есть одно магическое слово, именно: «Оказать доверие». Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду. И не нужно никаких великих подъемов и сборов; народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам. Ибо народ наш, и по местам сидя, скажет точь-в-точь всё то же, что сказал бы и весь вкуче, ибо он един. И разъединенный един и сообща един, ибо дух его един. Каждая местность только лишь свою местную особенность прибавила бы, но в целом, в общем, всё вышло бы согласно и едино. Надо только соблюсти, чтобы высказался пока именно только мужик, один только заправский мужик. Правда, с мужиком проскочит кулак и мироед, но ведь и тот мужик, и в таком великом деле даже кулак и мироед земле не изменят и правдивое слово скажут, – такова уж наша народная особенность. Как же это сделать? О, люди, власть имеющие, это могут лучше решить, чем я, – я же только верю в одно, что формул особенных совсем не потребуется. Народ наш за формами не погонится,

особенно за готовыми, чужеземными, которых ему вовсе не надо, ибо вовсе не то у него на уме, и не только никогда не бывало, но никогда и не будет, потому что у него другой взгляд на это дело, особый, совсем его собственный. Да, в сем случае, народ наш, — такой народ, как наш, — может быть вполне удостоен доверия. Ибо кто же его не видел около царя, близ царя, у царя? Это дети царицы, дети заправские, настоящие, родные, а царь их отец. Разве это у нас только слово, только звук, только наименование, что «царь им отец»? Кто думает так, тот ничего не понимает в России! Нет, тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм народа, слившегося с своим царем воедино. Идея же эта есть сила. Создалась эта сила веками, особенно последними, страшными для народа двумя веками, которые мы столь восхваляем за европейское просвещение наше, забыв, что это просвещение обеспечено было нам еще два века назад крепостной кабалой и крестным страданием народа русского, нам служившего. Вот и ждал народ освободителя своего и дождался — ну так как же они не настоящие, не заправские дети его? Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя (как было, например с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, всеединяющая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от нее только одной ждал исхода своего из Египта. Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его. Надежды эти еще недавно столь колоссально осуществились, — так как же народу отречься от дальнейших надежд? Как же, напротив, не усилиться им, не утвердиться, ибо царь после крестьянской реформы не в идее только, не в надежде лишь, а на деле стал ему отцом. Да ведь это отношение народа к царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, адамантовое основание, на котором всякая реформа у нас может зиждиться и соиздаться. Если хотите, у нас в России и нет никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с царем своим, и из нее у нас всё и исходит. Кто же бы и помыслить мог, например, хотя бы о той же крестьянской реформе, если б заранее не знал и не верил, что царь народу отец и что именно вера народа в царя, как в отца своего, всё спасет, всё убережет, удалит беду? Увы, плох тот экономист-реформатор, который обходит настоящие и действительно живые силы народные из какого-нибудь предубеждения и чуждого верования. Да: мы уже по одному тому не с народом и не можем понять его, что

хоть и знаем и понимаем его отношения к царю, но вместить не можем в себя во всей полноте самого главного и необходимого в судьбах наших: что отношение это русского народа к царю своему есть самый особый пункт, отличающий народ наш от всех других народов Европы и всего мира; что это не временное только дело у нас, не переходящее, не признак лишь детства народного, например, его роста и проч., как заключил бы иной умник, но вековое, всегдашнее и никогда, по крайней мере еще долго, очень долго оно не изменится”.

(“Дневник”, 1881, январь)

“О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими”.

(“Пушкин. Очерк.”)

Ах, как же горько, как же горестно всё это читать, пребывая на пепелище, на развалинах, на жалких остатках великой Империи, взирать на самодовольную, сытую Европу, где, навевая отвращение и страх, пытаются прижиться, хоть как-то пристроиться тысячи и тысячи наших несчастных, бесприютных и на всё готовых соотечественников!.. Вот тебе и “исход европейской тоске в русской душе”...

IV

Один из самых известных духовных писателей России, Святитель Феофан (Затворник Вышенский) был всего на шесть лет старше Ф. М. Достоевского. Воспитанник Киевской Духовной академии, а за-

тем ректор Санкт-Петербургской, он был виднейшим представителем строгого "филаретовского" православия. (Кстати сказать, сам Филарет, Митрополит Московский, высоко ценил богословские труды будущего Святителя.) В бытность свою епископом Владимирским, в далеком 1863-м, за три года до подлого каракозовского выстрела, Преосвященный Феофан говорил своей пастве:

"...братие, участь царственных лиц не такова, как участь лиц частных, и устройство жизни их не то же, что устройство жизни каждого из нас. – Частные лица суть сами одни виновники своей участи. Участь царственных лиц и престолов – не от них одних, а вместе от духа, правил и стремлений самого народа. Как часто Богоизбранного и Боголюбезного царя отъемлет Господь вместе с престолом и царством у народа, который сам себя сделал того недостойным! – В сей мысли обращаюсь в будущее и молитвенно желаю непрерывного ряда престолонаследий в отечестве нашем, нельзя вместе с сим желанием не взять на себя и неотменных обязательств пред лицом всеправящего Промысла, исполнением которых определяется наше достоинство на милости Божии и условливается прочность престолов".

[...]

"Вот мы часто хвалим себя: святая Русь, православная Русь. – О когда бы навсегда остаться нам святыми и православными, – по крайней мере любящими святость и православие! – Какой верный залог несокрушимости имели бы мы в титулах сих! Но осмотритесь кругом! Скорбно не одно развращение нравов, но и отступничество от образа исповедания, предписываемого Православием. – Слышана ли была когда – на русском языке – хула на Бога и Христа Его?! А ныне не думают только, но и говорят, и пишут, и печатают много богоборного. – Думаете, что это останется даром? – Нет. – Живый на небесах ответит нам гневом своим, и яростью своею смятет нас. – Запад увлекает нас. – На западе заходит уже солнце правды. Мы же восточные должны пребыть в свете, и не только освещаться, но и светить всем. – Вот была недавно политическая коалиция против нас. – Слились мы все в одно желание и пресекли самое покушение нападений на нас. – Сделаем то же и в деле веры. – Там, на западе, есть другая коалиция, направленная против света веры нашей. –

Восстают одни за другими злые учителя. Тучи злых помышлений воздвигают, чтобы омрачить солнце, освещающее нас. — Дал бы Бог, чтоб и в отражении сих врагов, слились мы все в живое единомыслие Православия и совокупными усилиями свели с земли нашей навеваемый оттуда тлетворный прах...”

V

Основатель и редактор журнала “Душеполезное чтение”, впоследствии Архиепископ Харьковский Амвросий (Ключарев) был сверстником Ф. М. Достоевского и слыл одним из лучших проповедников своего времени. Вот некоторые его мысли касательно грядущих судеб России и ее народа.

“Всем известно, какое значение в жизни народов имеют так называемые народные обычаи. В них воплощаются и, так сказать, отвердевают и становятся живучими народные воззрения, верования, племенные свойства, указания народной мудрости и т. п. Если для частного человека к известного рода добрым делам составляет основание и обеспечение его добродетелей, то в жизни целых народов благие обычаи составляют олицетворенные правила народной нравственности и практические упражнения в добродетели. Народ растет, когда его обычаями охраняется вера, честность, целомудрие, человеколюбие, гостеприимство, покорность властям и пр.; народ обречен на исчезновение с лица земли, если в его обычаи вторглись безверие, разврат, своекорыстие, хищничество, грабежи, разбои и т. п. Самую ясную картину изменения во благо жизни человечества силою обычаев представляет нам замена нравов языческих нравами христианскими: там, где последние водворились, исчезли униженные языческие религиозные обряды, жертвоприношения людей, тиранство властителей, кровомщения, гладиаторские бои, публичный разврат и проч. Отраднo видеть это обновление нравственного мира христианством с победою его над язычеством. Но не трудно себе представить, какие ужасные последствия для того же мира будут от возвращения жизни христианских народов снова к обычаям язычников. Но именно это великое бедствие и угрожает тем христианским народам, где никем не сдерживаемое ложное образование вторгается в их жизнь и разрушает благие, веками утвержденные обычаи и отеческие предания. Этого зла мы видим у себя уже достаточно, остается ожидать

большого его развития и соответствующих этому последствий. Наши народные обычаи все сложились под влиянием и руководством православной Церкви, так что мы могли с утешением думать, что нам, по слову Спасителя, вверено было царствие Божие, как народу *творящему плоды его* (Матф. 21, 43). Но надобно не иметь зрения, чтобы не видеть, что современное направление нашего образования с ожесточением, свойственным самому злему духу времени, *действующему*, по слову Апостола, *в сынах противления* (Еф. 2, 2), — восстает именно против этих обычаев и восстанавливает языческие. Кто чуждается исполнения священнейших заповедей Церкви о говении и причащении? Кто восстает против чиноположения наших богослужений? Кто издевается над учением Церкви о постах и праздниках? Кто церковные праздники старается обратить в рабочие дни? Кто накануне великих дней вместо вечернего богослужения отправляется на зрелища? Кто говорит, что пора жертвовать на народные театры, а не на построение храмов? Кто без увеселения ничего не даст на дела благотворения? Кто покровительствует этим целоношным собраниям молодых людей обоего пола, где, как и во времена языческие, с ожесточением попираются все законы целомудрия и нравственного приличия? Конечно, не простые русские люди позволяют себе всё это, а имеющие притязание на образованность. Нам, служителям Церкви, говорят: «ваше дело охранять общественную нравственность, учите народ!» Но при этом забывают, что как частные люди, так и народы, погружаются в чувственность и пороки, теряют способность слушать учение Христово, почему и Сам Господь в заключение бесед Своих, нередко возглашал: *имеющий уши да услышит* (Матф. 11, 15)".

[“Слово в день восшествия на престол
Благочестивейшего Государя Императора
Александра Александровича, 1885 года”]

VI

Приятель и горячий поклонник Достоевского — Владимир Соловьев был личностью одаренной и весьма разносторонней. Он был не только стихотворцем, но и по натуре своей поэтом, а потому искать в его сочинениях какого бы то ни было единства или хотя бы последовательности — занятие неблагоприятное. Он постоянно был одержим идеями

космическими – будь то "свободная теософия", будь то "вселенская церковь, а то и вовсе фантастическое "Общее дело" Н. Федорова...

Немудрено, что почти во всех писаниях Соловьева там и сям встречаются пророчества и предсказания, часто, впрочем, противоречащие друг другу...

Мне представляется вполне достаточным привести здесь два мнения Вл. Соловьева о судьбе России и народа русского. Первое из них вполне сродни Достоевскому и содержится в ранней работе "Три силы" (1877 г.):

"Внешний облик раба, в котором находится наш народ, жалкое положение России в экономическом и других отношениях не только не может служить возражением против ее призвания, но скорее подтверждает его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеют никакого значения. Великое историческое призвание России, от которого только и получают значение ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова. Когда воля и ум людей вступят в действительное общение с вечно и истинно существующим, тогда только получат свое положительное значение и цену все частные формы и элементы жизни и знания – все они будут необходимыми органами и средствами одного живого целого. Их противоречие и вражда, основанная на исключительном самоутверждении каждого, необходимо исчезнет, как только все вместе свободно подчинится одному общему началу и средоточию".

За сим я хочу обратиться к такому произведению Владимира Соловьева, которое могло бы вызвать у Достоевского самый бурный протест. Это – скандально известный доклад "Об упадке средневекового миросозерцания", читанный 19 октября 1891 года при довольно большом стечении публики на заседании Московского Психологического общества. Обвинив Церковь и христиан в "догматизме", "индивидуализме", "ложном спиритизме" и "отречении от Духа Христова", докладчик предлагал такой выход:

”Неужели человечество в целом и его история покинуты Духом Христовым? Откуда же тогда весь социально-нравственный и умственный прогресс последних веков?

Большинство людей, производящих и производивших этот прогресс, не признают себя христианами. Но если христиане по имени изменяли делу Христову и чуть не погубили его, если бы только оно могло погибнуть, то отчего же *нехристиане* по имени, словом отрекающиеся от Христа, не могут послужить делу Христову? В Евангелии мы читаем о двух сынах: один сказал: пойду – и не пошел, другой сказал: не пойду – и пошел. Который из двух, спрашивает Христос, сотворил волю Отца? Нельзя же отрицать того факта, что социальный прогресс последних веков совершился в духе человеколюбия и справедливости, то есть в Духе Христовом. Уничтожение пытки и жестоких казней, прекращение – по крайней мере на Западе – всяких гонений на иноверцев и еретиков, уничтожение феодального и крепостного рабства – если все эти христианские преобразования были сделаны неверующими, то тем хуже для верующих”.

Тут я принужден сделать существенное замечание. При толковании приводимых в Евангелии слов Спасителя следует прежде всего смотреть на то, к кому именно и при каких обстоятельствах обращается Богочеловек. Притча о двух сынах (Матф. 21, 28–31) непосредственно адресована первосвященникам и старейшинам иудейского народа и произносится в Иерусалимском храме. Следственно, те, кому это говорится, и все, слышащие слова Христа – суть члены тогдашней Церкви, то есть люди, сознающие себя детьми Божиими. К притче прибавлено еще несколько слов, дабы не возникло сомнений, кого Спаситель именует первым сыном: ”истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царствие Божие”. Вспомним, даже самый дурной – блудный сын из Евангелия от Луки (15, 11–32) в глубине греховного падения не теряет сознания своего сыновства и помнит о Благотце. Чрезвычайно существенно в притче и то, что первый сын пошел работать в отчий виноградник – ”раскаявшись”. А вот этого качества – по-

каяния ни на грош не было и нет у прославляемых Соловьевым "неверующих прогрессистов". Они –то совершенно убеждены в своей правоте и непогрешимости.

Безусловно, есть основания трактовать притчу о двух сынах расширительно, распространяя ее даже на древних язычников, чье богопознание было страшно искажено и всё же наличествовало, но подставлять сюда сознательных и злостных богоотступников и богохульников – недопустимая натяжка.

Я не могу отказать себе в мрачном удовольствии сделать еще одну пространную выписку. На этот раз из речи видного сотрудника ВЧК-ОГПУ, "митрополита", "первоиерарха живой церкви" А. И. Введенского. В апреле 1923 года на обновленческом соборе в Москве он творчески развил либеральный лепет Соловьева и довел его до вполне логичного конца.

"...Марксисты, коммунисты, Советская власть не идут за Христом. Марксисты, коммунисты, Советская власть работают для исполнения заветов Христа – скажете ли вы: они антихристы? Не вспомните ли вы, что вера одна, сама по себе – ничто. Или вы забыли, как великий Апостол говорит, что и бесы веруют и трепещут. Они, которые одни во всем мире, полагаясь только на свои силы, пошли и крикнули: "Довольно этой неправды!" – я не назову их антихристами, а тем сыном, который пошел и исполнил то, что сказал Христос. Те страдания, та кровь, те тюрьмы, то гонение, которое великая коммунистическая идея испытывала десятилетия, осветили ее и в нравственном отношении.

Маркс ни слова не говорит о нравственности, но является бессмертным гигантом нравственности, и гигантом, перед которым многие – жалкие болтуны нравственности. А между тем Церковь до сих пор не выявила своего отношения к этому строительству. Церковь не сказала своего слова правды...

<...> Мы переживаем сейчас минуты исключительной исторической важности, когда мир может услышать от Церкви, что капитализм – грех...

<...> Мир должен услышать от Церкви, что те, которые пошли бороться с этим злом, они не прокляты, а благосло-

венны, и мы их, не знающих имени Христа, должны благословить именем Христа. Мир должен принять через авторитет Церкви правду коммунистической революции.

Это честь, это святыня, это конечная вершина, на которую может взойти русская Церковь.

Недаром вещал Достоевский – с Востока, из России, мир услышит новое слово. Раскаты Октября потрясли вселенную. Пусть Церковь тихостью Святого Духа благословит эти громы, которые для того прогремели, чтобы пели архистратиги, когда пришел на землю Отец и Учитель”.

[Цитируем по: Лев Регельсон.

”Трагедия Русской Церкви”]

VII

Вернемся снова в век XIX и обратимся к мнению того, кого Церковь именует ”учителем изрядным” и ”цевницею духовной”, к Святителю Игнатию (Брянчанинову). Еще в середине прошлого столетия, касаясь в одном из своих писем европейских событий 1848 года, он вполне выразил православный взгляд и на самый ”прогресс”, и на его ”неверующих двигателей”.

”Рационализм со своими постановлениями не может остановиться в движении своем, как имеющий основанием непрестанно изменяющийся разум человеческий. Надо ожидать большего и большего развития болезни. Она начала потрясать спокойствие народов с конца прошлого столетия; чем далее, тем действие ее обширнее, разрушительнее. Из окончательного всемирного действия этой болезни должен возникнуть ”беззаконник”, гений из гениев, как из французской революции родился его предъизображение – колоссальный гений Наполеон. – Что меня поражало больше, нежели нынешние обстоятельства? Меня поражали причины этих обстоятельств: общее стремление всех к одному вещественному, будтобы оно вечно, – забвение вечного, как бы не существующего, – насмешки и ругательства над христианством, – утонченное и лютое гонение на Церковь, на жизнь ее, на Святого Духа – замещение Духа и Его уставов лжеименным разумом и уставами, исходящими от миродержца – общая, всесветная молва, как бы при столпотворении... Надо

заметить, что Бог, как говорит Писание, с тою целию смешил языки и разделил нна народы, чтоб лишить людей возможности все греховные предприятия приводить в исполнение общими силами всего соединенного человечества... Тогда, при столпотворении, низшел Бог, говорит Писание, взглянуть на дела человеческие, и остановил безумное начинание смешением языков; теперь близок час, в который снова сойдет Бог воззреть на дела человеческие и положить им конец уже не смешением языков, а заменением мира, созревшего и обветшавшего в беззакониях, миром новым и непорочным”.

[Цит. по сб. писем Святителя, сост.
игумен Марк(Лозинский), № 180]

6 мая 1859 года Преосвященный Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский обратился к духовенству своей епархии с воззванием касательно освобождения крестьян от крепостной зависимости. В частности, там говорится:

”Рационалисты чужды нищеты духа. Они рассуждают и умозаключают о естестве человеческом, отвергая или упуская понятие о его падении, они видят в этом естестве все возможные достоинства, никак не примечая, что в нем добро перемешано со злом, и посему самое его добро сделалось злом, как делается злом прекрасная пища, перемешанная с ядом. По этой причине христианство ими унижено и искажено. Слово Крестное ими отвергнуто; они ищут и требуют для падшего естества таких преимуществ, которые тогда только могли бы быть представлены естеству, когда б оно не подвергалось падению. Из ложных идей вышли самые чудовищные действия и последствия... рационалисты произвели ужаснейшие беспорядки везде, где их учение было принято, и, чтоб возвратиться к порядку, возвышенное существо – падший человек – ощутил неизбежную нужду и в тюрьме, и в цепях, и в плахе, и в виселице”.

VIII

Писатель необычайной одаренности, неподражаемый Василий Васильевич Розанов был одним из самых неистовых поклонников Достоевского. (Достаточно тут припомнить самый факт его женитьбы на А. Сусловой!). Однако же в отличие от своего кумира Розанов был практически лишен опреде-

ленных убеждений, у него были лишь склонности, симпатии, антипатии, настроения... Кого и что только не восславлял и вместе с тем не проклинал этот человек за свою продолжительную литературную жизнь – Христа и христианство, Россию и русский народ, иудаизм и евреев, монархию и революцию...

И всё же, вполне сообразуясь с "духом века сего", Розанов не мог не отдать дань общему для его круга людей лжепророческому служению, то есть историческому оптимизму. Здесь я упомяну лишь незначительный эпизод в биографии Розанова, его краткую рецензию (1901 г.) на пятое издание книги К. П. Победоносцева "Московский сборник". Вот несколько характерных пассажей оттуда.

"Неужели, обратимся мы к автору, люди так глупы и непоправимо глупы, что могут только сломать шею, идя вперед? Неужели люди так дурны в обыкновенном и пошлом смысле, что если они хотят идти вперед, то делают это, как злые и испорченные мальчишки, только с намерениями дебоша, а не чего-нибудь прекрасного? Как можно не верить в человека? И особенно не верить в него, озирая столь сложный узор времен и событий, какой пронесся перед автором? И можем ли мы думать, что он в длинной череде лет не встречал людей высокого сердца, большой чистосердечности, обширного ума? Его небольшая книжка «Вечная память» опровергает такое предположение. А между тем «Московский сборник» весь дышит недоверием к людям, и как к толпе, и индивидуально. Он не был бы написан или имел бы совершенно другой колорит, если бы автор не изверился в величайшем сокровище мира, в человеческой душе! Горько это. Страшно. А главное – ошибочно. Автор как бы рассматривает всё худое в увеличительное стекло, а всё доброе в отражении вогнутого уменьшающего зеркала. Он не имеет объективно спокойной картины перед собою и заразился скептицизмом относительно того, о чем невозможно и, наконец, грешно, порочно сомнение.

«Московский сборник» – грешная книга, вот наше *resumé*. Она полна скептицизма и проистекающей из него печали. «Дух же *уныния*, *любоначалия* и празднословия отжени от меня», – молится церковь. Без психологического момента веры, без способности уповать, надеяться, без некоторой

святой наивности невозможна вообще религия; зато в ком эта вера утвердится, то она вырастет, как зерно горчишное, в целый лес доверчивых и любящих отношения к людям, к государству, к природе, к событиям! «Ангел Иеговы», приведу библейское выражение, ведет народы к битвам, к миру, к открытиям, успехам и запрещает им остановиться. Где же и быть Богу, где же Ему и сказаться, как не в истории? Ведь есть же Провиденциальность? А это другое имя Бога, и только грешный отвергнет в истории Промысел. Поэтому историческое уныние, политическое уныние есть грех. Между тем таким-то унынием и полна изящная и малодушная книга, которую мы рассматриваем.

<...>

Книга эта – привлекательный собеседник для человека, но не теплый друг человека. Навеваемое уныние парализует человека, отнимает силы у читателя, у возможного деятеля. Вздохи автора отдаются резонансом и в груди этого читателя, родят в ней свои, другие вздохи. Он вырастает в собственных глазах, приобщившись всей этой умственной роскоши, умственного изящества. Но приобретения читателя никогда не будут приобретениями общества. В читателе, и особенно в почитателе названной книги, общество, скорее, потеряет здорового, нужного, бодрого труженика, обогатившись одним лишним меланхоликом. И счастлив тот осмотрительный читатель, который, ухватясь за здравый смысл и веру в Бога, «провздыхав» все 365 страниц, на последней, 366-й, скажет: «Э, ну их, эти страхи! Бояться волка – в лес не ходить! Бог не выдаст – свинья не съест».

Увы! – как мы теперь знаем, и Бог выдал, и свинья съела...

Несколько отвлекаясь от нашей темы, хочу заметить, что в этой рецензии подкупает почти-тельное отношение Розанова к Победоносцеву. В "Уединенном" есть заметка, которая выдает даже некоторое чувство зависти, владевшее писателем по отношению к обер-прокурору Синода.

"Как мне нравится Победоносцев, который на слова: «Это вызовет дурные толки в обществе» – остановился и – не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растер и, ничего не сказав, пошел дальше. (Рассказ, негодующий, – о нем свящ. Петрова.)"

IX

Когда я вспоминаю о Константине Петровиче Победоносцеве, одном из умнейших и проницательнейших людей своего времени, о замечательном писателе и православном богослове, оболганном и освистанном всеми поколениями российских либералов вплоть до новейших, на ум приходят слова Господа Иисуса Христа:

”Блаженны будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы, и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческого ради. Возрадуйтесь в той день и възгряйте: се бо мзда ваша многа на небеси” (Лк. 6, 22–23).

Ну, а теперь всего три выписки из ”Московского сборника”, этого вполне достаточно, чтобы рассудить, чьи предположения были более здоровыми, кто был ближе к истине – оптимист Розанов или пессимист Победоносцев.

”Нетерпимость к чужой вере и к чужому мнению никогда еще не выражалась так решительно, как выражается в наше время, у проповедников радикальных и отрицательных учений: у них она неумолимая, жестокая, едкая, соединенная с ненавистью и презрением. Если вдуматься в отношение этих новых учителей к не признаваемой ими вере, – оно окажется, может быть, еще ужаснее старинной религиозной нетерпимости, вызывавшей кровавые преследования за веру. В последнем случае преследование основывалось на безусловной же вере в истину, безусловно существующую. Когда человек верует в данное положение, что оно *должно быть* истиной для всех, что на нем зиждется безусловное начало жизни и благо для всех и каждого, как магометанин верует в Коран, понятно, что такой человек считает своим долгом не только исповедовать открыто свое учение, но, в случае нужды, и насильно навязывать его другим. Но когда дело идет, не более как о мнении, о предположении, хотя бы и наиболее вероятном для того, кто его вывел, – как понять фанатизм такого мнения, как понять, что проповедник его не признает и не допускает ни для себя, ни для других не только противоположного мнения, но даже сделки, хотя бы условной и временной, с противоположным мнением? Между тем, такое страстное отношение к своему мнению или мнению своей школы составляет принадлежность всех отрицательных учений. Отвергая, как будто не бывшее и не сущее, всю предшествующую историю духовного развития в человечестве, не

признавая ни за каким существующим издревле верованием и духовным состоянием – права на самостоятельное существование, не останавливаясь ни перед одной святыней личного верования, заключенного в душе человеческой, – они требуют для себя свободного входа во всякую душу и повсюду хотят водворить свою так называемую истину. Это называется у них верностью своим убеждениям... Такой образ действия – что же иное, как не страшное насилие над чужой совестью, и во имя чего? Во имя только своего личного мнения!”

("Идеалы неверия")

"Из-за свободы ведется вековая брань в мире человеческих учреждений и отношений, но где она, эта свобода, – если ее нет в душе человеческой? Отовсюду разум ополчается на старые авторитеты и стремится разрушить их, по-видимому, для свободы, но на самом деле для того только, чтобы завтра на смену им явились еще новые. Современный проповедник разума и свободы смотрит презрительно на православно-верующих за то, что они держатся веры, которую приняли в церкви от отцов и дедов, и остаются верны преданию; но и он разве сам из себя выработал то, что считает основными мнениями своими о церкви и о главных предметах жизни духовной? Он осмеивает благоговейное чувство церковного человека и называет его суеверием. А у него самого за плечами стоит так называемое общественное мнение и связывает его благоговейным страхом: разве это не величайшее из суеверий? – Нам дорого наше прошедшее и мы относимся с уважением к истории. Он смеется, он презирает прошедшее и верует в настоящее; но это поклонение настоящему чем лучше нашего, осмеянного им чувства? Нам говорят: сбросьте с себя ярмо закона, разорвите вековые цепи предания, и будете свободны... Но какая же это свобода, когда вместе с тем настоящее status quo возводится ими в закон и ложится на нас ярмом еще тяжелее прежнего, когда вместо непогрешимого и вдохновенного Писания, которое отнимают у нас, велят нам верить в непогрешимость мнения толпы народной и хотят, чтобы в большинстве голосов слышали мы непрекращаемый и непогрешимый голос истины!"

("Духовная жизнь")

"Печальное будет время, – если наступит оно когда-нибудь, – когда водворится проповедуемый ныне новый культ человечества. Личность человеческая немного будет в нем значить; снимутся и те, какие существуют теперь,

нравственные преграды насилию и самовластию. Во имя доктрины, для достижения воображаемых целей к усовершенствованию *породы*, будут приноситься в жертву самые священные интересы личной свободы, без всякого зазрения совести; о совести, впрочем, и помина не будет при воззрении, отрицающем самую идею совести. Наши реформаторы, воспитавшись сами в кругу тех представлений, понятий и ощущений, которые отрицают, не в состоянии представить себе ту страшную пустоту, которую окажет нравственный мир, когда эти понятия будут из него изгнаны. Каковы бы ни были увлечения нынешнего законодателя, правителя, нынешней власти всякого рода, — над нею все-таки носится безотлучно, хотя и не всегда сознательно, представление о личности человеческой, о такой личности, которую нельзя раздавить так, как давят насекомое. Это представление имеет корень в вековечном понятии о том, что у каждого человека есть живая душа, единая и бессмертная, следовательно, имеющая *безусловное бытие*, которое не может истребить никакая человеческая сила. Оттого между нами нет такого злодея и насильника, который, посреди всех своих насилий, не озирался бы на попираемую им живую душу с некоторым страхом и почтением. Отнимите это сознание: — во что превратится законодательство наше, правительство наше и наша общественная жизнь? Поборники личной свободы человека странно ободряют себя, когда во имя этой свободы присоединяются к возникающему культу человечества".

("Новая вера и новые браки")

Х

В 1906 году со дня смерти Достоевского исполнилось четверть века, и по сему случаю вдова писателя предприняла юбилейное издание его сочинений. Первый том этого собрания открывает "Биографический очерк о Ф. М. Достоевском, составленный профессором С. Н. Булгаковым". С избранной нами точки зрения, особенного внимания в этой статье заслуживают два абзаца, каковые я здесь и приведу.

"...отрицая нигилизм революции, Достоевский отрицал или, вернее, не знал и не предвидел ее политической и

исторической правды, поэтому имел для нее только темные краски. Теперь он убедился бы, что действительное расположение света и теней совсем иное и что там, где он видел сплошную тьму, она пронизывается светом, но именно она противоположной стороне сгустилась непроглядная и беспросветная тьма, это именно на той стороне, где царствует бюрократия под предлогом и под псевдонимом самодержавия. Он увидел бы, что там раскрылись врата ада, из пасти которого в Россию вселяются полчища демонов и несут России ужасы междоусобной войны, всеобщего озверения и взаимного самоистребления. Он узнал бы, что это уже настоящая область господства сатаны, отца лжи и вражды, сеющего свои семена, что там нет никакой правды, а одна чернота, ложь и себялюбие, и что с их дьявольским нигилизмом не может сравниться никакой революционный, часто детский и простодушный нигилизм, плод молодости и временного недоразумения (ибо в рядах революции Верховенский идет об руку с Колей Красоткиным и его мальчишками). Бюрократический нигилизм не знает никаких ценностей, никаких святынь, даже никаких идолов..."

Презабавно это читать нам, кто еще не забыл кроважадную сталинскую бюрократию, жил при коррумпированной брежневской, а теперь познакомился с ельцинской – откровенно мафиозной...

Но в одном пункте наивность будущего главного "софиолога" достигает степеней превосходных. Я имею ввиду его мысль о том, что Достоевский с течением времени мог бы из анархиста переделаться в нигилиста. Это фантастическое предположение отсылает нас к известному месту из "Дневника писателя" (1873). Там Федер Михайлович вспоминает свой разговор с Белинским.

"...Да поверьте же, наивный вы человек, – набросился он опять на меня, – поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества.

– Ну, не-е-т! – подхватил друг Белинского. (Я помню, мы сидели, а он рассказывал взад и вперед по комнате.) – Ну, нет; если бы теперь появился Христос, он бы примкнул к движению и стал во главе его...

– Ну да, ну да, – вдруг с удивительной поспешностью со-

гласился Белинский. — Он бы именно примкнул к социалистам и пошел за ними”.

Ну, а самый последний абзац из очерка С. Булгакова о Достоевском столь красноречив, что уже ни в каких комментариях не нуждается.

”В такой момент, когда раскрывается религиозная правда революции и подготавливается ее религиозное просветление, когда разрыхляется почва для принятия семян религиозной общественности, в такой момент нам особенно нужен и дорог голос ее великого проповедника и раннего глашатая — Ф. М. Достоевского, приближается его исторический час, и он приблизился к нам. Начинает раскрываться смысл того, на чем сосредотачивались его заветные думы, к чему относилась его важнейшая проповедь. В шуме и гаме революционной сумятицы, в которой вырабатывается совершенно особое легкомыслие и внимание привыкает останавливаться только на интересах минуты, моды, прихоти, должен опять раздаться и достигнуть покамест хотя и немногих ушей голос духовных вождей русского народа, и в их числе Ф. М. Достоевского. Мы сами можем погибнуть в пустыне, не достигнув Обетованной Земли, но мы должны сохранить тот ковчег, который был нам вручен. Революция, в которой бы мы потеряли и забыли духовных вождей своих, забыли бы Достоевского или Вл. Соловьева, явилась бы духовным самоубийством народа, как бы ни были велики ее политические завоевания. Но мы верим, что не случится этого несчастья, верим в русский народ и его великую душу, и вере этой научил нас ныне благоговейно поминаемый нами Ф. М. Достоевский, который неложно прорек о нем: «сей народ богоносец», который учит нас, к чему мы должны стремиться за порогом революции, и в ее муках помогает нам угадывать тайну грядущего преображения”.

XI

Самые первые годы нашего столетия оказались последними в земной жизни замечательного Угодника Божьего, Святого Праведного Иоанна, пастыря Кронштадтского. В те времена его пламенная проповедь ширилась, звучала всё громче и громче. Великий Праведник поучал, увещевал, умолял

русских людей покаяться, возвратиться к вере отцов. Он неложно предупреждал о грядущих карах Божиих за неверие, за отступничество, за распущенность, за разврат, за осквернение всячины, за политические убийства... По смыслу, да и по тону своему слова Иоанна Кронштадтского вполне сопоставимы со скорбными и гневными речами древних, библейских пророков.

"Вера слову истины, Слову Божию исчезла и заменена верою в разум человеческий; печать, именующая себя гордо шестою великою державою в мире подлунном, в большинстве изолгалась – для нее не стало ничего святого и досточтимого, кроме своего лукавого пера, нередко пропитанного ядом клеветы и насмешки, не стало повиновения детей родителям, учащихся – учащим и самих учащихся – подлежащим властям; браки поруганы; семейная жизнь разлагается; твердой политики не стало, всякий политиканствует, – ученики и учителя в большинстве побросали свои настоящие дела и судят о политике; все желают автономии; едва не всякий ребенок мнит быть автономом; даже средние и высшие духовно-учебные заведения позабыли о своем назначении – быть слугами Церкви и спасения людей. Не стало у интеллигенции любви к Родине, и они готовы продать ее инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям; уж не говорю о том, что не стало у нее веры в Церковь, возродившей нас для Бога и небесного отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность; настал, в прямую противоположность Евангелию, культ природы, культ страстей плотских, полное неудержимое распутство с пьянством, расхищение и воровство казенных и частных банков и почтовых учреждений и посылок, и враги России готовят разложение государства. Правды нигде не стало, и отечество на краю гибели. Чего ожидать впереди, если будет продолжаться такое безверие, такая испорченность нравов, такое безначалие? Снова ли приходиться на землю Христу? Снова ли распинаться и умирать за нас? Нет! – полно глумиться над Богом; полно попираť Его святые законы. Он скоро придет, но придет судить мир и воздать каждому по делам. Теперь мы еще празднуем Благовещение Архангела, а, может быть, скоро услышим грозную весть: «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща»..."

(25. 03–1906)

”Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим за свое безбожие, за свои беззакония...

Обратись к Богу, Россия, согрешившая перед Ним больше, тягчае всех народов земных – обратись в плаче и слезах, в вере и добродетели! Больше всех ты согрешила, ибо имела и имеешь у себя неоцененное жизненное сокровище – Веру Православную с Церковью спасающею, и попраля, оплевала в ее лице твоих гордых и лукавых сынов и дочерей, мнящих себя образованными, но истинное образование, то есть по образу Божию, без Церкви быть не может...

Возвратись, Россия, к святой, непорочной, спасительной, победоносной вере своей и к Святой Церкви – матери своей – и будешь победоносна и славна, как в старое верующее время. Полно надеяться на свой кичливый, омраченный разум. Борись со всяким злом данным тебе от Бога ору́жием святой веры, Божественной мудрости и правды, молитвою, благочестием, крестом, мужеством, преданностью и верностью твоих сынов!”

(08. 09-1906)

XII

Ну, а теперь уместно поставить два вопроса:

1. Отчего русское общество в свое время осталось глухим к предостережениям и пророчествам о судьбах страны и народа, которые во множестве исходили из уст истинных пастырей и верных чад Православной Церкви?

2. Почему столь умные, всесторонне одаренные и вовсе не чуждые Христианству люди, как Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, С. Н. Булгаков и иже с ними выступили в роли ”лжепророков”, не разглядели грядущей вселенской катастрофы, каковой оказалось падение Российской Империи?

На первый из этих вопросов весьма внятно отвечал еще в конце прошлого века один из лучших

духовных писателей России, человек удивительной судьбы – бывший народоволец, раскаявшийся революционер – Лев Александрович Тихомиров. В своей статье "Духовенство и общество в современном религиозном движении" (1893) он писал:

"Проповедь духовных... якобы «непонятна». «Понятною» оказывается проповедь светских миссионеров, в которых центр тяжести, забот и помышлений оказывается перенесенным в область чисто мирских, земных интересов. Их «религия» постоянно является, как орудие земного благоустройства. О Православии постоянно говорится, как о религии русского народа. Значение Православия показывается постоянно не с его действительно существенной стороны (как истины самодовлеющей и как пути к спасению души), а со стороны его значения для русского государства, русского общественного строя... Везде и повсюду интерес земной и временный заслоняет собою интерес религиозный и вечный. Без сомнения, религия имеет огромное влияние и стражение на всех «земных» делах. Но важен исходный пункт, ц е н т р а л ь н ы й интерес. Важно то, к земной ли заботе подходим мы с точками зрения, данными абсолютною истиной религии, или, наоборот, из-за земного попечения стремимся так или иначе определить религиозную истину? Одни – землю подчиняют небу; другие – небо земле. Противоположность коренная".

Чтобы ответить на второй из поставленных нами вопросов, следует опять обратиться к истории Церкви. Упоминания о лжепророках мы находим не только в Ветхом, но и в Новом Завете. Сам Господь в Нагорной проповеди призывает "беречься лжепророков" (Мф. 7, 15). Одним из таких лиц был и упоминаемый в восьмой главе книги "Деяний Апостолов" Симон-волхв, который "выдавал себя за кого-то великого". Вот что пишет об этом человеке Святитель Феофан Затворник в своей книге "Мысли на каждый день года":

"Уверовал и сам Симон и, крестившись, не отходил от Филиппа». И веровался, и крестился, а ничего не вышло из него. Надо думать, что в строе его веры было что-либо недолжное. Вера искренняя – отрицание своего ума. Надо ум оголить и как чистую доску представить вере, чтобы она

начертала себя на нем как есть, без всякой примеси сторонних речений и положений. Когда в уме остаются свои положения, тогда, по написании на нем положений веры, окажется в нем смесь положений: сознание будет путаться, встречая между действиями веры и мудрствования ума. Таков и был Симон, обращик для всех еретиков; таковы и все, со своими мудрствованиями вступающие в область веры, как прежде, так и теперь. Они путаются в вере, и ничего из них не выходит, кроме вреда: для себя – когда они остаются безгласными, для других – когда не удерживается в них одних эта путаница, а прорывается наружу, по их жажде быть учителями. Отсюда всегда выходит партия лиц, более или менее погрешающих в вере, с несчастною уверенностью в непогрешимости и бедственным позывом всех переделать на свой лад”.

Ноябрь 1993 г.

Прот. Владислав ЦЫПИН

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ИНОВЕРНЫХ ОБЩИН В РОССИИ*

ОТ РЕДАКЦИИ

Идея первой христианской политической конференции родилась осенью 1993 года в Москве в кругах независимых церковных деятелей. Ее целью, прежде всего мыслилось обоснование возможности, а следовательно, необходимости христианской политики. Реабилитация самого термина "политика", понимаемого как общественное служение. Восстановление четкого представления о России как по-прежнему православной стране, если не по церковно-приходской принадлежности большинства населения, то по принадлежности культурной. По самоидентификации не только большинства граждан, но и подавляющего большинства народов и нынешней Российской Федерации, и бывшего СССР.

Конференция была полностью посвящена постановке задач, и ее материалы прежде всего адресованы практическим политикам, общественным деятелям, преподавателям, пастырям и входящей в политическую жизнь молодежи. Весьма существенной представлялась и задача хотя бы частичного прорыва информационной блокады, которой окружают проявления христианской политики почти все средства массовой информации бывшего СССР.

Конференцию поддержали Международное просветительское общество "Радонеж", радиостанция "Радонеж", Между-

* Доклад на конференции, посвященной памяти И. А. Ильина.

народный Славянский Фонд, Всемирный Русский Конгресс. Конференция открылась 1 марта 1994 года в зале д/к "Меридиан". В этот день были прочитаны и обсуждались доклады прот. В. Свешникова, Ю. Т. Лисицы, В. Л. Махнача. Присутствовало около тысячи человек, в том числе ряд депутатов бывшего Верховного Совета и нынешней Государственной Думы, священники, профессора. Но особенно был замечен молодой возраст большинства присутствующих.

2-3 марта чтения продолжались в зале Славянского Фонда. Всего было прочитано 20 докладов. Готовится к печати полный сборник материалов. В конце 1995 года предполагается II конференция с задачей учреждения Христианского политического движения.

* * *

И. А. Ильин в своих размышлениях о путях воссоздания России опирался на трезвый анализ структуры того Российского государства, которое погибло в феврале 1917 года. В своем отношении к России императорской он был свободен как от безлюбивного нигилизма, так и от сентиментального пассаизма. В этом он являет всем пытающимся адекватно понимать прошлое и извлекать из него уроки, пример, достойный подражания.

Ключевым элементом политической системы Российского государства были взаимоотношения между государственной властью и Православной Церковью, которые в процессе Петровских реформ претерпели серьезные изменения. Унаследованная от Византии симфония Церкви и Царства оставалась и после Петра высшим идеалом, но в своей юридической реализации и политической практике этот идеал подвергся радикальной деформации.

До Петра Великого служение Богу и Церкви сознавалось и носителями государственной власти, и всем русским народом как высший смысл и высшая цель самого существования государства, как конечное основание для всякого государственного деяния. После Петра правительство России ставило

перед собой вполне секулярные, вполне автономные от религиозной санкции цели, а привилегированный статус Православной Церкви, ее "господствующее" в сравнении с другими религиозными общинами положение находило себе оправдание уже только в том, что Православие, согласно Основным законам Российской Империи, являлось вероисповеданием Государя и большинства его подданных.

42-й параграф Основных законов провозглашал: "Император, яко Христианский Государь, есть Верховный Защитник и Хранитель догматов господствующей веры и Блжститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния"¹. Лишь одно обстоятельство могло освободить российских подданных от присяги на верность Государю – отпадение его от православия.

Церковная реформа среди преобразований Петра была самой важной по своим последствиям. Абсолютизм послепетровского государства отличался от старомосковского самодержавия главным образом тем, что царская власть ограничена была до Петра не только традиционным, обычным правом, но и принципиальной независимостью от Царя Высшей церковной власти – Освященного Собора и Патриарха. Несколько попыток Московских Государей узурпировать власть над Церковью явились лишь посягательством на норму, на право, а нормой всё-таки и при Василии III и его сыне Грозном, и при Алексее Михайловиче оставалась симфония, суть которой с лапидарной ясностью была сформулирована Большим Московским Собором 1666-1667 гг.: "Да будет признано заключение, что Царь имеет преимущество в делах гражданских, а Патриарх – церковных, дабы таким образом сохранилась целой и непоколебимой во век стройность церковного учреждения"².

И вот, властной рукой Петра Церковь была отодвинута с авансцены национальной жизни. И сам

он, и его преемники смотрели уже на Церковь не столько как на высочайшую святыню народа, воплощающую в себе весь смысл его существования, как это было на Руси искони, со времен ее Крещения, сколько как на одну из опор государства, причем, – и это было худшей чертой послепетровской системы церковно-государственных отношений, – саму нуждавшуюся в опеке и надзоре со стороны правительства. Для этого и был сломан старый строй церковного управления, органично сочетавший в себе соборное начало и первосвященническое возглавление, а на его месте была учреждена синодальная система с обер-прокурорским контролем.

От византийской симфонии сделан был шаг в сторону системы государственной церковности протестантских немецких княжеств эпохи абсолютизма.

* * *

Но Россия – это многонациональное и поликонфессиональное государство. Православная Церковь осталась "господствующей", по терминологии имперских законов. Каким же статусом располагали в Российской Империи не-православные христианские церкви и не-христианские религиозные общины?

Свободой веры пользовались у нас все подданные, принадлежавшие к национальным вероисповеданиям; но она не распространялась на носителей экзотических, изуверских или незаконно появившихся у нас религий и конфессий; к тому же, пределы этой свободы были для разных вероисповеданий разными.

По объему прав и привилегий, с одной стороны, и всякого рода стеснений и ограничений, с другой, – все признанные государством религии можно выстроить в иерархический ряд. В таком случае

вслед за господствующей Православной Церковью следует поставить Лютеранскую и Реформатскую церкви, общину генгутеров, Армяно-грегорианскую, Армяно-католическую и Католическую церкви; вслед за этими христианскими конфессиями по объему привилегий стояли общины евреев-караимов, магометан-суннитов и шиитов; менее привилегированной была община евреев-талмудистов; наконец, последней их привилегированных общин окажется буддистско-ламаистская калмыков и бурят. Всего лишь терпимыми, но лишенными привилегий были русские старообрядцы, шотландские и базельские сектанты, меннониты и баптисты Закавказья, сибирские шаманисты и самоеды-язычники. Общины молокан, духоборцев, субботников, скопцов, хлыстов и иных крайних сектантов были не признанными и не терпимыми по законам Российской империи. После Полоцкого Собора 1839 года, на котором униаты западных губерний воссоединились с Православной Церковью, в Российской Империи, за исключением царства Польского, Греко-униатская церковь прекратила легальное существование. Юридически для российских подданных, — не для проживавших в России иностранцев, — у нас не существовало также старо-католического или англиканского исповедания.

На чем основана была эта иерархия вероисповеданий по степени их привилегированности? Отчасти, конечно, на мере расхождения вероучения каждого из них с догматами Православия. Но только отчасти; ибо если бы этот масштаб был единственным, лежащим в основе дарования тому или иному вероисповеданию известных прав и преимуществ, то совершенно необъяснимо было бы более трудное положение старообрядцев, чем мусульман или евреев. Непонятно было бы также и то, что в этом ряду вероисповеданий баптисты Закавказья стоят ниже, чем ламаисты-калмыки.

Крайне тенденциозный автор по проблемам конфессионального законодательства России М. А. Рейснер утверждал, что основной и единственный фактор, определявший правовой статус того или иного религиозного общества в Российском государстве – это политический вес национальности, исповедующей соответствующую религию. "Параллель... между степенью привилегий отдельных вероисповеданий и политическим значением соответствующих национальных единиц настолько бросается в глаза, что даже не требует дальнейших доказательств"³, – писал он. Оценка – крайне односторонняя, ибо в глаза бросается также и то обстоятельство, что политический вес реформатов в России был несравнимо меньшим, чем мусульман-суннитов, насчитывавших у нас миллионы, но реформаты имели ряд преимуществ в сравнении с мусульманами, хотя бы уже в том отношении, что если реформат переходил в ислам, он, по российским законам, совершал преступное деяние; легальным такой переход быть не мог; а обращение мусульманина в любое признанное государством христианское вероисповедание не было противозаконным, хотя и сопряжено было с известными трудностями, в отличие от присоединения всякого иноверца к Православной Церкви. Столь же очевидно и то, что еврей-талмудисты имели в России несравненно больший политический вес, чем еврей-караимы, но черта оседлости на караимов не распространялась. Таким образом, ключевым фактором для установления объема прав того или иного религиозного общества политический вес национальности, которая исповедовала соответствующую религию, не являлся – самое большее: лишь отчасти влиял на это.

Было еще одно обстоятельство, помимо меры расхождения вероучения религиозного общества с догматами Православия и политического веса ре-

лигиозно-национальной общины, которое решительным образом влияло на статус вероисповедания по законам Российской Империи. Это — законность или незаконность его происхождения. Более всего этот критерий влиял на положение старообрядческих общин. Исконная веротерпимость русского народа, которую выражало и российское законодательство, не стесняла религиозную жизнь новых народов, входивших в состав Империи. Их традиционные исповедания рассматривались как законные, им гарантировалось покровительство со стороны государственной власти, хотя при этом создавались также государственные гарантии против того, чтобы возможным прозелитизмом они наносили урон Православной Церкви или вызывали трения, осложнения и вражду между подданными разных национальностей. Но старообрядчество имело иное происхождение. Это был раскол, потрясший религиозную жизнь самого русского народа и подрывавший его духовное единство. И потому даже статус терпимого исповедания оно получило только при Петре I, оставаясь в последние десятилетия XVII века совершенно вне закона.

Митрополит Московский Филарет (Дроздов) в свое время в связи с искусственно раздуваемым в печати шумом по поводу мнимого преследования старообрядцев писал: "Требующие отмены не существующего у нас гонения против раскола в существе дела домогаются, чтобы ему быть отдельным, признанным в государстве вероисповеданием и церковью, с правами, подобными тем, какими пользуются римско-католики и протестанты. Но между так называемыми иностранными исповеданиями и расколом есть великая разница. Эти исповедания пришли под российскую державу законным путем; и поэтому, по справедливости, предоставляется им свобода в их религиозных отправлениях; напротив того, раскольники суть

лица, отпадшие и отпадающие от Православной Церкви, осуждаемые законом государственным, запрещающим такое отпадение”⁴.

В другом месте, высказываясь против признания белокриницкой иерархии, святитель Филарет заметил: ”Православная Церковь и государство в России состояли и состоят в единении и согласии, ненарушаемых никакими взаимно противоречащими воззрениями... Признание раскола отдельным вероисповеданием расстроило бы эту гармонию.. Кирилла (Белокриницкого), который, в противность I Апос. прав., был рукоположен одним епископом, и притом не имевшим права рукополагать, Православная Церковь не может признавать истинным епископом, а вследствие сего и всех рукоположенных им епископов и священников. Из сего следует, что если бы когда-либо в сношении с духовным православным начальством упомянули об Антонии, архиепископе Владимирском, духовное начальство обязано было бы отвечать, что оно не знает архиепископа Антония, а знает только цехового Андрея Шутова”⁵.

* * *

Имея разные основания, неравноправие религиозных общин было действительной чертой российского вероисповедного законодательства. Но в чем практически проявлялось это неравноправие по российским законам? Разумеется, не в объеме личных прав подданного, принадлежавшего к той или иной конфессии или религии. В эпоху до освободительной реформы 1861 года православный русский крепостной крестьянин в западных губерниях был несравненно больше стеснен не только, чем его помещик-католик, но даже больше, чем ограниченный чертой оседлости, но не крепостной зависимостью, еврей, проживавший в той же мест-

ности. К высшему дворянскому сословию принадлежали не только православные, но и католики, и протестанты, и в значительной мере мусульмане, и даже родовая знать языческих племен.

Неравноправие религиозных общин обнаружилось в разной мере покровительства им со стороны государственной власти, а главное, в том, что переход из одного вероисповедания в другое был затруднен не одинаковым образом для всех; возможность перемены религии для российских подданных была, так сказать, направленно ориентированной, а именно: отпадение от Православной Церкви в любое иное христианское, а тем более нехристианское исповедание законами положительно воспрещалось; нелегальным был и любой переход из всякого христианского исповедания в нехристианское.

Переход из неправославной христианской конфессии в другую неправославную же христианскую конфессию был затруднен, но не абсолютно исключался законами. Но присоединение к Православной Церкви для всех российских подданных неправославных исповеданий было, разумеется, открыто. Что же касается возможности присоединения иноверцев к одной из признанных государством неправославных христианских церквей, то для таких случаев существовала детально разработанная регламентация. Например, к Армяно-грегорианской церкви могли беспрепятственно присоединяться все смертельно больные магометане Кавказа; к любому терпимому христианскому исповеданию могли быть "приводимы" опасно больные евреи или евреи-военнослужащие. В иных обстоятельствах присоединение язычников, евреев и мусульман к неправославной христианской церкви могло состояться лишь с особого разрешения министра внутренних дел, а на Кавказе — главнокомандующего. Присоединение иноверцев к тер-

пимым, старообрядческим общинам законами не предусматривалось, но совершаемое на деле полицейских осложнений не вызывало.

* * *

17 апреля 1905 был издан Императорский Указа об укреплении начал веротерпимости, который существенно изменил правовой статус инославных и иноверных исповеданий.

Этим Указом значительно были расширены права старообрядческих и сектантских общин, не носивших изуверского характера. Почти во всех отношениях, в частности, во владении имуществом от имени религиозных обществ, в праве на сооружение молитвенных домов, на устройство скитов, обителей, в праве печатать богослужебные книги, преподавать своим детям Закон Божий, вести метрические книги, они были уравнены с ранее признанными государством христианскими церквами. Приверженцы белокриницкого согласия и белопоповцы стали после издания указа официально именоваться не раскольниками, а старообрядцами. Отменялись прежние ограничения для старообрядцев и сектантов на поступление их на государственную службу.

Но старообрядческое и сектантское духовенство не получило, однако, права на официально признанное употребление духовных званий и титулов, каким правом пользовалось духовенство армяно-грегорианское, армяно-католическое, лютеранское и реформатское.

Расширены были права католической и мусульманской религиозных общин. Расширение прав мусульман мотивировалось в Указе тем, что "мусульманское население внутренних губерний исполняло всегда свой долг пред государством наравне с его коренными подданными и не доставляло пра-

вительству каких-либо особых забот в отношении политическом. Будучи, затем, весьма твердым в правилах своего вероучения, население это никогда, однако, не проявляло стремления к прозелитизму среди русского народа. Кроме того, несмотря на сохранившиеся еще некоторые отличия внутреннего и внешнего быта, население это сроднилось с Россией и вполне ей дружественно"⁶.

Буддистов-ламаистов Указом от 17 апреля было впредь воспрещено официально называть идолопоклонниками и язычниками.

Существенные изменения были внесены в легальный порядок перемены религии. Сняты были прежние запреты и ограничения на переход из одного признанного государством христианского исповедания в другое. В Указе ничего не говорится о возможности присоединения иноверцев к одной из неправославных христианских общин, но на практике после издания Указа от 17 апреля 1905 года такие переходы не встречали уже никаких препятствий со стороны государственных инстанций.

Наконец, при сохранении общего запрета на отпадение от Православия и от христианства сделано было исключение, по которому могло быть легализовано возвращение новообращенного православного или инославного христианина в свое прошлое вероисповедание.

* * *

События 1917 года внесли радикальные перемены в церковно-государственные отношения. "Декретом" от 20 января 1918 года Православная Церковь была отделена от государства, но при этом не получила прав частного религиозного общества. Принципиальное отличие советского законодательства "о культах" от правового режима отделения

Церкви в таких государствах, как США или Франция, заключалось в последних параграфах "Декрета", положения которых неизменно воспроизводились в более поздних актах: "Никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церквей и религиозных обществ объявляются народным достоянием"⁷.

Русская Православная Церковь на Соборе 1917-18 гг. не признала законности "Декрета", как не признавала она до заявлений Патриарха 1923 года законности советской власти вообще.

Свой взгляд на правомерные отношения Церкви и государства она выразила в "Определении о правовом положении Православной Российской Церкви", принятом 2 декабря 1917 года. Своеобразие этого документа заключается в том, что, с одной стороны, он не воспроизводит схему церковно-государственных отношений, существовавшую в Российской Империи, а с другой, - он вполне игнорирует и складывавшуюся на исходе 1917 года реальную политическую и законодательную ситуацию. Уже Временное Правительство рядом актов: ликвидацией церковно-приходских школ, провозглашением Закона Божия факультативным предметом - сделало решительный шаг в сторону неконфессионального государства. Атеистическая и прямо богоборческая программа большевиков, захвативших власть в октябре 1917 года, была хорошо известна и раньше, а теперь начала проводиться в жизнь.

Поместный Собор, таким образом, решал вопрос об отношениях между Церковью и государством, отвлекаясь от сложившейся ситуации, решал его принципиально, иными словами, предлагал идеальную норму таких взаимоотношений.

По поручению Собора С. Н. Булгаков составил

"Декларацию", в которой требование о полном отделении Церкви от государства сравнивается с пожеланием, "чтобы солнце не светило, а огонь не согревал. Церковь, по внутреннему закону своего бытия, — говорится далее в тексте "Декларации", — не может отказаться от признания просветлять, преобразовать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами"⁸.

Основные положения "Определения", принятого Собором, гласили:

"1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, создававшей Российское государство.

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней духовной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти и, руководствуясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления <...>

4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковною властью <...>

7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными <...>

9. Православный календарь признается государственным календарем.

10. Дванадцатые праздники, воскресные и особо чтимые Православною Церковью дни признаются в государстве неприступными днями <...>

12. Добровольный выход из Православия допускается не ранее достижения возраста, установленного для вступления в брак. Прежде этого возраста дети могут оставить Православие только по желанию родителей, и притом лишь в случае оставления Православия самими родителями; от детей, достигших 9-летнего возраста, требуется их согласие <...>

14. Церковное венчание по православному чину признается законною формой заключения брака <...>

18. Учреждаемые Православною Церковью низшие, средние и высшие школы как специально-богословские, так и

общеобразовательные, пользуются в государстве всеми правами правительственных учебных заведений на общем основании.

19. Во всех светских государственных и частных школах воспитание православных детей должно соответствовать духу Православной Церкви; преподавание Закона Божия для православных учащихся обязательно как в низших, так и в высших учебных заведениях, содержание законоучительских должностей в государственных школах принимается за счет казны.

20. Удовлетворение религиозных нужд членов Православной Церкви, состоящих в армии и флоте, должно быть обеспечено заботой государства; каждая воинская часть должна иметь православное духовенство..."⁹.

После издания этого "Определения" Русская Православная Церковь не возвращалась на столь авторитетном уровне к рассмотрению вопросов церковно-государственных взаимоотношений. Хотя в дальнейшем, начиная с 1923 года, Церковь в лице своих официальных инстанций многократно заявляла о признании советской власти, самым вызывающим образом игнорировавшей постановление Собора, в котором выражен был голос 120 миллионов православных граждан России, очевидно, что признание это было всё-таки более *de facto*, чем *de jure*. Во всяком случае, ни один из последующих Поместных Соборов не пересматривал "Определение" от 4 декабря 1917 года. Следовательно, по крайней мере, как декларация Церкви о норме церковно-государственных отношений, это определение остается действующим актом в Русской Православной Церкви.

Так называемое "современное правосознание", вероятно, может быть скандализировано отдельными положениями "Определения" от 2 декабря 1917 года, теми, которые подчеркивают привилегированный статус Православной Церкви в сравнении с иными вероисповеданиями, хотя никто всерьез не восстает против основ законодательной системы таких стран, как Великобритания, Швеция или

Германия, где есть по закону привилегированные государственные церкви. Но разве Православие для России и русского народа менее судьбоносно, чем лютеранство для Швеции?

Привилегированное положение религии тогда только и может вызывать недоумение или возражения, когда духовные ценности не признаются существенно важным делом. Если же заботу о спасении человека для вечной жизни признавать достойной целью, то нет оснований для веских возражений против того, чтобы и государство, насколько это от него зависит, создавало благоприятные условия для осуществления Церковью ее богозаповеданной миссии.

Что при этом некоторые из граждан могут почувствовать себя несколько ущемленными и из-за своей принадлежности к непривилегированной религиозной общине не иметь надежды на высшую государственную должность, то с такой бедой, вероятно, не так уж трудно смириться.

Религиозное или национальное меньшинство в любой стране уже в силу необходимости самих житейских отношений, независимо от правовой системы, может испытывать некоторые неудобства; потому, например, что не на родном языке написаны вывески на улицах, или неприсутственным (выходным) днем является воскресенье, а не пятница или суббота... С такими затруднениями люди всё-таки легко примиряются.

Гораздо хуже, когда, как это было совсем недавно в России, господствует над огромным религиозным большинством малочисленная община атеистов, навязывая свою волю, свой режим, свою квази-религию стране и государству. Никогда в нашей стране число атеистов не превосходило не только число православных, но даже и мусульман.

Формальное и при этом фактически соблюдаемое равноправие граждан, независимо от их рели-

гиозной принадлежности, в настоящих обстоятельствах представляется приемлемым в нашей стране, пережившей террор атеизма. Но самым удачным, несмотря на несовершенство всего земного, опытом устройства церковно-государственных отношений была всё-таки традиционная византийская симфония, которая составляла краеугольный камень государственного строительства в России, обеспечив ее прочное существование на протяжении веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Ф. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992, с. 368.

2. Там же, с. 216.

3. М. А. Рейснер. Государство и верующая личность. Сборник статей. СПб., 1905, с.162.

4. Цит. по кн.: Государственное учение Филарета митрополита Московского. М., 1888, с. 40–41.

5. Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по церковно-государственным вопросам. Т. V/I, с. 492.

6. Цит. по: М. А. Рейснер, указ. изд., с. 417.

7. Цит. по: О религии и Церкви. М., 1981, с. 115.

8. Цит. по: Владислав Цыпин, протоирей. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994, с. 115.

9. Богословский Вестник. Издание Московской Духовной Академии. 1993, № 1, вып. 1, сс. 145–147.

СОЦИАЛЬНАЯ СИНЕРГЕТИКА

1. Случайность – мать порядка

В науке грянула новая революция. Очарованно слежу за тем, как рождается новая, изумительно красивая картина мира, – ее концептуальную основу формирует *синергетика*, наука о неравновесных процессах.

Вот словарь традиционной картины мира: необходимость – равновесие – симметрия – обратимость. А вот ключевые понятия синергетики: случайность – неравновесие – асимметрия – необратимость. Трудно покидать соразмерный классический космос, адаптируясь к асимметричной, неравновесной, необратимой вселенной, – но реальность мира именно такова. Поначалу эту реальность мы не можем принять чисто эстетически, – ведь наше чувство прекрасного связано с идеей симметрии. Кроме того, мы знаем из второго закона термодинамики, что у необратимых процессов печальный финал: максимум энтропии – полный хаос. Не подрывает ли синергетика сами основы нашего эстетического чувства? Оказывается, совсем наоборот: она показывает – и производит завораживающее впечатление – чудо рождения порядка из беспорядка, структуры – из хаоса. Дабы это рождение произошло, необходимо нарушить равновесие: порядок есть результат неравновесных процессов – это основная вывод синергетики.

У колыбели синергетики стоял Илья Пригожин,

русский по происхождению ученый, живущий в Бельгии. По его убеждению, идеи синергетики универсальны: они применимы и к физическому и к социальному космосу. Это очень интересно и эвристично: социальные аспекты синергетики. Они только-только начинают разрабатываться. Но уже сейчас ясно, что синергетика содержит в себе мощный, непреложно доказательный довод в пользу свободы. В частности, экономической свободы. Попытки жестко управлять экономикой в конечном итоге опираются на механистическое мировоззрение. Что ж, в нем есть красота регулярности и плановости, – но беда в том, что оно заведомо не адекватно реальности, которая бурлит случайностями и флуктуациями. Механистическая парадигма безнадежно устарела. В своих социальных проекциях она ведет к мировоззрению, для которого характерна своеобразная хаософобия: всё жестко регламентируется; любой элемент беспорядка воспринимается – и не без оснований – как подрыв основ. Увы, но страх перед хаосом подчас оборачивается страхом перед жизнью. И в результате возникают безжизненные социальные ситемы. Запад не знал этого страха. Он открыл творческое, зиждительное начало в свободе хаоса, – и до сих пор успешно эксплуатирует это великое открытие. Мы говорим: Запад – это порядок. Но надо подчеркнуть, что этот порядок возник и ежемгновенно поддерживается, совершенствуется – по законам синергетики: его наипрочнейшим фундаментом является принципиально хаотическое неравновесие.

Мы до сих пор боимся свободы. И до сих пор пугаем себя хаосом. А ведь Россия была родиной не только разрушительного (М. Бакунин), но и созидательного (П. Кропоткин) анархизма, который в ряде моментов предвосхитил социальную синергетику. "Анархия – мать порядка". Эта утрированная, левацкая по стилю формула близка к истине. Но мы ее воспринимали односторонне: акцентиро-

вали момент анархии – и в испуге отшатывались. А ведь порядок и впрямь вырастает из беспорядка, – законы этого роста открыты синергетикой. Нам надо научиться доверять свободе. Нет ничего более таинственного и прекрасного, чем начала самоорганизации, заложенные в ней. Она способна сама, без приложения внешней силы, сотворить истинное чудо. В то числе и экономическое чудо, когда "деньги липнут к деньгам". Это синергетический процесс. Удастся ли запустить его в нашей нищей России?

2. Синергетика и солидаризм

Будучи недавно во Франкфурте-на-Майне, я встретился с Владимиром Дмитриевичем Поремским, членом Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС) с момента его основания (1930). Физик-химик по образованию, коллега и друг Ильи Пригожина, он отказался от научной карьеры ради борьбы за свободу России. Однако навыки естественно-научного мышления всегда помогали ему. Знаменитая "молекулярная доктрина" В. Д. Поремского не имеет никакого отношения к химии, – так на основе некоторых аналогий была названа созданная им теория развертывания "молекулярной цепочки": ее структура, позволяя вести серьезную подрывную работу, в то же время обеспечивала безопасность членов организации.

Мне хотелось поговорить с Владимиром Дмитриевичем о солидаризме. Но разговор зашел о синергетике, – она сейчас в центре его внимания. Используя свои широкие международные связи, Поремский стремится создать в России методологический центр, призванный выявить универсальность синергетических идей, их приложимость к самым разным аспектам и космоса, и социума. По убеждению В. Д. Поремского, синергетика – это новая модель мира, новое мировоззрение. А как же солидаризм? Упреждая мой вопрос, Владимир

Дмитриевич развивает интересную мысль: синергетика и есть наиболее зрелая форма солидаризма.

Понятие солидарности мы применяем по отношению к социальным и иногда биологическим явлениям. Но вот новые классы явлений, выявленные синергетикой на физико-химическом уровне: заворуженно наблюдаешь за ними – и чувствуешь искушение воспользоваться понятием солидарности. Пусть условно, пусть метафорически! Но оно как нельзя лучше подходит здесь.

Эти частицы, оказавшись в неравновесном состоянии, ведут себя не просто согласованно, а именно солидарно. Ведь согласованность может быть чисто механической, – тогда как здесь мы наблюдаем сложный процесс самоорганизации. Частицы выстраиваются в так называемую ячейку Бенара, – это геометрически совершенно безупречная шестиугольная структура. Откуда частица знает, что она должна занять именно это место в общей конфигурации? Она уверенно направляется к предназначенному ей месту – как если бы она получала некие направляющие сигналы. Создается ощущение, что в неравновесной системе возникает своего рода информационное поле, где осуществляется дальное действие – благодаря ему мириады частиц могут мгновенно связываться друг с другом и перемещаться организованно.

Я нарочито описываю физико-химический процесс антропоморфно. То есть как бы одушевляю явления, заведомо лишенные разума и сознания. Но как отделаться от ощущения поразительной солидарности в поведении частиц? Замечательная особенность: синергетические эффекты наблюдаются лишь при нарушении симметрии. Другими словами, в неравновесных – часто критических, экстремальных – ситуациях. Для частиц, находящихся в режиме равновесия, И. Пригожин использует образное название: *гипноны*. Буквально – "спящие": частицы двигаются как сомнамбулы, не за-

мечая ничего вокруг и не чувствуя друг друга. Но вот равновесие поколебалось – и гипноны проснулись: на наших глазах происходит чудо их быстрой солидаризации.

Быть может, и мы в условиях застоя являемся своего рода гипнонами? И для нашего пробуждения нужна встряска, резко нарушающая энтропийное равновесие?

Это рискованная процедура: перенос естественно-научных понятий на социальную сферу. Тут было немало провалов. Вспомним, сколь ошибочным оказалось механическое описание общества; вспомним, что не оправдала надежд и его кибернетическая модель. Не ожидает ли подобный удел социальную синергетику? Думается, что нет. И залогом этого является фундаментальность синергетики, ее глубинная онтологичность – то есть ответственность сущностным структурам бытия. По этому критерию, механика и кибернетика являются несравненно более узкими областями знания. Помня об ошибках редукционизма (упрощения), мы тем не менее вправе попытаться перевести на язык синергетики многие социальные проблемы, – это по крайней мере обновит сам подход к их разрешению.

Синергетика уже успешно работает на уровне биологии. В частности, с ее помощью удастся описать весьма сложные этологические – поведенческие – структуры.

Недавно мне посчастливилось быть свидетелем рождения одной из таких структур. Это было в ненецкой тундре, где мои друзья-экологи снимали фильм, посвященный поведению оленей. Из окна вертолета мы увидели оленье стадо, – в расположении животных была естественная хаотичность, случайность. Но вот олени почувствовали тревогу, – и в стаде произошла стремительная перестройка: на фоне заснеженного ягеля четко прочертилась безупречно правильная логарифмическая спираль.

Зрелище захватывающей красоты! Быть может, это самое сильное эстетическое впечатление моей жизни – я до сих пор нахожусь в плену у него. Какое информационное поле помогло множеству особей организовать в предельно целесообразную и оптимальную структуру? Перед нами феномен биологической солидарности, – трудно понять его природу без применения методов синергетики.

Синергетический взгляд на человеческое общество поможет нам лучше понять глубинную, во многом еще таинственную и – не побоюсь этого эпитета – мистическую взаимосвязь людей. Все мы – свободные индивиды; все мы – автономные микрокосмы. И тем не менее, рассредоточенные в пространстве, рассеянные по свои квартирам и местам службы, мы порой действуем как одно целое. Я здесь имею в виду не такие явления, как стадный коллективизм или массовый психоз, а нечто совсем другое: неисповедимое поле единства, столь мощно проявляющее себя в критические часы истории. Движение наших душ подчас принимает поразительно согласованный характер, – и тогда не важно, что я нахожусь в Карелии, а вы – на Камчатке: наши мысли и поступки обнаруживают удивительную когерентность, то есть взаимность, солидарность, единство. И вот что замечательно: это та форма единства, которая не нуждается в пресловутой монолитности – мы не теряем себя в солидарном акте, не жертвуем своей свободой. Более того: мы можем даже не сознавать этой солидарности – и тем не менее благодаря ей общество само-реализуется как живая целостность.

”Всё течет”, – говорил Гераклит. Оглядываясь назад, мы видим, что течение истории может быть ламинарным – ровным в своем ритме, спокойным; но вот оно принимает турбулентный характер – и тогда внутри его закручиваются воронки, вихри. Но можно ли поток истории рассматривать в терминах гидрологии и синергетики? Не становятся ли

эти термины всего лишь метафорами? Тут всё зависит от угла зрения, от методологической установки. Ноосфера, в смысле В. И. Вернадского, является частью живого вещества, которое действительно течет, смешивается, вступает в реакции, – и мы ныне можем отчетливо увидеть: во всех этих процессах прорисовываются синергетические закономерности. Это очень увлекательный взгляд на историю, – и он вовсе не отменяет других подходов, а дополняет их. Или даже обеспечивает возможность их синтеза.

Интереснейшее понятие "месторазвития" у наших философов-евразийцев; концепция пассионарности, развитая Львом Николаевичем Гумилевым; весьма перспективная для будущего России теория самоуправления, углубленно разрабатываемая В. В. Белоцерковским, – во всех этих очень разных направлениях мысли всё же есть общая черта: синергетический взгляд на общество. В новизне подобных подходов не приходится сомневаться.

Но вот вопрос: если история – это поток, то не является ли отдельная личность всего лишь щепкой, пассивно плывущей по течению или закрученной водоворотом? На этот принципиальный вопрос синергетика отвечает со всей определенностью: – Нет!

3. Личность как аттрактор

Будучи детищем 70–80 годов XX века, синергетика тем не менее уходит своими корнями в мудрость древних, – она как бы предчувствуется в интуициях эллинов о рождении космоса из хаоса; в психологии буддизма с ее концепцией "я" как потока дхарм; в христианской идее соборности. Это всё очень и очень несхожие построения мысли. Но вот их инварианта (общая неизменная составляю-

шая): гармония рождается благодаря духу согласия, который входит во множество элементов, – будь то первостихия, ощущения или люди.

Одним из предтеч синергетики часто называют великого Лао Цзы. Основоположнику даосизма принадлежит парадоксальное утверждение: слабое имеет приоритет над сильным – часто победа остается за ним. Почему именно эта мысль Лао Цзы привлекла внимание теоретиков синергетики? Потому что для запуска грандиозного синергетического процесса достаточно слабого возмущения. Источником такой флуктуации, способной изменить весь ход истории, может стать каждый из нас.

Синергетика говорит о роли личности в истории без ложного и пустого пафоса. Меньше всего ее интересуют великие личности, чей вклад в историю очевиден, – центром внимания становятся малые мира сего, мы с вами. Скептики говорят: наши добрые поступки и порывы пропадают втуне – их смыкает, сводит на-нет социальная энтропия в таких ее формах, как равнодушие, косность, цинизм. "Плечью обуха не перешибешь", – утверждает пословица. Но синергетика готова поспорить с этим утверждением. Так бывало не раз: цитадели зла рушились оттого, что кто-то – имя его не запомнили – осмелился поднять голову. О, малое деяние, доброе или смелое, может иметь колоссальные, космически значимые последствия! Синергетика впервые подводит серьезную методологическую базу под философию малых дел. Она вселяет в нас оптимизм. На что сейчас надеяться в усталой и разуверившейся России? На синергетический потенциал нашего хаоса. Я нисколько не сомневаюсь в том, что кто-то из россиян уже родил идею или сделал незаметное поначалу дело, которые вскоре выступят в качестве аттракторов (притягивающих элементов, магнитов): организуют, чудодейственно преобразят аморфное социальное окружение.

Понятие аттрактора имеет очень важное значе-

ние в синергетике. Это одновременно и возмутитель старого равновесия, и строитель гармонии. Если хотите, своего рода активная затравка: непринужденно – без всяких усилий – она подчиняет своим созидательным ритмам инертную массу. Как если бы в некоем сюрреалистическом пространстве, где имеется множество молчащих камертонов, вдруг спонтанно заколебался один, – и все остальные не только ответили ему в унисон, но и стали вести свои сложные партии, слившиеся в прекрасную полифонию.

Крохотный аттрактор – его так легко загасить, задать! – способен организовать вокруг себя огромные пространства. По сути дела, вся наблюдаемая нами картина Вселенной сложилась в результате действия таких аттракторов. Тайнственная флуктуация, слегка всколыхнувшая 15 миллиардов лет назад спящий вакуум: она сработала как аттрактор – вызвала из небытия и сформировала наш космос. Аттракторы неустанно работают на всех уровнях организации материи. Стоит ли говорить о том, сколь важна их функция в развитии ноосферы? Вокруг аттракторов росли города и державы, формировались этносы; они исподволь настраивали сознание людей в резонанс великим этическим истинам; ими намечались узловые переломы в движении мира к справедливости и совершенству. Подчеркнем еще раз: роль подобных аттракторов очень часто играют самые обыкновенные люди – совсем не гении. Их имена не остаются на скрижалях истории; скромно и незаметно вершат они подвиг своей жизни. Но это именно *подвиг*: то есть подвижка истории, нас с вами к чему-то лучшему. Тоталитарный строй, носитель смертоносных тенденций энтропии, заглушает работу аттракторов: угасает, свертывается всякая добрая и свободная инициатива. Но аттракторы неистребимы. Можно и должно говорить о законе сохранения аттрактивной энергии. Свою силу

этот закон со всей очевидностью явил у нас в годы застоя. Запретный плод не только сладок, – он порой обнаруживает качества аттрактора. Мизерными были тиражи самиздата. Но они вызывали и поддерживали реакцию инакомыслия, которая, ветвясь, распространялась по всей стране и колебала устои. Неуследимо для КГБ произошла перестройка человеческих душ. Этот процесс имеет свою структуру, – ее становление можно адекватно описать в терминах синергетики.

Не так уж часто во главе государства становится личность–аттрактор. Является ли ею Борис Ельцин? Сегодня на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Несомненно, что сильнейший аттрактивный эффект имел его выход из КПСС, – этот поступок стал вехой истории. Падение большевизма повлекло за собой рост хаоса. Это – неизбежная цена за рывок к новому. Сейчас президент из всех сил пытается запустить аттракторы внутри растущего хаоса. Пока никто не вправе сказать, удачны или провальны эти попытки, – для подобных оценок необходимо время. Но один момент вызывает опасения: это ориентация реформ на интересы среднего класса и новой элиты, – интересы простого народа по-прежнему игнорируются.

“Аттракция” буквально означает “привлечение”. Увы, но Борису Ельцину не удастся привлечь к себе, увлечь за собой основную массу российского населения, – без этого нельзя рассчитывать на то, что в хаосе произойдет чудо самоорганизации.

И всё же упование на это чудо не является утопическим: синергетика дает ключ к его рациональному пониманию. Отсюда не следует, что в ней – путь к решению всех наших проблем. Но она обнадеживает. Ибо ясно показывает, что хаос может быть не только завершением агонии, но и началом нового.

Виктор ОБУХОВ

Первозданный хаос

Вопрос о литературе, о выпуске книг в нынешней России можно рассматривать с разнообразных точек зрения. В каждом случае при этом получатся ответы, не только ни в чем не пересекающиеся друг с другом, но и сами по себе не очень вразумительные. Можно говорить о том, что книг выпускается (и выпущено уже) очень много, и это будет правдой. Так же можно говорить и о том, что книг, всё еще ожидающихся своей нескончаемой очереди, не меньше. Правдой будет и это. Можно посетовать на то, что – при обилии выпущенных в немногие годы книг – они все к тому же настолько разнородны (в любом смысле), – что невозможно более или менее широко охватить всю эту массу, классифицировать по каким-либо группам для создания единой осмысленной картины. (Сейчас, задним числом, стоит еще раз с недобрый уважением осознать, сколь мощна была плотина советской идеологии, сколь многое она сумела удержать, – если теперь прорвавшаяся к нам литература кажется не культурным потоком, а волнами первозданного хаоса. – Возможно, это первый в русской истории период, когда в культурную жизнь одновременно вливаются так много потоков, – из разных времен, разных литератур, разных слоев, очень неравноценные по качеству и важности зафиксированного в них материала, зачастую очень спорные или даже сомнительные по своей необходимости для нас, – и все требуют права на внимание...)

...Мне часто приходит в голову вопрос, – а не опоздало ли это наследство? Насколько серьезно сможет нынешняя Россия встретить его? Насколько утрачена возможность восприятия и понимания? Не окажутся ли заветные некогда книги, как письма из бутылок, выброшенных морем, – письма, написанные много лет назад и никакого значения (кроме разве что музейного) теперь не имеющие? Помогут ли они развитию новой российской литературы или она не сможет осилить этого наследства и будет рождаться заново в результате варварских сольных подвигов?

Но это – частный вопрос о культуре как о передаче эстафеты. Более тревожит вопрос о культуре как о необходимости общенациональной. Я понимаю, что, быть может, не совсем осведомлен об этом вопросе, что, быть может, сгущая краски и что пессимизм вообще бесполезен. Но уверен, всё же стоит задуматься об этом (хотя бы как о предположении, очень вероятном): культура стремительно утрачивает в глазах людей последние остатки сакральности. (Как, впрочем, и религия, хотя разговор о религии вне моей компетенции.) То есть утрачивает некое качество, – и неизвестно, заменится ли эта утрата избыточным количеством. Неоднократно мне приходилось сталкиваться с людьми, занимающимися коммерцией, с людьми вроде бы неглупыми и порядочными, которые совершенно честно заявляли, что их дело – коммерция, а вот в культуре они ровно ничего не смыслят, да и не надо. Заявляют с уверенностью, как будто так и должно быть, как будто культура – это некая другая специальность, которая их, специалистов в своей области, вовсе не касается. Не их дело. И ведь ничем не докажешь, что на самом деле – касается, что это вовсе не другая "специальность", а совсем иное. Воздух, обнимающий всех коммерсантов и некоммерсантов всевозможных профессий на Земле, тоже вроде бы специально никого не касается. И желать, чтоб он исчез – для наглядного опровержения неверных человеческих суждений – преступно. Потому что не от кого будет выслушивать признания в ошибочности бывшего мнения. Ибо не будет дышащих. А при исчезновении культуры – не будет говорящих. Культура (минимально, что делает) – удерживает людей от озверения. А человек как существо неблагополучное всегда стоит совсем не так далеко от этого. И всегда в запасе должна быть возможность остановиться и договориться о чем-либо понятном для всех. Культура (литература для России, ибо Россия в свое время поставила на литературу слишком многое) – это язык для договора, общий язык, а не один из многих параллельных, на которых сейчас, кажется, говорит деятельная Россия, строя что-то общее, и при этом человек не понимает человека.

Впрочем, всё это лишь намётки тем, а решаются они не так быстро. В любом случае, попытки возрождения культуры обязательно будут, и несомненно, на помощь будет привлекаться литературное наследие России. Книги для этого уже есть, они идут и идут, заполняя пропасть между былым и настоящим. Теперь их остается правильно использовать. А это значит, в первую очередь, постараться правильно понять. В какой-то мере они были действительно написаны не для нас,

действительно являются письмами из бутылок, или лучше, если сменить метафору, – законченными, созревшими плодами. Эти плоды придется пробовать наобум, совершая рискованный эксперимент по различению добра и зла, нужного и ненужного...

* * *

Я хотел бы выделить наиболее интересные, на мой взгляд, книги осени 1994 года. По отмеченной выше причине изобилия изданного, останавливаюсь на русской литературе, да и то достаточно выборочно.

Московское издательство "Индрик" выпускает в свет трехтомный труд А. Н. Афанасьева "Поэтические воззрения славян на природу" (репринтное издание). Это – главная работа замечательного ученого прошлого века, итоговый труд, и он был очень важен для своего времени как наиболее серьезная обработка русским культурным слоем материалов народного творчества. Для нашего времени, думается, само исследование несколько устарело, но, однако, по обилию собранного в трехтомнике фактического материала имеет и, вероятно, еще надолго, – ценность как своеобразная энциклопедия. В полном объеме после революции издается впервые. В начале октября вышел второй том.

В издательстве "Русская книга" вышло собрание сочинений Н. В. Гоголя в девяти томах. Первые тома отданы завершенным художественным произведениям и построены согласно замыслам самого писателя о собрании сочинений. Кроме этого, в собрание включены эстетические и исторические исследования Гоголя, то, что осталось от юношеских, не дошедших до нас произведений, а также "Выбранные места из переписки с друзьями", "Размышления о Божественной Литургии" и письма.

Говоря о Серебряном веке и первой эмиграции, прежде всего следует упомянуть две замечательные петербургские серии: "Литература русского зарубежья" (издательство "Logos") и "1000 лет русской литературы" (издательство "Северо-Запад"). Первое выпустило уже около двух десятков книг: художественную литературу, критику, мемуары русских литературных и общественных деятелей, воспоминания людей, оставивших ценные исторические свидетельства. Среди художественных книг, в частности, были опубликованы произведения Г. Адамовича, Г. Иванова, Б. Поплавского, Н. Оцуца. К этой осени серия пополнилась романом Н. Федо-

ровой "Семья" о жизни русской эмиграции в Китае и двумя собранными под одной обложкой работами о Гоголе – В. Гиппиуса и В. Зеньковского.

Издательство "Северо-Запад" в прошлом году выпустило книги А. Тарковского и В. Брюсова. В этом году вышло "Избранное" К. Р. – ценного, на мой взгляд, лишь исторически, и две книги М. Кузмина. В одну из них – "Подземные ручьи" – вошла избранная проза, в другую – "Арена" – изборники 1918 года – неосуществившийся в свое время замысел книги; практически реконструированные "Ленинградские параболы" и последняя книга стихов (1929 год) – "Форель разбивает лёд".

Московское издательство "Республика" выпустило книгу "Стихотворения и поэмы" Андрея Белого, 1-й том предполагаемого собрания сочинений (правда, нумерованный). Книга состоит из трех разделов. Первый – это свод произведений из основных поэтических сборников, во втором – стихи, в сборники не входившие, а в третьем – переработанные А. Белым стихи. На мой взгляд, это наиболее удачно составленный том стихов Белого; к тому же, кажется, наиболее полный.

В этом же издательстве выпущена книга Ю. Айхенвальда "Силуэты русских писателей". Это – своего рода литературный памятник, вроде "Книг отражений" И. Анненского или "Ликов творчества" М. Волошине. Правда, художественная ценность книги, видимо, несколько ниже, чем представлялось в начале века, статьи не отличаются особой глубиной или оригинальностью, но замечательно могут послужить чем-то вроде коротких лекций, "введений" в творчество того или иного писателя, – как из первостепенных величин, так и менее известных. "Выпуски" (их было три) соединены в одну книгу. К ним добавлены еще десять очерков и книга "Спор о Белинском".

Издательство "Согласие" выпустило трехтомное собрание сочинений Георгия Иванова. Собрание приурочено к 100-летию со дня рождения поэта. Кажется, после Бунина Г. Иванов – второй из эмигрантов,ждавший достаточно серьезного и полновесного собрания художественных произведений. В первый том вошли практически все стихотворения из зрелых сборников поэта, во второй – художественная проза (в том числе "Распад атома" в полном объеме), в третий – мемуарная проза и статьи. Неплохо было бы включить в собрание некоторые переводы и письма Г. Иванова, но это уже в качестве пожелания, некоего воздушного поцелуя. За то, что издано в трехтомнике, следует быть более чем благодарным,

тем более, что по нашей российской бедности ожидание переиздания или нового издания – дело не одного года.

Из эмигрантских книг следует еще отметить сборник стихов В. Смоленского "Жизнь ушла, а лира всё звучит" (издательство "Праминко", Москва). В книге представлены стихи в том же объеме, что и в последнем прижизненном сборнике Смоленского с добавлением стихов из посмертного издания. Книга, без сомнения, интересная, но вести о ней какой-либо серьезный разговор, вероятно, не имеет смысла, поскольку тираж у нее – 1000 экземпляров, мягкая невзрачная обложка слегка желтоватого оттенка, – и встретить эту книжку на прилавке магазина, думаю, куда трудней, чем о ней не узнать. Эту книгу можно зачесть как первую ласточку, за которой ожидаются другие.

Также стоит заметить (или, верней, легче не заметить) публикацию книги стихов Г. Адамовича в литературном альманахе "Алтарь" № 1 – Адамовичу вообще по каким-то причинам пока не везет с публикациями (за исключением уже упомянутой серии "Литература русского зарубежья", выпустившей книгу статей "Одиночество и свобода"). Не изданы книгой "Комментарии", и – хотя часто, но небольшим количеством и в каком-то неудачном подборе издаются то там, то здесь стихи, – нет книги стихов, нормального сборника. Хотя в чем дело, представить трудно: у Адамовича не так-то и много написанных стихов.

Вероятно, такое же недоумение следует выразить по поводу отсутствия поэтического сборника В. Поплавского, да и других эмигрантов. На мой взгляд, это не очень правильно, и эмигрантской литературе (я имею в виду литературу первой волны) следовало бы вообще уделить больше внимания, чем литературе какого-либо другого, славного или нет, периода существования русской литературы. Эмиграция ближе всего к нам по времени и, уж несомненно, по духовному строю, по сочувствию людских душ, увидевших, как вокруг них рушится целый мир. Опыт потрясения, запечатленный в эмигрантской литературе, во многом соответствует нашему и потому исключительно ценен.

Издательство "Художественная литература" завершило серию "Памятники литературы Древней Руси". Вышел последний 12-й том, включающий в себя силлабические стихотворения и драматургию семнадцатого века.

Из древней литературы, из произведений православного мира составлена "Многоценная жемчужина" (издательство "Ладомир") в переводах С. Аверинцева. Это – второй опыт такого сборника после книги "От берегов Босфора до берегов

Евфрата", которая сразу же по выходу в свет стала библиографической редкостью. На сей раз к переводам с сирийского и коптского добавлены переводы с греческого языка.

В издательстве "РМ" появился первый том "Избранных трактатов" Плотина. Том представляет собой восемь трактатов из пятой эннеады. Этот том – собрание под одной обложкой переводов, опубликованных в 1888–1890 годах в журнале "Вера и разум". На различные погрешности этих переводов неоднократно указывали специалисты. Но тем не менее, новых переводов Плотина в России практически нет, и то, что печатает сейчас "РМ" – это наиболее полный свод русских текстов Плотина.

Для ценителей православной литературы могут быть интересны, во-первых, очередные тома из собраний Отцов Церкви. Сейчас появился первый полутом третьего тома из собрания Иоанна Златоуста, 4-хтомное собрание произведений Афанасия Великого, 2-й том Василия Великого, 3-й – Ефрема Сирина. Все эти книги публикуются впервые после революции. Вслед за 1-м, вышедшим чуть раньше, томом появились остальные три из "Лекций по истории Древней Церкви" В. В. Болотова. На мой взгляд, это – одна из наиболее ценных работ по церковной истории.

Возвращаясь к разговору о древних христианских писателях, также необходимо упомянуть "Беседы" Григория Паламы, вспомнив при этом, что Палама, за исключением нескольких публикаций в дореволюционных журналах, в России вообще неизвестен, хотя на Западе, кажется, эти "Беседы" уже выходили. Деятельность и творчество Паламы – одна из важных вех православия, русские зарубежные богословы (например, архим. Киприан Керн, прот. Иоанн Мейендорф) серьезно изучали его; но в России Паламе пока так же не везет, как Плотину, уже упомянутому мной.

Еще из древних книг следует отметить "Избранное" Тертуллиана (издательство "Прогресс"). Впрочем, отметить можно еще многое, но я упоминаю о самых важных или, во всяком случае, о наиболее солидных по объему материалов изданиях.

Кажется, я очертил круг наиболее интересного из книг, вышедших в России летом-осенью 1994 года. Коммерческие жанры (фантастика, детективы) достаточно хорошего уровня (если такой вообще бывает) книг на русском языке пока не дали; вообще, кажется, спрос на коммерческую литературу постепенно начинает угасать. По крайней мере, стоит надеяться, что коммерческая литература откатится, уместится

в те рамки, в которых ей – при здоровом культурном состоянии в стране – и надлежит находиться.

Что же касается современной русской литературы, то здесь можно отметить выход 3-го тома Собрания сочинений (в 4-х томах) И. Бродского (издательство "Пушкинский фонд", Петербург). В том вошли стихотворения 1980–94 гг. и переводы. Издательство "Риск" (г. Белгород) выпустило – практически первую большую – книгу Т. Кибирова "Сантименты".

* * *

Вот, на мой взгляд, самое значительное. Бедней всего здесь представлена современная русская литература. Да и обе книги, строго говоря, только краем касаются современности, основной своей частью протягиваясь в десяти-пятнадцатилетнюю давность. То есть, это не столько современная, сколько н е д а в н я я литература, просто нё напечатанная вовремя: оба имени уже какое-то время существуют в русской литературе. Что же касается новых имен, новых произведений, – я просто даже не знаю, что сказать. Или еще ничего нет, или это новое пока не может пробиться через другие, уже более давно и более прочно существующие литературные направления. Это, кстати, еще одна беда, еще одно свидетельство культурного повреждения: практическое отсутствие каких-либо общеобязательных, крупных ценностей, ориентиров, – и взамен этого маленькие, но твердо устоявшиеся для определенного данного литературного направления. Иногда кажется, что мы разбили зеркало, и каждый литератор унес один осколок с собой и теперь всегда наблюдает в нем мелкое отражение большого мира.

Культурное наследие, в частности, может сослужить службу и в этом: в укрупнении взгляда, в расширении горизонта. Но, опять-таки повторяю, – возможно, мы не знаем, как использовать это наследие в полную мощь. Вероятно, придется искать какие-то новые, дополнительные подходы. Не исключено, что придется по-новому посмотреть и на привычные, знакомые с детства литературные ценности. Ибо мир, кажется, изменился больше, чем мы, и эти ценности больше, чем нам, не соответствуют миру. Придется искать какую-то гармонию для всех трех величин.

Поиски этой гармонии будут, несомненно, проходить в достаточной степени стихийно. По крайней мере, в освоении литературного наследия очень любопытен может быть им-

провизационный метод, выстрелы наугад, пристрелка участка, условно считающегося незнакомым. Вероятно, это могло бы открыть нам в литературе что-то новое, чему в традиционной русской культуре не уделялось достаточно места, или для чего, скажем, у культуры просто не было – за отсутствием необходимости в этом – каких-то рецепторов. Теперь они нужны, и мы должны их вырастить, чтобы приноровиться к нашему прошлому, – как выращиваем мы сейчас в себе какие-то новые, небывалые для нас органы чувств, чтобы приноровиться к жизни, к будущему. Удастся ли это – неизвестно, но, наверное, придется проходить именно такой путь, либо же отказаться от культуры, от жизни, в конце концов – от себя.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Протоирей Михаил А р д о в. Живет в Москве. Служит в одном из подмосковных приходов. Опубликовал множество статей и несколько книг по истории Русской Православной Церкви и по богословию. Автор "Граней".

Марина К а ц е в а. Музыковед. В период 1983-1989 - лектор Московской Государственной филармонии. Автор музыковедческих статей, а также литературно-музыкальных концертных программ (о Пушкине, Блоке, Паустовском, Чехове, Цветаевой). С апреля 1990 г. живет в Бостоне (США).

Юрий Л е в и т а н с к и й. Известный поэт, пришедший в русскую поэзию в конце 50-х годов. Его можно назвать проводником "чистой и негромкой ноты" в море тогдашней советской поэзии, "кричавшей" стихами Евтушенко, Вознесенского и многих других. В течение трех с лишним десятилетий выпустил несколько стихотворных сборников. Живет в Москве. В "Гранях" публикуется впервые.

Юрий Л и н н и к. Филолог, литератор, критик, популяризатор, собиратель русского искусства, знаток эмигрантской литературы. Живет в Петрозаводске. Постоянный автор "Граней".

Светлана М а к с и м о в а. Молодой московский литератор. Ее первые прозаические публикации (рассказы) в "Новом мире" вызвали большой интерес у читающей публики. В "Гранях" печатается впервые.

Виталий П у х а н о в. Молодой московский поэт. Выпускник Московского литературного института и его аспирант. Первый лауреат учрежденной несколько лет назад поэтической премии им. Мандельштама. Живет в Москве. Несколько его стихотворных подборок были опубликованы в "Гранях", равно как и подборки, сделанные им из стихов молодых поэтов его круга. Готовится к печати первый большой сборник его стихов.

Борис П у ш к а р е в. Родился в Праге. Сын известного русского историка С. Г. Пушкарева. С детства был связан с русским скаутским движением, затем с НТС. В 50-е годы несколько лет провел в Берлине на закрытой работе НТС. Закончил Йельский университет (США). По специальности – урбанист. Автор книги по этой теме. Основал и более 25 лет был вице-президентом нью-йоркской фирмы "Regional Plan Association", занимающейся проблемами внутригородских коммуникаций в Нью-Йорке. Несколько лет назад оставил эту работу, уйдя на т. н. "раннюю пенсию", чтобы всё время посвящать работе НТС в России, где он и проводит большую часть года. Председатель Исполнительного бюро НТС.

Роман Р е д л и х. Родился в Москве. В начале 30-х годов большая семья Редлихов выехала из

России, в буквальном смысле выкупленная у Сталина дедом, жившим в Германии. Член НТС со второй половины 30-х годов. В Германии закончил университет по специальности: философия. Был учеником С. Л. Франка. В годы войны работал в системе НТС, главным образом с русскими военнопленными, делая всё возможное как для их просвещения, так и спасения. После войны становится одним из руководителей НТС. Работает в Институте изучения СССР. Читает лекции по философии, истории (не только в институте, но и в разных студенческих аудиториях), пишет книги. Среди них, пожалуй, самые замечательные "Сталинщина как духовный феномен" и "Советское общество". Сборник работ под его редакцией "Очерки большевизмоведения" не знает себе равных в советологической литературе. Также написал роман "Предатель". Многолетний член Исполнительного бюро НТС. Последние годы активно участвует в жизни новой России, где проводит большую часть времени: читает лекции в Новом Гуманитарном университете, много выступает, дает многочисленные интервью. Продолжает писать статьи в "Посев" и "Грани".

Владимир С в и р с к и й. Историк. Живет в Израиле. Много публиковался в разных русско-язычных изданиях зарубежья.

Протоирей Владислав Цыпин. Доцент Московской Духовной академии. Автор учебника "История Русской Православной Церкви. 1917-1990". Готовится к изданию обширный труд на ту же тему.

Подписчикам журнала "Посев" в России

Издательство "Посев" рассылает подписчикам 1995 г. журнала "Посев" бесплатно по Вашему выбору одну из указанных ниже книг, впервые изданных в России:

В. К. Штрик-Штрикфельдт "Против Сталина и Гитлера"
Мягк. пер. 444 стр.

Г. К. Гинс "Предприниматель"
Тв. пер. 224 стр.

Ю. В. Мальцев "Иван Бунин. 1870-1953"
Мягк. глянец. пер., 432 стр.

Вы получите книгу почтой после того, как пришлете нам вместе со своей заявкой (название книги, Ваши фамилия, имя и отчество, полный адрес с почтовым индексом, телефон, Ваша специальность и образование) Вашу квитанцию подписки на "Посев" или ее копию (ксерокопию, фотокопию и др.).

При получении книги в Вашем почтовом отделении Вы заплатите лишь за ее пересылку.

Новая книга издательства "Посев"

А. Казанцев

ТРЕТЬЯ СИЛА

Книга повествует о трагической попытке создания русских антикоммунистических сил в нацистской Германии и на территории оккупированных ею стран. А. С. Казанцев, одаренный представитель белой эмиграции, принимал активное участие в создании Власовского движения. О многих событиях Второй мировой войны, ранее не известных российскому читателю, свидетелем и участником которых был А. С. Казанцев, вы узнаете только из этой эмоциональной книги.

Вы можете заказать книгу почтой по невысокой цене или приобрести ее с большой скидкой непосредственно в издательстве "Посев".

Адрес для заказов:

103031 Россия Москва К-31 Русакову К. В.

Телефон/факс: (095) 927-27-37.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-65936 Frankfurt a. M.
Tel.: (069) 431265. Telefax: (069) 343841
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор московского филиала: К. В. Русаков
Коммерческий директор: Л. А. Мюллер

Условия подписки для заграницы на 1995 год:

Журнал "Грани" (4 выпуска в год)

Годовая подписка в издательстве	60 нм
Годовая подписка через посредников	70 нм
Почтовые расходы	10 нм

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

Годовая подписка в издательстве	60 нм
Годовая подписка через посредников	70 нм
Почтовые расходы	10 нм

Доплата за воздушную почту и на "Посев", и на "Грани":

Сев. Америка, Африка, Бл. Восток	20 нм
Южн. Америка, Дальний Восток	30 нм
Австралия, Новая Зеландия	40 нм

Торговые представительства издательства "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ	S. Sesin, Unification Bookstore 43 Croydon Rd., Surry Hills, Vic., 3127
БЕЛЬГИЯ	B. P. 1094 - Bruxelles 1
ВЕНГРИЯ	Bartok Béla, ut. 16. 1.em. H-1111 Budapest Tel.: (361) 186-2527
США	G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York N. Y. 10017 "Possev" Representative, P. O. B. 659, Pacific Palisade, NJ
ШВЕЙЦАРИЯ	G Bruderer, Mösliveg 40, CH-3098 Köniz

"ГРАНИ"

Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли

Мнение авторов не всегда совпадает с точкой зрения редакции. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, географических названий и иных собственных имен и прочих сведений, за оценку событий и персоналий, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации. Редакция оставляет за собой право публиковать рукописи в сокращенном виде.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакция не может высылать авторам рецензии на их произведения, давать консультации литературоведческого или юридического характера и выступать ходатаем в официальных учреждениях. Направляемые в адрес редакции рукописи должны быть напечатаны на машинке через два интервала четким шрифтом (допускается аналогичный компьютерный вариант) без правки, вставок и вклеек. Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах. Объем каждого предлагаемого материала не должен быть более трех авторских листов. Рукописи, превышающие указанный объем, редакцией рассматриваться не будут.

Учредитель: Филиал Коммандитного товарищества
"Издательство ПОСЕВ".

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и
информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 011038 от 13.01.1993.

Адрес московского филиала издательства "Посев"
для оформления подписки, заказов на отдельные экземпляры
и комплекты журналов "Грани" и "Посев",
на книги издательства "Посев" и писем:
103031 Россия Москва К-31 Русакову К. В.
Телефон/факс: (095) 927 27 37.

ГРАНИ-GRANI

Индекс 73078

Подписано к печати 20.08.95 Формат 84x1-8 1/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Усл. кр.-отт. 15.

Уч.-изд. л. 16. Тираж 2000 экз. Заказ № 4283

Отпечатано с оригинал-макета в ДПК.

142040 Моск. обл. г. Домодедово, Пионерская ул., 18.

ЖУРНАЛ "ПОСЕВ"

*** * ***

"Посев" – общественно-политический журнал, выходящий с 1945 года. До 1990 г. "Посев" выходил за рубежом и был органом свободной российской оппозиции, трибуной свободного слова из России. Теперь журнал выходит в самой России, следуя своим прежним принципам участия во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

- поддерживает российское освободительное движение во всех его гуманных проявлениях;

- стоит на позициях национально-государственных интересов России;

- участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

- стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

Журнал "Посев" выходит 6 раз в год (каждый второй месяц) на 128 страницах.

ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Теперь Вы можете подписаться на журналы "Посев" и "Грани" непосредственно через новый отдел подписки филиала издательства "Посев" в Москве - начиная с любого месяца.

Это хорошая возможность получать журналы строго в срок, в нашем конверте без наложенного платежа.

На второе полугодие 1995 года
три номера журнала "Посев"
или два номера журнала "Грани"
обойдутся Вам в пятнадцать тысяч рублей,
включая пересылку бандероли.

Вы можете оформить подписку на журналы, перечислив почтовым или банковским переводом (по Вашему выбору) пятнадцать тысяч рублей издательству "Посев" (т. е. за второе полугодие 1995 года).

Нашедшему пять подписчиков - одна подписка предоставляется бесплатно.

Адрес для почтовых переводов:

Россия, 103031 Москва К-31

Русакову Константину Владимировичу

или банковским переводом на счет:

Номер счета для оплаты через банк: Расч. счет 1810591
в Марьиноорощинском ОСБ; ОПЕРУ МБ СБ РФ в г. Москве.
Кор./счет банка 164110, код ВА; МФО 201906.
Новый МФО 44583342 (указывать оба МФО).

На корешках переводов напишите:

"Посев-Филиал"

"Журнал ПОСЕВ/ГРАНИ - подписка на 2-ое полугодие 1995 г."

Точно укажите ВАШ ПОЧТОВЫЙ АДРЕС С ИНДЕКСОМ -
по нему Вам будет высылаться журнал.